

В. С. Болбас
И. М. Шиманская

ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА БЕЛОРУСОВ

ISBN 978-985-477-954-6

9 789854 779546

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

В. С. Болбас, И. М. Шиманская

ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА БЕЛОРУСОВ

Под научной редакцией В. С. Болбаса

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2025

УДК 37.013.8:39(476)

ББК 74.6

Б79

Печатается по решению научно-технического совета
УО МГПУ им. И. П. Шамякина (протокол от 15.09.2025 № 9)

Авторы:

В. С. Болбас, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры
педагогики УО МГПУ им. И. П. Шамякина;

И. М. Шиманская, старший преподаватель кафедры биологии и химии
УО МГПУ им. И. П. Шамякина

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры психологии ГГУ им. Ф. Скорины
Ф. В. Кадол;

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры социальной коммуникации БГУ
И. И. Калачёва.

Болбас, В. С.

Б79 Этноэкологическая педагогика белорусов / В. С. Болбас,
И. М. Шиманская ; под науч. ред. В. С. Болбаса. – Мозырь : МГПУ
им. И. П. Шамякина, 2025. – 208 с.
ISBN 978-985-477-954-6.

В монографии представлено комплексное исследование феномена этноэкологической педагогики белорусов как уникальной системы идей воспитания, сформированной на основе многовекового опыта гармоничного взаимодействия народа с окружающей средой. Раскрыты теоретико-методологические основы, содержательно-целевые компоненты и процессуально-методическое обеспечение этноэкологического воспитания в контексте белорусской народной традиции. Авторы обосновывают значение традиционных экологических знаний и для современной теории и практики экологического образования.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, педагогам-практикам, а также всем, кто интересуется вопросами этнопедагогики, экологического воспитания и сохранения белорусского культурного наследия.

УДК 37.013.8:39(476)

ББК 74.6

ISBN 978-985-477-954-6

© Болбас В. С., Шиманская И. М., 2025

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Введение	5
Глава 1. Теоретические основы и природосообразный характер этнической педагогики белорусов	7
1.1. Этнопедагогика в контексте развития современной педагогической науки	7
1.2. Природосообразность воспитания в народной педагогике белорусов	13
1.3. Этноэкологические основы педагогической мысли белорусов	19
Глава 2. Содержательно-целевой компонент этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов	31
2.1. Теоретико-методологические основания исследования идей этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов	31
2.2. Ценностно-целевые основы этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов	47
2.3. Содержание этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов.....	58
2.4. Этноэстетика природы в педагогических воззрениях белорусского народа	77
Глава 3. Процессуально-методические основы этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов	85
3.1. Классификация и характеристика принципов этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов	85
3.2. Система методов и средств этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов	100
3.3. Педагогический потенциал белорусских народных примет.....	128
3.4. Воспитательная роль народных заговоров	135
Глава 4. Этноэкологическая педагогика белорусов и современное образование	143
4.1. Традиционные этноэкологические знания в современном образовании	143
4.2. Этноэкологический патриотизм: сущность, структура и значение для устойчивого развития	156
Заключение	163
Глоссарий	166
Список использованных источников	169
Приложения	194

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях глобального экологического кризиса, когда человечество столкнулось с последствиями нерационального природопользования, как никогда остро встает вопрос о поиске устойчивых моделей взаимодействия с окружающей средой. Одним из ключевых направлений в решении этой проблемы становится обращение к традиционным системам экологического сознания, веками формировавшимся в культурах разных народов.

Белорусская этнокультурная традиция, сформировавшаяся в гармонии с природой, представляет собой уникальный пласт народной мудрости, в котором органично переплетаются рациональные знания о природе, духовно-нравственные ориентиры и практические навыки бережного отношения к окружающему миру. Этот опыт, зафиксированный в фольклоре, обрядах, поверьях и повседневных практиках, до сих пор остается ценным, но недостаточно востребованным ресурсом для современного экологического воспитания.

Данная монография посвящена комплексному исследованию идей этноэкологического воспитания в белорусской народной педагогике. В работе не только систематизируются традиционные экологические знания, но и раскрываются их глубинные связи с мировоззренческими основами, ценностными установками и социальными практиками белорусов. Особое внимание уделяется выявлению системных закономерностей формирования экологической культуры в традиционном обществе, что позволяет по-новому осмыслить возможности интеграции этнопедагогического наследия в современное образование.

Актуальность исследования обусловлена не только необходимостью сохранения этнокультурного наследия, но и поиском эффективных путей формирования экологического сознания в условиях поликультурного мира. Опора на традиционные модели природопользования и воспитания позволяет создать устойчивую основу для развития экологической этики, сочетающей в себе как национальные, так и общечеловеческие ценности.

Монография адресована исследователям в области педагогики, этнологии, экологии, а также практикам, занимающимся вопросами экологического воспитания и этнокультурного образования. Она может быть полезна преподавателям, магистрантам, аспирантам и всем, кто интересуется традиционной культурой и ее ролью в современном мире.

Авторы выражают благодарность коллегам и экспертам, чьи советы и критические замечания способствовали совершенствованию данной работы, и надеются, что ее результаты послужат дальнейшему развитию этноэкологических исследований и практик.

Авторы

ВВЕДЕНИЕ

Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года значительное место отводит обеспечению экологической безопасности страны, называя эту проблему одной из наиболее остро обозначившихся в современности. Особое внимание в комплексном решении данной проблемы уделяется образованию, поэтому его экологическая составляющая выделена в качестве ключевого вектора государственной политики в образовательной сфере.

Экологическое образование, включающее в себя экологическое обучение и экологическое воспитание, формирует систему знаний, умений и навыков, черт и качеств личности, определяющих бережное отношение к природе, сохранение и приумножение естественных ресурсов. Вполне закономерно, что в Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг. экологическое воспитание определено одним из основных направлений воспитательной деятельности в стране.

В рамках выполнения данной программы в Беларуси немало делается как в научно-методическом обеспечении, так и в практической организации экологического образования. основополагающие подходы и создание системы непрерывного экологического образования изучает А. Р. Борисевич. Теория и практика экологического образования и воспитания стали предметом исследования Т. Г. Каленниковой, Г. Н. Каропы. К вопросу формирования экологической культуры личности обращены работы О. М. Дорошко, С. С. Кашлева. Особенности организации экологического образования и воспитания в разных возрастных периодах рассмотрены в трудах В. С. Вариводы, Л. А. Довнар, Г. Н. Казаручик, Н. К. Катович, Т. А. Ковальчук, В. М. Минаевой, А. И. Новицкой, А. А. Петрикевич, Н. В. Самерсовой, И. А. Старовойтовой, Е. А. Стреха, И. А. Шараповой и др. Используя имеющийся научно-теоретический материал применительно к реальным социокультурным условиям, в стране развернута широкомасштабная педагогическая деятельность по разработке методического обеспечения и организации экологического образования всех обучающихся.

Анализ проводимой работы дает основания утверждать, что ее результативность значительно повышается, если она опирается на глубинные корни — этнопедагогическое, этноэкологическое наследие белорусского народа. Этноэкологичность как онтологическое и экзистенциальное условие гармонии индивида и непосредственно окружающей его природной среды не только укрепляет основы формирования экологической культуры человека и общества, но и обеспечивает эффективность воспитания в целом благодаря выполнению требований принципа культуросообразности.

Специфика экологического сознания восточных славян, отражающая своеобразный симбиоз мировых цивилизационных полюсов, обусловила приоритеты и ценности традиционной экологической культуры белорусов,

опора на которые обеспечит повышение эффективности экологического образования в настоящем и в будущем. Включение в него этноэкологического компонента также способствует решению задач этнокультурного и поликультурного образования, что еще более актуализирует рассматриваемый вопрос.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на принимаемые меры, значимость экологических проблем в мире не только не снижается, а, наоборот, постоянно возрастает. Ставится вопрос о перспективе выживания цивилизации вообще. Такие вызовы времени требуют соответствующего реагирования системы образования в виде совершенствования научной и практической педагогической деятельности по формированию экологической культуры личности и общества. Несмотря на важность проблемы, в Республике Беларусь в отрасли «Педагогические науки» за последние 12 лет не выполнялись диссертационные исследования по данной тематике (для сравнения – с 1990 по 2013 г. их было подготовлено 15). Специальное изучение проблем экологического воспитания в традиционной педагогической культуре белорусского народа практически не осуществлялось. Таким образом, вышеназванное позволяет выявить **противоречия** между:

- необходимостью опоры в экологическом образовании на основы традиционной педагогической культуры и недостаточностью их теоретико-методологической разработанности;
- потребностью учета этнонациональных аспектов экологического воспитания и недостатком их системного научного обоснования;
- наличием многочисленных идей этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов и их фрагментарным применением, нарушающим преемственность экологической культуры.

Отмеченные противоречия аргументируют актуальность настоящей работы и обуславливают определение проблемы диссертационного исследования, заключающуюся в разработке теоретико-методических основ этноэкологического воспитания, отражающих результаты формирования его идей в народной педагогике белорусов.

Настоящая монография призвана восполнить существующий пробел в научном знании, предложив комплексный анализ традиционных экологических практик белорусов и их адаптацию к современным образовательным реалиям. Данная работа может стать теоретической и практической основой для дальнейших исследований в области этноэкологической педагогики как самостоятельного направления современного образования, способствуя сохранению культурного и природного наследия Беларуси.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРИРОДОСООБРАЗНЫЙ ХАРАКТЕР ЭТНИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ БЕЛОРУСОВ

1.1. Этнопедагогика в контексте развития современной педагогической науки

Одним из важнейших аспектов устойчивого развития человечества является культура, которая во многом обеспечивает формирование благополучного будущего всей человеческой цивилизации и без которой попросту невозможно ее существование вообще. Современные же тенденции развития культуры характеризуются значительным влиянием глобализационных процессов, имеющих весьма противоречивый характер. Надо признать, что глобализация во всех сферах жизни – это нынешняя реальность. И если ее материальные проявления в целом вызывают положительные оценки и всемерную поддержку, то ее культурная составляющая порождает серьезные сомнения и обоснованную тревогу, так как ярко выраженная тенденция к унификации и вестернизации затухивает национально-культурную самобытность, разрушает жизнеутверждающую палитру мультикультурного развития общества.

Распространяющиеся социокультурные ценности небольшого числа индустриально развитых государств не просто обедняют мировую культуру, а вносят существенную социальную напряженность, доходящую до серьезных этнических конфликтов. Отдельные американские идеологи не скрывают, что экспортируемая массовая культура подрывает основы других обществ и, что в отличие от обычных завоевателей, их не устраивает простое подчинение, они нуждаются, чтобы другие копировали и распространяли навязанные извне ценности. В этом направлении они, к сожалению, добиваются определенных успехов. Как констатируют исследователи, многими современными людьми такие модернистские «западные шаблоны априори воспринимаются как более развитые и совершенные» [1, с. 46]. Распространение в качестве универсальных, чужих общественных норм и ценностей влечет за собой потерю своей национальной культуры, своей уникальности и самобытности, а потом уже независимости и самостоятельности.

В ответ на глобализационные тенденции развития культуры повсеместно параллельно с усилением универсализма поднимается значимость уникального, национально-культурного, индивидуально-личностного, наблюдается динамичный рост этнической и конфессиональной активности. Следует отметить, что в свою очередь процессы этнизации могут приобрести тенденции межэтнического расслоения, обособленности, переходящие в национальную нетерпимость и непримиримость. Очевидно, что самоизоляция

от глобальных процессов в настоящее время не только трудноосуществима, но и, как ни парадоксально звучит, тормозит развитие национальной культуры. По сути, все выверенные жизнью и временем этнонациональные ценности представляют собой национальную интерпретацию общечеловеческих ценностей. Культурная глобализация при условии сохранения в каждой культуре своеобразия может вести к культурному многообразию через взаимное обогащение. Поэтому сама постановка вопроса – глобализация или этнизация – неправомерна. Важно умело совмещать глобальное и локальное. Без глубокого и полного усвоения своей культуры человек не может приобщиться к общечеловеческим ценностям, подняться на вершины общемировых культурных достижений. В значительной степени эта задача решается через систему образования, которое ставит своей целью формирование мультикультурной личности и как носителя культуры своего этноса, и как способную выйти за рамки своей этничности, понимать и принимать культуры других народов.

Весомая роль в таком процессе отводится достижениям народной, этнической педагогики. Неслучайно основатель этого научного направления Г. Н. Волков назвал этнопедагогику педагогикой национального спасения [2]. Поэтому более эффективному использованию достижений народно-педагогической мудрости в настоящем должны способствовать глубокие, всесторонние исследования этого феномена, начиная с сущности самого понятия, его терминологического представления. Вообще, адекватное отражение важнейших понятий в научно обоснованных терминах является необходимым условием как для разработки теоретических вопросов воспитания и обучения, так и для практической их организации. В связи с этим В. М. Полонский совершенно справедливо отметил: «Термин выступает своеобразным катализатором, источником постановки и осознания проблемы. В зависимости от трактовки термина может быть дана объективная или ошибочная оценка фактического положения дел» [3, с. 56].

К настоящему времени достаточно прочно утвердилось мнение, что базовые понятия и термины этнопедагогики в основном упорядочены, определены и обоснованы. Считается, что решен ключевой вопрос: размежевание терминов «народная педагогика» и «этнопедагогика». В абсолютном большинстве научных работ, учебных пособий этнопедагогика рассматривается как наука, изучающая народную педагогику, а народная педагогика – как синтез взглядов, идей и практического опыта народа в сфере воспитания. Отмечая небезосновательность данных определений, хотелось бы высказать соображения о правомерности подобной жесткости и категоричности в трактовках таких неоднозначных и многомерных понятий.

Представляется не совсем оправданным объединение народной воспитательной практики и идей народа о воспитании в понятие «народная педагогика». В этом плане в качестве методологической установки можно принять вполне обоснованное утверждение М. А. Галагузовой: «При реше-

нии содержательных вопросов, возникающих при введении того иного понятия в педагогических исследованиях необходимо помнить, насколько предлагаемое определение позволяет четко и однозначно выделить педагогический объект или явление, фиксируемое в понятии, в какой мере свойства и отношения, отраженные в понятии, соответствуют реальной педагогической действительности или рассматриваемой теоретической концепции» [4, с. 87].

В определенном смысле понятие «народная педагогика» выступает в качестве видового по отношению к понятию «педагогика», поэтому к **народной педагогике** логично относить целостную совокупность эмпирических знаний, устойчивых взглядов, характерных идей народа о воспитании, не добавляя сюда практический опыт [5, с. 20]. В таком случае соблюдается корректность подходов, когда под педагогикой понимается наука (совокупность идей) и при её рассмотрении на уровне народной культуры и на академическом уровне осмысления. А народно-воспитательная практика представляет собой народное воспитание – организованный в народной среде во внеинституциональных традиционно-бытовых формах процесс передачи-приобретения накопленного социального опыта. Иначе получается, что, перенося термин «педагогика» из академической сферы в сферу народной культуры, мы не сохраняем его понятийный смысл, допуская тем самым серьезный методологический просчет. Кстати, народная психология и этническая психология – обе определяются как науки. Да и на начальных этапах изучения народной педагогики многими учеными она рассматривалась как «народная наука». Первый в СССР ее исследователь Г. С. Виноградов определил народную педагогику как «совокупность и взаимодействие народных представлений, взглядов на жизнь, на воспитание и обучение новых поколений, на цели и задачи воспитания и обучения, средства и пути воздействия на подрастающее поколение» [6, с. 43]. Г. Н. Волков в свое время дал ей такое определение: «Народная педагогика – это совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, сохранившихся в устном народном творчестве, обычаях, обрядах, детских играх и игрушках и т. п. Народная педагогика предполагает исследование педагогической культуры масс, выработанной тысячелетним опытом человечества и бытующей до наших дней [7, с. 46].

Вообще, когда под народной педагогикой понимаются совокупные педагогические знания и воспитательный опыт народа, то надо иметь в виду, что народные знания, идеи, взгляды и есть результат осмысления, обобщения накопленного опыта, посредством которых он и передается следующим поколениям. Всякое же приобретение опыта путем подражания, через действия по образцу, без специальной организации процесса не входит в сферу воспитания и представляет собой банальное влияние окружающей среды. Отсюда следует, что будет более оправданно и научно обоснованно под народной педагогикой понимать именно результат осмысления воспитательного опыта, само же его использование – сфера практики, воспитания.

В противном случае наблюдается такое смешение понятий, что «народное воспитание» и «народная педагогика» трактуются даже как синонимы: «Понятие «традиционное народное воспитание» в широком социально-педагогическом смысле (инварианты воспитания) является синонимом понятия «народная педагогика»» [8, с. 34]. Подобная синонимизация, на наш взгляд, допустима только на уровне традиционно-бытовой культуры и не выше. Безусловно, в народной педагогической культуре эти феномены тесно связаны между собой. Но это не что иное, как одна из их особенностей, что, кстати, нужно брать на вооружение современным теоретикам и практикам. Непосредственная, органическая связь с жизнью как раз и обеспечивает результативность народной воспитательной системы. Педагогическими целями и задачами до такой степени ненавязчиво и тонко наполнены все сферы и конкретные моменты реальной жизни, что воспитанники практически не ощущают на себе специального воспитательного воздействия.

Такая завуалированность воспитательных мер, их органическая вкрапленность в реалии жизни делает народное воспитание настолько естественным, что иногда трудно провести границу между специально организованным воспитательным процессом и обыкновенным влиянием окружающей среды. Это дает основание современным ученым ошибочно относить к народному воспитанию любые процессы социализации личности. Так, Э. Р. Хакимов под народным воспитанием понимает не только целесообразно организованные, но и «в основном процессы, которые протекают стихийно» [9, с. 50]. Г. В. Нездемковская считает, что «воспитание в народной педагогике всегда [выделено нами. – В. Б.] носит скрытный характер» [10, с. 69]. С такими выводами никак нельзя согласиться. Народное воспитание неизменно имеет характер специально организованного процесса, иное дело, что эта «специальная организованность» народной мудростью, как подчеркнуто выше, настолько филигранно вкраплена в повседневность, что не всегда явно просматривается, и в этом – величайшая сила народной педагогики.

Принципиально важной чертой, особенностью народной педагогики является отсутствие конкретного автора её идей. Все они созданы коллективным народным гением и прошли проверку жизнью и временем. Очевидно, что генезис мирового историко-педагогического процесса берет первоначало именно из народной педагогики и народного воспитания. Особенность научной педагогики заключается в том, что она отбирает общее, присущее всем народам и определяет всеобщие закономерности воспитания. В процессе развития идей воспитания в рамках академической педагогики создается экспериментально-исследовательское направление, многие идеи конкретных авторов приобретают самостоятельную значимость. В народной же педагогике экспериментальной площадкой является сама жизнь, а временные отрезки «апробации» весьма внушительны.

Стремительное развитие цивилизации обуславливает динамику изменения педагогических идей. Появляется реальная опасность их отрыва от своих первооснов, ибо решительные изменения в организации жизнедеятельности человека должны учитывать то, что эволюционно сам человек как психофизическое существо достаточно консервативен. Поэтому с точки зрения привязанности к своим корням, учета этнонациональных особенностей, как весьма действенных факторов формирования личности, сегодня как никогда востребовано обращение к ключевым ценностям народной педагогики и этнопедагогики. Их аксиологический аспект, охватывающий ценности традиционного воспитания, тесно связанные с ментальностью народа, обеспечит устойчивую преемственность в современных образовательных процессах как важнейшее условие эффективности последних.

При этом понимание этнопедагогики как важнейшей составляющей педагогической культуры также представляется далеко не полным, не отражающим всю ее многообразность и характерные признаки. Как было сказано выше, в последнее время в науке прочно утвердился подход рассмотрения этнопедагогики в качестве академической науки, изучающей народную педагогику. Такой подход, конечно, имеет право быть, но в общем он значительно сужает суть и содержание феномена этнической педагогики как с научной, так и с практической точек зрения. Во-первых, при таком подходе мы невольно уменьшаем потенциал народной мудрости, умаляем возможность создания ею выверенных, обобщающих идей, способных эффективно влиять на практику жизни, в данном случае – на воспитание подрастающих поколений, о чем говорилось ранее. Во-вторых, мы ее предметом вместо этнического воспитания практически делаем только народное воспитание, фактически синонимизируя их, что никак не оправдано. Достаточно выразительно размежевывает народное воспитание и этническое А. М. Панькин: «Этническое воспитание – это целенаправленное взаимодействие поколений, в результате которого формируется этническое самосознание, адекватное отношение к себе как к субъекту этноса, чувство гордости за свой этнос, положительное отношение к языку, истории, культуре своего этноса, а также чувство уважения и толерантности к представителям других этносов. Сущность этнического воспитания заключается в сохранении, формировании и развитии этнической самобытности личности, ее культуры, самосознания, языка на основе преемственности поколений с учетом изменившихся условий» [11, с. 67]. Ученый делает акцент на том, что этническое воспитание решает задачи формирования личности как представителя своего этноса, выразителя его особенностей и интересов. А в содержание народного воспитания входят и многие другие вопросы, не связанные с этнической культурой.

Этнической педагогией действительно должен изучаться опыт этнического воспитания, который в основном заключен в народной педагогике, но не только в ней. Ее предметом рассмотрения может быть воспитание

привилегированных слоев конкретного этноса, взгляды, идеи отдельных ученых по проблемам этнонационального воспитания. При нынешнем понимании этнопедагогики все это остается вне ее сферы.

Если под народной педагогикой понимать совокупность идей народа о воспитании, то неясно, почему мы не можем народную педагогику конкретного этноса называть этнопедагогикой. Логично утверждать, что этническая педагогика настолько отличается от народной, насколько понятие «этнос» отличается от понятия «народ». Принципиальная разница между ними в том, что этническая педагогика более адресно указывает, во-первых, на свое авторство (конкретный этнос), во-вторых, на область её применения (этот же этнос). Кстати, в случае, когда под этносом понимают народ, понятия «народная педагогика» и «этническая педагогика» практически совпадают. Неслучайно Г. Н. Волков подчеркивал, что «народная педагогика, как и народное воспитание, национально ориентирована: народное и национальное в данном случае тождественны, составляют синонимы» [12, с. 25]. Если абстрактно предположить, что народная педагогика разрабатывала бы некие общие для всех людей идеи воспитания, то этнической её можно было бы назвать только по месту привязки генезиса этих идей. Нечто подобное характерно для народной медицины, когда те или иные средства и методы лечения представляют одновременно этническую и народную (китайская, японская и т. д.) медицину как достижение медицинской культуры конкретного народа, а её результаты можно использовать практически всем жителям планеты. Аналогичное можно наблюдать и в народной метеорологии, народной агрономии и т. п.

Сужение понятия этнопедагогики до науки о народной педагогике не позволяет включить в её содержание идеи, научные разработки конкретных ученых об особенностях этнического, национального воспитания в конкретном сообществе (этнос, нация и т. д.). Поэтому появляются предложения дополнительно к этнической педагогике создавать ещё национальную педагогику, которая бы рассматривала эти вопросы [13, с. 79].

Исходя из вышеприведенных соображений, под **этнической педагогикой** следует понимать:

- 1) целостную совокупность эмпирических знаний, устойчивых взглядов, характерных идей этноса о воспитании (иначе: народная педагогика определенного этнического сообщества);

- 2) науку, которая изучает народную педагогику и народное воспитание, а также особенности воспитания, характерные для этнического сообщества.

Подчеркнем, речь идет не только об изучении народной педагогики, а и о вопросах этнонационального воспитания в целом. Как справедливо отмечают российские ученые, «опыт народной педагогики лишь часть того, что входит в структуру и содержание национального образования» [8, с. 22]. Таким образом, если педагогика является наукой о воспитании вообще, то этническая педагогика – наука об этническом воспитании.

Отмечая важную роль этнопедагогики в этнокультурном воспитании, обеспечивающем «национальное спасение» через формирование национального самосознания, этнонациональную идентификацию, хотелось бы обратить внимание на ее еще более важную роль в организации любого педагогического процесса. Ведь в значительной степени с опорой на особенности этнической педагогики реализуются требования принципа культуросообразности воспитания, являющегося базовым принципом, непосредственно и эффективно влияющим на результаты всего процесса. Но почему-то эта важнейшая ее функция остается вне поля зрения и ученых-теоретиков, и педагогов-практиков. По сути, это ключевой аспект организации любых образовательных процессов. Отсюда вытекает, что этнопедагогическая подготовка учителя является необходимой и важнейшей составляющей его профессиональной компетентности.

Таким образом, этнопедагогика обеспечивает решение трех взаимосвязанных и взаимообусловленных стратегических задач современного образования:

- ✓ содействует этнокультурному формированию и этнонациональной самоидентификации личности;
- ✓ способствует естественному приобщению к мировым, общечеловеческим ценностям;
- ✓ обеспечивает эффективность любого воспитательно-образовательного процесса.

Кроме этого, она вносит существенный вклад в решение множества более частных конкретных задач современной педагогической теории и практики, таких, например, как связь обучения и воспитания с жизнью, создание образовательной среды, гибкость и вариативность воспитательных подходов и много других.

1.2. Природосообразность воспитания в народной педагогике белорусов

Традиционная педагогическая культура белорусов, как и других народов, веками накапливала опыт воспитания подрастающих поколений, который непосредственно выводился из реальной жизни. В свою очередь вся жизнь наших предков была тесно связана с окружающей природой, что предопределило влияние последней на развитие общества вообще и воспитательные процессы в частности. Многие исследователи относят природно-географические детерминанты к числу первостепенных в формировании этнопсихологических и социально-культурных особенностей человеческих сообществ. Так, например, согласно теории народоведения Л. Н. Гумилева, «в разных климатических условиях географической среды создаются разные этносы и различные культурные традиции» [14, с. 29].

Органическая слитность белорусского народа с природной средой повлекла появление характерных особенностей в организации воспитания детей. Всепоглощающее единение белорусов с природой олицетворяло и развивало язычество, которое и после распространения христианства продолжало мирно сосуществовать с ним. Самым непосредственным образом язычество содействовало укреплению всевозможных связей человека с природой, а нравственно-воспитательная ориентация христианской религии в сочетании с особенностями уклада жизни славян в свою очередь детерминировали многие общественные процессы, которые основывались на естественных природных началах.

Так, народно-воспитательные цели белорусов, как и основные постулаты христианской этики, предусматривали формирование общинно направленного человека с высоким уровнем духовности, критерием которой было общее благо. С древних времен до 90 % всей территории современной Беларуси занимали леса и болота, что вынуждало наших предков объединять свои усилия в разработке посевных площадей, в преодолении различных преград. Неслучайно народная мудрость пришла к категорическим выводам: *«У гурце нішто не страіна», «Адна галавешка ў пячы не гарыць, а дзве і ў полі не тухнуць», «Моцны статак чарадою, а людзі грамадою», «Хто жыве ўкупе, у таго не баліць у пупе»* [15, с. 368–375].

Коллективистская ориентация менталитета белорусов предусматривала аналогичные подходы и в воспитании детей. Как и в природном цикле, естественной и первостепенной задачей общества была забота о подрастающей смене. Воспитание детей всегда было важнейшей функцией белорусской семьи, и ее роль в формировании личности считалась определяющей. Помощь родителям в этом сложном деле всемерно поощрялась общественной мыслью, и в народе много делалось в этом направлении. Общеизвестна роль бабушек и дедушек, принимавших самое активное участие в воспитании детей. Действенную всестороннюю помощь оказывали дяди, тети и многочисленные родственники. С самого рождения у ребенка появлялись бабка-повитуха, крестный отец и мать, роль которых в этом процессе часто была выше, чем кровных родственников. Дети также постоянно ощущали на себе воспитательное воздействие соседей и односельчан. В семьях непосредственно воспитанием младших детей занимались старшие. Используя современный лексикон, можно сказать, что происходила настоящая педагогизация окружающей среды. Довольно гармонично сочетались общественное и семейное воспитание детей.

Природно-географический фактор оказал решающее влияние на становление национального характера белорусов, который в свою очередь детерминировал многие особенности в воспитании подрастающих поколений. По мнению ученых, равнинный и низинный рельеф Беларуси содействовал формированию спокойного, рассудительного характера ее жителей. В значительной степени, благодаря природному своеобразию края, содержание

воспитания этнической педагогики белорусов включало выработку таких качеств, как сдержанность, выносливость, доброжелательность, гуманность и др. Более того, особенности природных условий северных и южных районов Беларуси содействовали формированию несколько отличных характеров у их жителей. Население северо-восточных земель, где преобладает холмистый рельеф, энергичное, решительное, а те, кто живет на Полесье, менее активные, более меланхолические. Э. С. Дубенецкий отмечает, что жизнь среди лесов, болот обусловила жизнестойкость, выносливость белорусов [16, с. 30–31]. Все это должным образом нашло отражение в целях и содержании воспитания. Нравственный идеал народной педагогики белорусов представляет собой человека, преданного родному краю, неотделимого от *«мілага кутка»*. Красота природы, целесообразность и гармоничность ее явлений наполняли воспитательный идеал добротой, гуманизмом, своеобразным лиризмом души. Истинные белорусы твердо уверены, что *«Бацькаўшчыны не купляюць і не прадаюць»* и что *«Лепей у сваіх людзях з голаду паміраць, чым у чужых людзях золата збіраць»* [17, с. 58–59].

Такая связь народной жизни с природной средой способствовала выделению в народной педагогике природосообразности воспитания в качестве важнейшего принципа. Причем, следование этому принципу в традиционной педагогической культуре довольно многоаспектное и более широкое, чем в научной педагогике. Существовало убеждение о совершенности, разумности природы, в том числе и природы человека, считалось, что в ней больше добра, чем зла, и добро при правильной организации жизни побеждает. Жизнь, воспитание людей подчиняются целесообразному совершенному, разумному природному устройству. Жизнеутверждающие, добродетельные начала всегда восторжествуют, для этого не нужно нарушать predetermined природой взаимосвязи и взаимоотношения. Этот принцип требовал органической связи, единства человеческого существования с живой и неживой природой, которая, в свою очередь, выступала в качестве важнейшей воспитательной школы. Воспитанник постоянно ощущал себя частью космоса, влияние которого на индивида адекватно определяется не только конкретными поступками, поведением, но даже мыслями и намерениями человека.

В народе было подмечено, что на развитие личности оказывает влияние фактор наследственности. На эмпирическом уровне народная педагогическая мудрость пробовала доказать, что многие черты и качества передаются от родителей к детям из поколения в поколение. Фольклорная сокровищница белорусов хранит ряд изречений, которые убеждали в predetermined наследственностью человеческих особенностей: *«Не адкоціцца яблык ад яблыні»* [17, с. 125], *«Які куст, такія і адросткі»*, *«Якая матка, такое і дзіцятка»*, *«Якое дрэва, такі клін, які бацька, такі сын»* [17, с. 141], *«Дзеўка маткаю красна»* [17, с. 118], *«Які дуб, такія і плады»*, *«Ад добрага караня – добры і адростак»*, *«Харошых бацькоў – харошыя і дзеці»* [17, с. 126] и

другие. Не учитывать такие выводы в воспитательной практике было просто невозможно. Но опыт народного воспитания также предупреждал, что подобная зависимость между родителями и детьми все-таки не является фатально определяющей.

Во-первых, в каждом правиле существуют исключения, поэтому случается, что и у *«Аднаго бацькі і маткі няроўныя бываюць дзіцяtkі»* [17, с. 112], *«І ў сям'і не без вырадка»* [18, с. 88], *«Нягоднік не родзіцца, а зробіцца»* [17, с. 128]. Во-вторых, благодаря соответствующим усилиям можно добиться удивительных результатов в формировании личности. Вспомним, например, как во многих сказках детей отдают на обучение и воспитание мастерам своего дела. В народе понимали немаловажную роль специально организованного воспитания в формировании личности, поэтому уделяли ему большое внимание: *«Хто дзяцей мае, няхай навучае»* [17, с. 134], *«Разумным дзіця не родзіцца»* [17, с. 143]. Воспитание же считалось довольно сложным делом и требовало не только значительных усилий, но и соответствующего умения: *«Дзетак узгадаваць – не курак пасклікаць»* [17, с. 141]. В народе обосновалась уверенность в значительных возможностях воспитания, но без лишней его абсолютизации. А что касается перевоспитания, то к нему часто относились очень скептически. *«З лысага цялятка лысы вол будзе»* [17, с. 137], *«Лысае жарабя ўрадзілася, лысае і здохне»* [17, с. 154], *«Чорнае белым не стане»* [17, с. 178], *«Чорнага сакала не вымыеш дабля»* [17, с. 179], *«Сокала не пераробіш на саву»* [17, с. 165], – рассуждали в народе. Вот поэтому во многих сказках процесс перевоплощения человека, приобретение им новых качеств часто происходил с помощью сверхъестественных сил: в одно ухо влез таким, а через другое вылез совсем другим, выпил чудодейственного напитка и неузнаваемо изменился и т. п.

Следование принципу природосообразности особенно выразительно проявляется при организации воспитания в соответствии с природой ребенка. Имеется в виду половозрастная стратификация воспитанников и учет их индивидуальных особенностей. С самого рождения в народной практике принципиально по-разному организуется воспитание мальчиков и девочек. Такие отличия очевидны не только в общевоспитательных целях, когда первых готовили к ведущей роли мужа, заботливого и старательного хозяина, других – к роли послушной, трудолюбивой жены, но и в нравственно-воспитательных. Так, у мужчин высоко ценились нравственные ценности, которые базировались на силе воли, физической силе, ловкости, сноровке. Поэтому приоритетными считались такие качества, как твердость характера, соответствие слов делам, порядочность, честность, чувство собственного достоинства, терпение и др. С раннего детства формировалось убеждение, что *«Гаспадар – галава ў хаце»* [17, с. 199]. Более высокое положение в иерархической лестнице нравственных качеств женщины занимали доброта, скромность, сдержанность, целомудрие, послушание. Отличия в воспитании мальчиков и девочек в народной педагогике настолько значительны, что

воспитание детей по сути разделялось на два отдельных процесса – процесс воспитания мальчиков и процесс воспитания девочек. Каждый из них имел свои цели, свое содержание, существовали серьезные отличия в воспитательных методах и средствах, а также в соответствующих требованиях к их организации.

Народная мудрость также рекомендует менять воспитательные подходы в зависимости от возраста ребенка. Очень ярко свидетельствует об этом следующая пословица: *«Да п'яці год п'ястуй дзіця, як яечка, да сямі пасі, як авечку, тады выйдзе на чалавечка»* [17, с. 116]. Причем считается, что *«кожны ўзрост сваім ічасцем жыве»*.

За основу возрастного подхода в воспитании народная педагогика берет хронологический возраст всех детей, и это помогает ей установить и выдвинуть на первый план специфику воспитания не отдельного индивида, а определенной категории воспитанников. Как отмечают исследователи, народно-воспитательная практика выделила следующие возрастные периоды: 0–1 год – младенчество, 1–3 – малолетство, 3–7 – раннее детство, 7–12 – детство, 12–14 – подростковый возраст, 14–17–18 – юность. В народе точно сформулирована идея, что воспитание детей должно начинаться как можно раньше: *«Гні галінку пакуль маладзенька»* [17, с. 116], *«Тады дзяцей вучаць, як каля лаўкі ходзяць»* [19, с. 133], *«Што ў маленстве выхаваеш, на тое ў старасці і абапрэшыся»*, *«Не навучыш слухаць маленькім, не паслухае, калі барада вырасце»* [17, с. 125–126] и другие.

Народная педагогическая мудрость обращает также внимание и на то, что вместе с общими особенностями детей определенного возраста существуют индивидуальные отличия, которые не всегда вписываются в привычные жизненные представления. *«Не роўны лес, не роўныя людзі»*, *«Кожны чалавек па-свойму жыве»* [18, с. 199], – поучали в народе. Так, например, часто в фольклорных произведениях повествуется о той или иной личности, совсем непохожей на других людей, которая свои особые способности проявляет только при определенном, индивидуальном отношении к ней. Очень часто в начале народных сказок все сыновья предстают перед слушателями умными, а один – дураком. Но в дальнейшем выясняется, что он просто не такой, как все, и, как правило, является носителем высоких нравственных качеств, скрытых под необычностью индивида. Потом в силу определенных обстоятельств проявляется его духовное совершенство, и он становится настоящим героем.

Народно-педагогические постулаты поэтому сосредотачивают внимание воспитателей на глубоком, вдумчивом проникновении во внутреннюю сущность явлений: *«Не ўсё тое золата, што блішчыць»* [17, с. 177]. Есть все основания утверждать, что в отличие от академической традиционная педагогика определяла методы и средства воспитания не только и не столько исходя из воспитательных целей и содержания, сколько в значительной степени, а иногда и в основном, ориентируясь на способности и возможности

конкретных детей. В этом и проявляется ее жизнеутверждающая сила, и отсюда берет свое начало одно из важнейших условий ее эффективности.

У любого народа, и белорусы тут не исключение, значительная часть устно-поэтического творчества основывается на календарно-обрядовой деятельности, которая отображает природные явления, поры года и т. д. Кстати, отсюда истоки одного из основных принципов народного воспитания – принципа цикличности [20, с. 105]. В белорусском фольклоре трудно найти произведение, которое прямо или косвенно не раскрывало бы связи человека с природой. Осознание органического единства с природой, восприятие человека в качестве ее составной части содействовало проведению прямых аналогий между отдельными природными процессами и воспитанием детей. Сформулированные подобным образом требования к практической организации воспитания хоть и находятся, с точки зрения современной науки, на примитивном, эмпирическом уровне и могут быть ошибочными, однако всех жителей от малого до старого они доходчиво, понятно и убедительно вооружали очевидными «педагогическими знаниями»: *«Гукні на лес, то і лес адгукнецца»*, *«Гэта яшчэ цвет, а ягады будуць»* [17, с. 247], *«Па кветках яблыкаў не лічы»* [17, с. 255], *«І сабака добры дух чуе»*, *«Не ўсякая мука хлебам стане»*, *«Лішняга і свіння не есць»*, *«Адзін дуб у полі – то не лес»* [15, с. 373]. В целом большинство народно-педагогических правил формулировалось со ссылкой на соответствующие аналогии в природе.

В реальной жизни белорусов сама природа была чудесным воспитательным средством. Не без оснований ее относят к «исцеляющим лекарствам» души и тела, а формирование соответствующих отношений человека к живой и неживой природе представляло собой главный компонент нравственного воспитания. По народным представлениям нравственно совершенный человек *«і галінку не зломіць, і травінку не вырве»*. Подлинные человеческие качества как раз и проявляются через отношения индивида к животным и птицам. Неслучайно белорусы считают: *«Дзе знішчаецца прырода, там знішчаецца жыццё»*, *«Хто заб'е бабра – не будзе мець дабра»* или *«Што мне золата, свяціла б сонца»* [17, с. 102–103].

Ученые, которые занимаются изучением народно-педагогической культуры, единодушны в том, что результативность традиционного воспитания в значительной степени обусловлена его тесной связью с жизнью. Как правило, воспитание там естественным образом вплеталось в многосторонние общественные отношения, дети не столько готовились к будущей взрослой жизни, сколько постепенно переходили в нее путем усложнения своей социальной роли. Уже в детских играх они имитировали жизнь взрослых, приобретали определенные умения, черты и качества, с раннего детства включались в продуктивную, общественно полезную деятельность. Народно-воспитательная система твердо придерживалась, казалось бы, очевидной истины, которую, к сожалению, недооценивают и современные профессиональные педагоги, а именно: уровень эффективности и многосторонности

воспитания детей и молодежи зависит от уровня настоящей их включенности во все сферы деятельности в конкретном природном и общественном окружении. Процесс социализации происходил самым естественным образом, без очевидных рывков и скачков. И хотя в становлении личности специально организованному воспитанию не всегда отводилось бесспорно первое место, считалось, что без него невозможно формирование достойного человека (*«Не кручаны – не рэмень, не вучоны – не чалавек», «Чаго чалавек не зможа, таго і Бог не дапаможа»* [17, с. 148–149] и другие). Высокая оценка давалась учителям-воспитателям: *«Шануй настаўніка лепей, як крамніка, болей, чым мельніка»* [17, с. 257].

Таким образом, природосообразность воспитания в народной педагогике выступает в качестве основоположного, системообразующего принципа, на котором строилась традиционная педагогическая культура.

В народной педагогике белорусов выработан и ряд иных требований к организации воспитания детей, которые регулировали характер и структуру этого процесса. С их помощью эффективность народного воспитания достигала значительного уровня. Неслучайно в средневековье прочно утвердился обычай *«дзядзькавання»*, когда представители зажиточной шляхты отдавали своих детей на воспитание в простые крестьянские семьи для приобретения общественно и личностно значимых человеческих качеств.

1.3. Этноэкологические основы педагогической мысли белорусов

Экологическая тема сегодня является сверхактуальной, поскольку небезосновательны угрозы существованию цивилизации в целом, определяется вопрос жизни человеческой популяции. При этом природа как макрокосм – великая Вселенная – и природа человека как микрокосм – малая вселенная – обуславливают фундаментальные основы педагогической науки и её предмета – процесса воспитания, обеспечивающего развитие отдельной личности и всего человечества. Поэтому и необходимость формирования природоохранной направленности личности, и природосообразный характер воспитания обуславливают особое внимание педагогики к проблеме *«человек и природа»*. Находясь в центре воспитательного процесса, человек как уникальное космобиосоциальное образование в своём развитии и совершенствовании прежде всего опирается на природно-социальные, историко-генетические, традиционно-культурные основы, благодаря которым закладываются не только условия его существования и функционирования, но и природа общественной, точнее этнической, ментальности, предопределяющей многие воспитательные процессы. В связи с этим очевидна важность и значимость именно этноэкологического компонента рассматриваемого вопроса.

Проблема взаимосвязи человека и общества с окружающей природной средой издавна привлекала внимание учёных. Формирование различных

направлений экологической антропологии началось с древних трактатов о влиянии природно-климатических условий на здоровье человека и продолжилось в эпоху Просвещения изучением взаимосвязи законов и форм правления, черт национального характера с особенностями географической среды. В 60-х годах прошлого столетия о себе как о ветви достаточно широкой отрасли научного знания «ethnoscience» («этнонаука») заявила этноэкология. Предметом её исследования стала соответствующая система знаний и процесс их формирования в традиционных обществах, где наиболее ярко отражается специфика отношений этнических общностей с природной средой.

Этноэкология – это наука, изучающая взаимоотношения человека с окружающим миром и представления о нём в рамках традиционной культуры, а также влияние культурных установок на современные взаимоотношения с природой и окружающим миром в целом [21, с. 260]. Как научная дисциплина, этноэкология находится на стыке наук – этнографии (этнологии) и экологии человека, тесно связана с этнопсихологией, этнопедагогикой, этноэстетикой.

Главная задача этноэкологии состоит в изучении ценностных ориентаций и взаимоотношений этнического сообщества с природной средой, характера и способов адаптации, освоения и использования этой среды, в исследовании соответствующих аутентичных представлений, знаний, верований, которые детерминируют формирование материальной и духовной культуры общества. Следует отметить, что в последнее время исследователей всё больше интересует не то, как экологическое сознание отражает существующую реальность, а то, какие её изменения предлагаются. С педагогической точки зрения, формирование экологического сознания в значительной степени зависит от экологического образования, организованного в соответствующих институализированных формах. А с точки зрения этнопедагогики, устойчивость и продуктивность экологического сознания во многом определяется социально-психологическим уровнем повседневной жизни с её многочисленными традициями, обычаями, привычками и т. п.

На протяжении тысячелетий человечество осмысливало необходимость оптимизации отношений с природой. Экологическая культура представляет собой многофакторное явление. Она опирается не только на биологическую экологию как науку о взаимоотношении живых организмов с окружающей средой, но и на социальную экологию как науку о взаимодействии природы и общества при опосредованности этого процесса сознательной деятельностью людей. В самостоятельную отрасль экологической науки выделяется экология человека. Обогащает, конкретизирует накопленный опыт, а главное, способствует повышению эффективности его использования, этническая экология.

Традиционное общество, как известно, характеризуется синкретическим характером его культуры, нерасчленённостью форм бытия, органической слитностью человека с природной средой. С полным основанием можно

утверждать, что традиционная культура – это, прежде всего, экологическая культура. Не только человек влияет на природу, но и природа во многом определяет содержание, характер, динамику развития материальной и духовной культуры общества. Нарушение, разрыв этих связей наносят ощутимый урон состоянию природной среды, губительно сказываются на всех сферах жизнедеятельности людей, в том числе на духовной её составляющей.

Таким образом, любая этническая культура экологична по своей сути, по источникам формирования, взаимосвязанным с конкретной природно-ландшафтной средой. История человечества по сути есть история его отношений с природой. Общеизвестно, что этническая культура и сам этнос исчезают там, где гибнет соответствующая экосистема. Современные исследователи отмечают: «В определённом смысле историю человеческого общества можно рассматривать как историю отношения человека к Земле и к природному миру. Тогда исторические ступени развития человечества предстают как этапы изменения природной среды, воплощающиеся в конкретных исторических типах культуры» [22, с. 52].

Существует множество научных терминов, которые понятийно фиксируют взаимоотношения в системе «человек – природа»: экосистема, биогеоценоз, биосфера, ноосфера и пр. Но среди них, к сожалению, редко встречается такое понятие, как «этноприрода». В то же время на протяжении тысячелетий природа находила отражение в сознании и духовной культуре человека как носителя тех или иных этнических черт. Так рождалось особенное, национальное ощущение природы, которое давало возможность человеку ценностно воспринимать окружающий его мир и влияло на развитие его духовности.

У каждого народа, как справедливо заметил Д. С. Лихачёв, в конце концов сложился уникальный «союз» с природой – так называемая этноприрода [23, с. 34]. Этот культурный образ можно истолковать как формирование в коллективном сознании народа постоянных эстетических вкусов, а также соответствующих им морально-философских принципов природопользования.

Экологическая ориентация этнической культуры наших предков отчётливо проявилась уже в каменном веке, когда человек никак не отделял себя от природы. В структуре этноэкологического сознания восточных славян, как и других народов, выделяются два антипода. Первый основывается на негативных сторонах явлений природы, исходящих от неё угрозах, что порождает экологические страхи и отрицательные эмоции. Второй опирается на позитивные представления о различных природных, материальных и духовных благах, вызывающих положительные эмоции. Поэтому важнейшими в экологическом сознании наших предков являются архетипы Угрозы и Гармонии. Оба – универсальные архетипы, они закладывают бережное отношение к природе. Первобытная нравственность пронизана ответственностью людей за окружающий мир и, в отличие от современной, направлена не на человека, а на природу.

Отношения большинства людей конкретного этноса к природе строятся на коллективно-бессознательном уровне примерно одинаково, схожим образом, архетипически. То есть природа выступает в качестве социотипического поведения личности. Такие экологически значимые архетипы поведения человека имеют культурную основу, а не характер врождённых стереотипов. Поэтому столь важно для воспитания знать эту архетипичность, чтобы повысить, с одной стороны, эффективность воспитательного процесса, а с другой – совершенствовать сами взаимоотношения человека с природой.

Экологические архетипы восточных славян формируются в глубокой древности. Особенно ярко проявляются они в богатейшей мифологии наших предков. Языческие боги олицетворяли природные силы, покровительствовали родному дому, краю, предостерегали от негативных отношений к природному окружению, обеспечивали порядок в окружающем мире и космосе. Самим природным явлениям придавался сакральный смысл. Солнце, земля, луна, звёзды, представители животного и растительного мира предстают живыми существами, видящими, слышащими, ощущающими и соответственным образом реагирующими на человеческую деятельность. Еще в VI веке известный византийский историк Прокопий Кесарийский писал, что славяне почитали духов, которыми по своему понятию населяли природу [24, с. 34]. Неслучайно одна из рек у восточных славян называется именем божества – Воуайнов (Буг, Бог). Анимизм предков, предполагающий одухотворение и обожествление объектов и явлений природы, имел ярко выраженный природосообразный характер. Почитание богов, представления о сверхъестественности сил природы обусловили выработку общепринятых норм поведения, основанных на бережном, благоговейном отношении к природному окружению. На уровне мировоззренческих установок существовали жёстко регламентированные и скрупулёзно контролируемые общественным мнением нормы взаимоотношений с природной средой, регулирующие природопользование и соответствующее поведение каждого человека.

Так, например, древние славяне осуждали вырубку деревьев, которые растут на опушке леса или рощи. Считалось, что именно в этих «пограничных» деревьях живёт душа леса. Современная наука доказывает, что особи любой популяции, обитающие на границе своего ареала, являются более стойкими и выносливыми, приспособленными к экстремальным условиям природных границ. Не требуют сегодня пояснения древние запреты белорусов, получившие своё оформление позже, в частности в Статуте Великого княжества Литовского, на ловлю рыбы в период нереста, на шум в лесу во время высиживания птенцов, ограничения охоты на самок животных и др.

Климент Смолятич, Кирилл Туровский и другие просветители подчёркивали связь человека с Миром через его ответственность «как венца творения» за окружающую среду [25, с. 179]. Первым среди восточных славян вопросы охраны природы поднял белорусский поэт-латинист Николай Гусовский. По его мнению, чтобы природные богатства преумножались,

человек может использовать для своих нужд только «преизбыток» природных ресурсов. «И на червонное злато народ наш сокровища эти не разменяет», – заключает гуманист [26, с. 137].

Анализируя историю формирования белорусской экологической культуры, профессор М. А. Можейко делает вывод: «Традиции белорусской национальной культуры, рассмотренные под углом зрения их экологических ориентаций, могут быть с полным правом отнесены к экофильным» [27, с. 25]. Автор подчёркивает преемственную сохранность в общественном сознании традиционных для восточных славян архетипов антропоприродной гармонии.

На современном этапе развития образования невозможно сформировать общезначимые, экологически ценные взгляды без учета особенностей этнонационального восприятия природы. Ведь каждый народ имеет ценностные ориентиры, которые опираются на ментальные первоосновы его отношения к миру. Следует отметить, что ментальные стереотипы не только не ограничивают человека, а, наоборот, значительно облегчают процесс усвоения накопленного опыта. Необходимо помнить об этом и полнее реализовывать в образовании его культурно-воспитательную роль, продуманно влиять на экологическое сознание детей и молодёжи.

Речь идет о всеобщем принципе опоры на ментальные особенности восприятия природы в целях экологизации мышления будущих поколений. Соблюдение этого принципа нуждается в детализации этнопсихологических особенностей народа. Такой подход представляется крайне необходимым, ведь он обуславливает своеобразие методики формирования в сознании учащихся определённой национальности образа этноприроды. В наши дни становится чрезвычайно важным воспитание личности с экологически рациональной системой поведения, опирающееся на мировые принципы природопользования и ориентированное на учёт региональных особенностей экосистемы. Опыт формирования такого подхода начал складываться в белорусских школах ещё в советский период. Неслучайно в 1979 году именно в Минске состоялась Первая Всесоюзная конференция по образованию в области окружающей среды. На конференции обращалось внимание на региональные аспекты проблемы, которые целесообразно изучать и учитывать, а также на национальные традиции и психологические особенности населения.

Белорусский учёный Э. С. Дубенецкий, исследуя зависимость этнической ментальности от различных факторов, подчёркивает, что национальный характер белорусов и украинцев во многом сложился под воздействием природно-географического фактора. Так как в Беларуси преобладает равнинный и низменный рельеф без резких переходов, то её жителям свойственен спокойный, рассудительный характер. Отсутствие огромных территорий, широких степей, лесостепей, как в России и Украине, способствовало тому, что во многом схожие характеры народов-соседей имеют ряд отличий. Например, для белорусов более свойственна замкнутость, осторожность, интровертность, чем для украинцев [28, с. 31].

Древнейший земледельческий культ природы обусловил анималистически-магический характер народных верований, детерминировал яркую персонификацию всех её объектов и явлений в сознании людей. На основе совместных переживаний в этногруппе рождались ещё неосознаваемые реакции на постоянно воспроизводимые специфические условия её существования. Такие реакции подсознательно определяли поведение, мышление каждого человека. Многовековой опыт содружества народа-хлебопашца с доброй матушкой-землей оберегает мировоззренческие основы белорусов от агрессивной активности и направляет их к мягкой созерцательности. Мать-земля, «родная земля» как один из первоначальных мифологических образов была священной. К ней относились как к живому существу. Сакрализация земли как первоосновы человеческого бытия в автохтонной традиционной культуре восточных славян обеспечивает вселенскую гармонию триады «человек – природа – космос». Земля была кормительницей и в прямом, и переносном (духовном) смысле, без неё человеческое существование было немыслимым. Любовь к земле формировалась не только и не столько путём рационального познания и убеждения, сколько на уровне подсознания, эмоций, через образное восприятие мира, наполненное ценностно-смысловым содержанием. Отношение к земле во многом определило экологическую направленность этнической культуры в целом. Как отмечалось выше, для представителей наших народов характерно любовно-эмоциональное отношение к «міламу куточку» – месту, где родился и вырос. Восточнославянский первопечатник Франциск Скорина выразил эти мысли в широко известном изречении: «Понеже от прирождения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птицы, летающие по въздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плывающие по морю и в реках, чуют виры своя; пчелы и тым подобная боронят ульев своих, – тако ж и люди, игде зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають» [29, с. 45].

Наряду с высоким лиризмом и эстетизмом отношения к окружающему миру существовал народный опыт целесообразного рационального освоения природы. Живя среди природы, физически и духовно сливаясь с ней, наши предки научились чувствовать её потребности. Так рождалась своеобразная национальная этноэкология, которая без лекций и учебников учила людей вековой мудрости природопользования.

Белорусы всегда свято уважали воду – реки, озёра, источники, колодцы; не пахали землю к самой воде и вдоль склонов; не вырубали леса и кустарники на взгорье и в заводях рек; не охотились на птиц и зверей в особо значимые и уязвимые периоды их жизни. Коллективная мораль создала определённый «экологический императив», то есть свод законов народной мудрости, который крепко стоял на фундаменте этнонационального характера. Как результат появился народный календарь – своеобразный ориентир традиционного поведения людей в соответствии с циклами развития природы. Этот календарь был не только добрым хозяйственным «советчи-

ком», но и предопределял тот или иной характер отношений с природой, часто проявляющийся в народных требованиях, поверьях, обрядах, запретах, поведенческих стереотипах и т. п. Он выполнял важную экологическую функцию, способствовал выработке соответствующих ценностных ориентаций и закладывал основы экологического воспитания.

Белорусская этнопедагогика традиционно уделяла большое внимание гармонизации отношений ребёнка с окружающей средой, что чётко и последовательно реализовалось в народной системе воспитания. Прежде всего это касалось воспитания заботливого отношения к земле.

Земля-мать – распространённый в восточнославянской культуре образ-тотем. Языческие верования запрещали бить палкой по земле, особенно в начале весны. Считалось, что в этот период земля рождает хлеб и даёт жизнь растениям. С распространением христианства это языческое табу перешло в церковную книжность: на того, кто бил палкой по земле, налагалось *«15 дней покаяния»* (наказания поклонами). Почтительное отношение народа к земле подтверждают давние пословицы: *«Земля даёт всё и забирает всё»*, *«Земля – мать наша, всех кормит и ласкает»*, *«Кто на земле сидит, тот не упадёт»*.

В белорусском языке сохранилось множество ласкательных слов, с которыми обращались люди к земле: *«земленька»*, *«земелька»*, *«землица»*, *«землюшка»*. Её ласково гладили натруженными руками, будто набираясь здоровья от тёплого плодородного грунта. Белорусский поэт Франтишек Богушевич, раскрывая силу родной земли, повествует как её горсть спасла белоруса на чужбине: *«Умёрх бы то мусіць, я тут, каб не жменька той роднай зямлі»* [30, с. 218].

С давних времён детей учили считать землю матерью, которая всегда согреет своей лаской, одарит щедростью, поддержит и защитит в недобрый час. Землёй клялись, землю прикладывали к ране, землю, как оберег, брали с собой в дорогу, чтобы не нарушить связь с могучей силой, которая породила и благословила на жизнь. При встрече со взрослыми детям надлежало кланяться и касаться рукой земли, что означало пожелание благосостояния. Древняя народная присказка мудро учит: *«Держимся за землю, потому что земля держит нас»*.

Труд на земле всегда считался святой обязанностью человека. Белорусы никогда не представляли собственного счастья без счастливой, бережно обработанной земли. Об этом слагались песни (*«Ой в поле»*, *«Ой в поле нива»*, *«Ой в поле плужок пашет»* и др.), в которых народ воспевал хлебопашеский труд. Глубоко уважая этот процесс, народ связал праздник Коляды с приметами сева и пахоты. Так, на кутью белорусы заносят в дом снопы ржи, а кое-где и кладут на стол чересло от плуга. По-видимому, отсюда и возник обычай на Новый год посыпать зерном в домах. Раскрывая сущность почитания земледелия в связи с охраной окружающей среды, М. А. Можейко отмечает: *«Человеческая природоустроительная деятельность, организованная ритмом сельскохозяйственного цикла, мыслится как органично вписанная в природ-*

ный процесс: она не только не нарушает его исходных закономерностей, но и способствует их реализации» [27, с. 28].

Чрезвычайной любовью одарили белорусы воду и водоёмы. В древности существовало настоящее водопоклонение: наши предки боготворили озеро, реку, источник, колодец и пр. Они молились над водой, уважали её как святую стихию, от которой зависели их счастье и благосостояние. В воображении древних людей вода была старше всего другого на земле – деревьев, растений, животных. Считалось, что она появилась в начале образования мира. Потому в закличках так и обращались к воде: *«Водичка, самая старшая сестричка...»*. Реки сызвека одухотворялись народной фантазией – их представляли сосудами земли, по которым течёт вода (как у человека кровь).

Почтительное отношение восточных славян к воде наложило отпечаток на обряды её освящения, которые происходили во время праздников Крещения и Сретения. Сретенская вода считалась целебной – её пили, ею смазывали больные места, умывались, купались в ней. Животворной силой наделял народ и «непочатую» воду – ту, которую зачерпывают на рассвете первой из реки или колодца. Уважительное отношение к колодцам подталкивало предков к их освящению – над ними зажигали свечи, ставили кресты, иконы, каплицы. Колодцы издавна считались святым местом, возле которого нельзя было ругаться или говорить неправду [31, 213–214].

В Беларуси извечно учили детей уважать родники. Чистота и безукоризненные вкусовые качества ключевой воды способствовали тому, что люди наделяли её символическим значением – вода считалась «живой», то есть особенно целебной. Такой она воссоздана в народных легендах и сказках. По представлениям предков, «живая» вода добавляла силы, исцеляла раны и возвращала к жизни. В то же время в народной фантазии рождался и образ «мёртвой» воды – загрязнённой, обезображенной бездушным отношением людей. Она будто мстит им всяческими бедами и болезнями. Потому святотатством считалось плюнуть в воду или загрязнить её нечистотами. Кристально чистую воду всегда лелеяли, воспевали и тщательным образом оберегали. Такую воду наши предки в знак особого почтения пили с непокрытой головой.

Увлекаясь красотой водной стихии, её наделяли такими качествами, как справедливость и способность к пророчеству. Во время некоторых народных праздников молодёжь гадала на воде, желая заглянуть в будущее. В нашем языке и теперь слышны отголоски верований тех времен, когда «судили» водой – до сих пор не потеряли популярности древние пословицы и поговорки: *«Правда в огне не горит и в воде не тонет»*, *«Вывести на чистую воду»* и тому подобное. В Беларуси и сегодня достаточно распространены обряды купания, обливания, сбора росы – считается, что вода оmyвает человека от болезней и всякого зла.

Вода часто вспоминается в народных песнях белорусов: *«Ой, рэчанька, рэчанька...»*, *«Цячэ вада ў ярк»*, *«Ой, на моры, моры...»*, *«Цячэ рэчанька»* и др.

Народ в песнях тесно связывает состояние водной стихии с собственными чувствами: вода тихая, прозрачная – радость, мутная – горе, печаль. Поэтизируя в собственном творчестве воду, её животворную силу, энергию, красоту, народ передавал это чувство будущим поколениям, завещая беречь неоценимый дар природы.

Не менее уважительно относятся белорусы и к деревьям. Наши предки испокон веков глубоко уважали деревья, боготворили их. Многочисленные народные легенды и верования содержат трогательные обращения людей к дереву, которое в их воображении приобретает значение символа, оберега.

Особенным уважением и любовью среди белорусов пользуется верба. Предки верили, что верба имеет волшебную силу и защищает людей, жильё и скот от злых сил, которые просыпаются весной вместе с природой. За неделю до Пасхи христиане отмечают Вербное воскресенье. Верят, что освящённая веточка вербы убережёт дом от грома, отгонит нечисть от скота, прибавит сил немощному, больному человеку.

В неменьшей степени белорусы чтили дуб. Людей поражала мощь и величие этого дерева. В народных верованиях есть много ссылок на магическую силу дуба. *«Пусть ваш сынок растёт как дубок»*, – желали на крестинах мальчику и верили, что он вырастет крепким, как могучее дерево.

Уважали предки и тополь – высокий, стройный, торжественный. В народных легендах это дерево часто ассоциируют с девушкой (в белорусском языке слово «тополь» женского рода – «таполя»). На Троицу, согласно народному обычаю, девушки водили «таполю». Выбирали самую красивую, связывали ей руки над головой, украшали лентами, цветами и с песнями вели по селу.

Белорусы всегда относились к деревьям с особенной, братской нежностью. В почтительном уважении к дереву воспитывали и детей. Тяжёлым грехом считалось сорвать с дерева кору, которая уподоблялась человеческой коже. Нельзя было без надобности ломать ветви или резать ствол ножом – сок дерева сравнивали с человеческими слезами или кровью. Эмоционально-образно описывает подобную ситуацию Ян Чечот: *«Плакала бяроза ды гаварыла: // “Ці ж у вас на гэта я заслужыла, // Штоб вы мяне парубалі // І кроў маю высысалі?..”* [30, с. 255]. Люди всегда помогали деревьям: подпирали отяжелевшие ветви, сломанные – подвязывали, снимали с листьев гусениц, а на зиму закрывали стволы, чтобы они не обмерзли. Из поколения в поколение передавалась эта нехитрая наука любви к дереву, которое, по метким народным высказываниям, «весной веселит, летом холодит, осенью кормит».

Важную роль в воспитании заботливого отношения детей к родной природе играла система устных запретов. Они регулировали отношения детей с животными, растениями, птицами, удерживали подростков от бездумной жестокости, помогали им осмыслить, что у всего живого есть право на жизнь.

Особенное место в воспитании бережного отношения детей к природе отводилось птицам. Этнографические материалы свидетельствуют, что радость детских праздников была связана с птицами. Во время хлебопашеских обрядов встречи весны дети носили от дома к дому вырезанных из дерева птичек и прославляли весну. Согласно другому обычаю, дети подбрасывали в воздух птичек из хлеба и глины. Считалось, если они высоко взвоятся, то на ниве высоко поднимется хлебный колос. С помощью пения птиц детей учили определять время суток. Народ издавна относился к пернатым друзьям с исключительной теплотой. В сокровищнице народного творчества есть поэтические обращения к журавлям, кукушке, соловью, ласточке, чайке, диким гусям (*«Летите, соловейчики, на нашу землянку, спешите, ласточки, спасти коровушек. Просим мы, просили отец и мать: в дом наш прилетать»*).

Трогательные отношения сложились у белорусов с аистом. Детей учили, что аист – птица-оберег. Ни в коем случае нельзя причинять вред аисту: разрушать его гнездо, выгонять птицу из гнезда, а тем более убивать. Это предвещало различного рода неприятности – безденежье, болезни, ссоры. Если же аист, живший на крыше дома длительное время, внезапно и беспричинно покидает его, то это сулило в недалёком будущем большие проблемы для семьи, например, пожар.

Основы природоведческих знаний, а вместе с ними и характер взаимоотношений с природой с младенческих лет закладывались с помощью устного поэтического слова. Значительная часть устного народного творчества белорусского народа основывается на календарно-обрядовой деятельности, в которой нашли отражение наблюдения за природными явлениями, порами года и т. п. В фольклорных произведениях во всей полноте и глубине показаны особенности родной природы и экологические традиции предков. Педагогический потенциал этих творений, благодаря одновременному воздействию на рациональную и эмоциональную сферу человека, способствует эффективному воспитанию у подрастающих поколений сопереживания, сочувствия, бережного отношения к окружающей среде.

Народные пословицы и поговорки как одни из наиболее древних жанров фольклора аккумулируют в себе характерные этноэкологические представления наших предков о явлениях природы и организации жизнедеятельности согласованно с ними. Выверенные многовековым жизненным опытом, отшлифованные народно-педагогическим гением, высказывания обоих народов практически всегда имеют явный поучительный смысл: *«С малых источников большие реки рождаются»*, *«С огнём не шути»*, *«С большой тучи малый дождь»* и др. Народная мудрость приобщала детей к знаниям об устройстве природы, помогала им понять взаимосвязь природных явлений и преобразующей деятельности человека: *«Где мухоморы, там и боровики»*, *«Будет дождь идти – будет хлеб расти»*, *«Колос не зреет, если солнце не греет»* и др.

Особую роль в познании природы играли загадки, которые посредством образного описания предмета или явления отражали представления людей о фауне и флоре, природных явлениях и др. В них остроумно и эмоционально показаны растительный и животный мир, природные изменения. Чтобы отгадать загадку, человеку необходимо было обладать глубокими знаниями, наблюдательностью и сообразительностью. Вот как, например, в белорусских загадках воплотилась взаимосвязь всего сущего в природе: «*Адзін лье, другі – п’е, трэці расце*» (дождж, зямля, трава); «*Адзін кажэ: пабяжым, другі кажэ: паляжым, трэці кажэ: пастойма і паківаймэся*» (рака, бераг, чарот), «*З вады нарадзіўся і ў ваду ператварыўся*» (снег).

Существенный информационно-знанийный потенциал содержат в себе народные приметы. Они дают человеку достаточно достоверные знания о часто повторяющихся природных явлениях, о взаимозависимости природных процессов, о последствиях вмешательства человека в жизнь природы. «*Калі рана прылятаюць буслы – да цёплай вясны*», «*Калі бым сцэлеца на зямлі, то будзе дождж*», «*Калі зязюля кукуе і пасля Пятра, блэгі год будзе – і сам закукуеш як зязюля*» – такие наблюдения зафиксированы у белорусов.

Регулировали отношения человека к природе народные поверья: «*Хто разбурыць гняздо ластаўкі, будзе рабым*», «*Садок садзіць – жыццё харашыць*» [17, с. 96]. В народных сказках часто представители животного и растительного мира одаривали человека за доброжелательное к ним отношение.

Особенным этноэкологическим потенциалом обладали народные игры, которые в понятной и доступной форме ориентировали детей на бережное отношение к природе. Уже сами названия белорусских игр красноречиво свидетельствуют о своём содержании и направленности: «*Гусі-лебедзі і воўк*», «*Заінька*», «*Змяя*», «*Каза*», «*Бярозка*», «*Лянок*», «*Рэдзька*», «*Паляванне на лісаў*» и многие другие. Начиная с младенчества через колыбельные, потешки, считалки на простых и понятных примерах из жизни зверей, птиц, деревьев дети получали поучительные уроки правильного поведения. Многие игры имитировали сельскохозяйственные процессы, связь человека с природой. Особая ценность игр заключалась в том, что они способствовали формированию не наблюдательно-пассивной, а деятельностно-активной личности.

В целом воспитательный идеал восточных славян часто воплощался в образах природных персонажей. В устном народном творчестве белорусов идеализированными качествами наделялись звери, птицы, рыбы и силы неживой природы (деревья, солнце, ветер и т. д.). Отдельные из них становились образцом совершенства в формировании соответствующих качеств, другие представляли собой синтез отрицательных черт и качеств.

К сожалению, научно-технический прогресс последних столетий, кроме всевозможных, в первую очередь материальных благ, привёл к дисгармонизации отношений человека и природы. Антропоцентристские тенденции развития цивилизации с десакрализацией восприятия природы содействовали

утверждению абсолютной ценности человеческого разума, представлению природы в качестве объекта и источника удовлетворения стремительно растущих потребностей людей. Человек провозглашается царём, хозяином, властителем природы, подчиняющим её силы путём активного, массового, часто радикального вмешательства в естественные процессы. Серьёзный экологический кризис, поразивший планету, обусловлен нарушением контактов с привычным природным окружением. Один из выходов (и, пожалуй, он главный) – системное, всеобщее экологическое образование, на основе которого восстановится утраченное равновесие в системе «человек – общество – природа». В экологической культуре, которой современная действительность предопределяет приоритетное место в культурной парадигме человечества, воспитательный процесс должен получить статус базового, системообразующего. И этноэкологическим традициям восточных славян здесь должна отводиться важнейшая роль.

Экологическое воспитание на каждом этапе общественного развития носит конкретно-исторический характер. Экологически рациональное поведение современного человека не требует экстраполяции элементов традиционной культуры, но подходы гармоничного существования человека и природы должны быть осмыслены в новых условиях и соответствующим образом использованы. Как определяют современные исследователи, «экорациональное поведение – система осознанных действий с прогнозируемыми последствиями, направленная на гармонизацию отношений в системе “человек – природа – общество”» [32, с. 62].

Белорусские педагоги глубоко изучают основы этноэкологии и развивают вековую народную мудрость любовно-бережного отношения к родной природе. Достойны внимания так называемые уроки мышления на природе, которые развивают и подкрепляют ментальные особенности этнонационального характера. Полезность педагогически продуманного контакта детей с окружающим миром блестяще доказана В. А. Сухомлинским. Именно он внедрил в работу с младшими школьниками уроки «под голубым небом», которые стали настоящей школой культуры наблюдения и поведения детей в природе. Современные исследователи продолжают поиски методов и форм сближения детей с природой. Особый акцент делается на экологическом компоненте содержания воспитания в учреждениях образования Беларуси на всех уровнях, начиная с дошкольного и заканчивая вузовским.

ГЛАВА 2

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ЦЕЛЕВОЙ КОМПОНЕНТ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ БЕЛОРУСОВ

2.1. Теоретико-методологические основания исследования идей этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов

Этноэкологическое воспитание представляет собой сложное социокультурное явление, требующее междисциплинарного подхода в исследовании. Как неотъемлемая часть традиционной педагогической культуры, оно формируется под воздействием системы взаимосвязанных факторов – как объективных (природно-географических, исторических, социальных), так и субъективных (мировоззренческих, ценностных, индивидуально-психологических).

Многоаспектность этноэкологических идей обуславливает их изучение в рамках философии, этнографии, экпсихологии, педагогики и культурологии. Однако именно в народной педагогике они приобретают особую значимость, поскольку отражают вековую мудрость, устойчивые традиции и механизмы преемственности поколений.

В целом теоретические основания настоящего исследования образуют следующие идеи, учения, положения и научные подходы:

- концептуальные основы этнопедагогики (В. С. Болбас, Г. Н. Волков, А. А. Григорьева, В. Н. Иванов, Е. Э. Кривоносова, Е. Л. Михайлова, А. И. Мусурманов, А. П. Орлова, Г. В. Палаткина, Т. Н. Петрова, С. В. Снапковская, И. С. Сычёва и др.);

- доктрины о взаимодействии этноса и природы (Т. Д. Гачев, Э. В. Гигуров, Л. Н. Гумилев, М. С. Каган, В. Г. Крысько и др.);

- учение об универсальной природе человека (В. И. Вернадский, Л. Н. Гумилев, Н. Ф. Реймерс, П. Тейяр де Шарден, Р. Штейнер, А. В. Яблоков и др.);

- идеи о единстве природосообразности и культуросообразности воспитания (А. Дистервег, Я. А. Коменский, Ж.-Ж. Руссо, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский, С. Т. Шацкий и др.);

- положения современной педагогики (Ю. К. Бабанский, И. П. Волков, Б. Т. Лихачев, И. П. Подласый, И. Ф. Харламов, А. В. Хуторской, В. Т. Чепиков, Г. И. Щукина и др.);

- экологический подход в педагогике (С. Д. Дерябо, М. В. Емельянова, А. Н. Захлебный, И. Д. Зверев, М. М. Лебедева, Н. М. Мамедов, Н. Н. Моисеев, О. Н. Пономарева, И. Т. Суравегина, М. А. Якунчев, В. А. Ясвин и др.);

- идеи этноэкологизации современного образования (М. А. Андросов, Н. Ш. Блягоз, Ш. И. Джанзакова, Н. С. Иванова, Н. К. Катович, Т. Н. Кон-

дятьева, З. М. Куршаева, Н. В. Самерсова, О. П. Терехова, Х. А. Хусаинов, С. Н. Черябкина, М. А. Якунчев и др.).

Однако определение границ и содержания исследовательского поля педагогики в изучении идей этноэкологического воспитания весьма затруднительно из-за дефинитивной нечеткости как самого рассматриваемого понятия, так и понятия народной педагогики, в рамках которой происходит их формирование, а также многих других ключевых понятий, необходимых для осмысления того или иного ракурса данного феномена.

На рубеже XVII–XVIII столетий в трудах классиков философской мысли – И. Гердера, Ж. Тюрго, Ш. Монтескье и других – были заложены первые методологические основы концепции географического детерминизма. Карл Риттер, развивая эти идеи, предложил оригинальную концепцию человека как «души ландшафта в природном теле», подчеркивая органическую взаимосвязь человеческого бытия и географической среды. А. Геттнер в своих работах настаивал на необходимости рассматривать человека не как второстепенный элемент, но как сущностную составляющую географического ландшафта [33, с. 180–181].

В последней трети XIX века эти идеи получили фундаментальное научное обоснование в рамках антропогеографического направления. Представители как зарубежной (Ф. Ратцель, Э. Реклю), так и отечественной (А. И. Воейков, С. М. Широкогоров) научных школ последовательно разрабатывали концепцию единства человека и природной среды. Особого внимания заслуживает позиция Ф. Ратцеля, который рассматривал человека вместе с его культурой и бытом как равноправный компонент окружающей среды, подчеркивая необходимость параллельного применения географического (анализ внешних условий) и исторического (изучение развития) подходов [34, с. 103].

Дальнейшее развитие экосистемной парадигмы связано с работами Л. С. Берга, исследовавшего процессы этнической адаптации к различным типам географических ландшафтов, и Карла Зауэра, изучавшего глубинные взаимосвязи между культурным разнообразием человечества и природными условиями его существования. Эти исследования создали теоретическую базу для возникновения культурной экологии Джулиана Стюарда, который предложил принципиально новую модель анализа, включающую:

✓ «культурное ядро» – первичные элементы культуры, состоящие из технологии природопользования; принцип распределения продукции; социальных и религиозных институтов, регулирующих хозяйственную деятельность;

✓ «вторичные элементы культуры» – исторически обусловленные особенности, формирующие уникальный облик каждой культуры даже при сходном «культурном ядре».

Последовательная интеграция культурной экологии с экологией человека привела к формированию экологической антропологии, получившей

концептуальное оформление в трудах А. П. Вайды и Р. А. Раппапорта. Методологическая новизна этого направления проявилась в применении функционального подхода, комплексном учете биологических и культурных аспектов адаптации и разработке методов количественного анализа потоков вещества и энергии в этноэкосистемах [35, с. 58].

Во второй половине XX века сформировался целый ряд новых концептуальных подходов: теория хозяйственно-культурных типов (М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров), концепция антропогеоценоза (В. П. Алексеев), теория этногеоценоза (Л. Н. Гумилев), концепция этноэкосистем (И. И. Крупник) [10]. Особое значение в этих исследованиях придается традиционным экологическим знаниям, которые на протяжении веков обеспечивали устойчивое функционирование этнокультурных систем, охватывая все сферы жизнедеятельности – от способов ведения хозяйства до методов лечения заболеваний.

На основе синтеза этих научных направлений сформировалась этническая экология – междисциплинарная область знания, интегрирующая достижения антропогеографии, экологической антропологии, этнологии, культурной экологии. Данная дисциплина продолжает развиваться, предлагая новые методологические подходы к изучению сложных взаимоотношений между этническими сообществами и окружающей их природной средой.

Этническая экология (этноэкология), образованная путем концептуализации этноэкологических идей, как отдельная научная отрасль знания начинает свое становление во второй половине XX в. Этот процесс был связан с исследованиями советских ученых: В. А. Алексеева, С. А. Арутюнова, Ю. В. Бромляя, В. И. Козлова, И. И. Крупника, Н. Н. Чебоксарова и др. Среди зарубежных исследователей существенный вклад в изучение проблем этнической экологии в рамках культурной экологии, или экологической антропологии, внесли С. Бочнер, Р. Дюбо, Э. Дюркгейм, М. Мосс, К. Оберг, Э. Хантингтон, Ф. Фарнхем и др.

Впервые термин «этническая экология» применил в 1983 г. этнограф В. И. Козлов, обозначив им научную дисциплину, возникшую на стыке этнографии и экологии человека. Ученый определил и обосновал круг исследовательских задач, стоящих перед данной наукой: изучение традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп в природных и социокультурных условиях их обитания, влияние сложившихся этноэкологических взаимосвязей на здоровье человека; изучение особенностей использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этнических экосистем [37, с. 8]. К базовому понятию этноэкологии В. И. Козлов относил «жизнеобеспечение» как результат адаптации [33, с. 93]. Структуру данного термина определял структурой человеческих потребностей [38, с. 16].

В становлении и развитии этноэкологии существенную роль сыграли исследования И. И. Крупника, который впервые ввел в научный оборот понятие «этноэкосистема» [39]. Ученый в своей диссертации разработал

концепцию этноэкосистемы, явившейся продолжением идей академика В. П. Алексеева об антропогеоценозе как элементарной ячейке в виде триады «природа – население – хозяйство», к компонентам которой И. И. Крупник относил хозяйственный коллектив, освоенную территорию, популяции домашних животных, хозяйственно-бытовой инвентарь [40, с. 24–25]. Согласно утверждениям И. И. Крупника, «этническая экология – особое направление этнографии, изучающее формы взаимоотношений этнических общностей с окружающей средой, связанные с освоением этой среды – как материальным, так и духовным – и использованием ее ресурсов». По его убеждению, именно «народная экология» (ethnoscology) является одним из направлений исследования этнографии наряду с изучением хозяйства, жизнеобеспечения, форм природопользования [40, с. 14].

В последующие годы в трудах российских (Н. Н. Алексеев, Ю. И. Дробышев, В. И. Козлов, Т. М. Красовская, А. Н. Ямсков и др.) и белорусских (В. В. Анохина, А. П. Ждановский, А. И. Зеленков, М. А. Можейко, К. А. Шумский и др.) ученых проблемы этноэкологии рассматриваются в двух направлениях. Первое сосредоточено на анализе рационального природопользования, формирования и функционирования этноэкосистем, традиционного хозяйства и материальной культуры. В этом случае «этноэкология рассматривается как одно из направлений природопользования, основанное на традициях этносов, или традиционное природопользование» [41, с. 182]. Второе активно изучает в этноэкологическом аспекте нематериальные явления культуры: религиозные представления, мировоззрения, этику, этноэкологические знания, фольклор, стереотипы поведения и др. [42, с. 9]. Отметим, что представленные составляющие этнической экологии выступают важнейшими аспектами сущностносодержательных основ этноэкологического воспитания.

Современные исследователи-педагоги В. С. Болбас и Г. С. Тарасенко к важнейшим задачам этноэкологии относят «изучение ценностных ориентаций и взаимоотношений этнического сообщества с природной средой, характера и способов адаптации, освоения и использования этой среды, исследование соответствующих аутентичных представлений, знаний, верований, которые детерминируют формирование материальной и духовной культуры» [43, с. 56]. Соответственно, этноэкологические исследования охватывают разнохарактерные стороны отношений историко-культурных сообществ со средой обитания, народно-экологические знания и верования, ценностные установки и их роль в адаптации и природопользовании этнических общностей.

Для нашего исследования представляют интерес предмет этноэкологии – взаимоотношения и взаимосвязи в системе «этнос – природа», а также отдельные элементы ее категориального аппарата – адаптация и этноэкосистема. Очерченный предметно-понятийный инструментarium выступает системообразующим звеном в содержательно-целевом компоненте этноэкологического воспитания.

При изучении адаптации этноса к среде обитания исследователи рассматривают взаимосвязанные «физические» и «психические» (духовные) составляющие, выступающие как единое целое. К первой относят как биологическую, так и культурную адаптацию, которая связана с этнорелигиозными установками и с хозяйственной деятельностью, характеризующуюся особенностями материальной культуры (народное жильё, еда, одежда, медицина и др.). Вторая составляющая включает особенности психологической адаптации людей к социально-культурной и этнической среде и определяется на основе народных этноэкологических знаний [37, с. 10–18].

В структуре этноэкосистемы ученые выделяют два взаимосвязанных блока – материальный и комплексный. К материальной составляющей относят хозяйственный коллектив, освоенную территорию, популяции домашних животных и культивируемые растения. В комплексный компонент включают культуру хозяйственного коллектива: культура природопользования (знания о природных условиях; знания и навыки, необходимые для использования природных ресурсов), культура материального жизнеобеспечения (знания и навыки по воспроизводству и применению пищи, одежды и т. д.), соционормативная культура (нормы морали и поведения, правила взаимодействия членов хозяйственного коллектива при добыче природных ресурсов), гуманитарная культура (религиозные верования, мифология, народное искусство, представления о сакральных участках на освоенной территории) [13, с. 134–136].

Этноэкологические направления в белорусской науке стали проследиваться в области этнографии во второй половине прошлого столетия. Специфику формирования среды обитания человека в единстве с природным окружением и архитектурными формами, а также эволюцию философских воззрений на природу находим в исследованиях архитектора и этнографа А. И. Локотко [45; 46]. В. С. Титов в своих работах изучал проблему влияния местных экологических условий среды проживания на хозяйственные занятия, организацию быта, народную одежду и еду [47]. Л. И. Минько, рассматривая народные приметы, предсказывающие погоду и будущий урожай, анализировал сельскохозяйственную магию, исследовал народные знания белорусов [48; 49; 50].

Изучению традиционных представлений о растительном и животном мире, а также о погоде посвящены работы белорусских исследователей Т. В. Володиной [31; 51], Е. А. Кострицы [52], В. С. Новак [53; 54] и др. Самую большую коллекцию белорусских народных знаков и верований собрал фольклорист, этнограф В. А. Василевич [55; 56; 56]. Ученый-филолог А. М. Ненадовец рассматривал корни архетипа природы, раскрывал мифологизированные образы природных объектов [58]. В. А. Лобач характеризует мифологические и ритуальные аспекты белорусской народной культуры, в частности, элементы природного пространства, народную медицину [59; 60]. В многочисленных работах К. А. Шумского последовательно раскрываются

этноэкологические подходы, исследуются традиционные экологические знания белорусов в историческом и этнографическом аспектах [61].

В философской литературе нельзя не отметить многотомный труд «Антология экологической мысли», опубликованный авторским коллективом под руководством профессора А. И. Зеленкова. В первой части издания современные ученые-философы (В. В. Анохина, А. П. Ждановский, М. А. Можейко, А. О. Пешков и др.) всесторонне рассматривают историческую эволюцию экосознания белорусского, украинского и русского народов в характерных для них культурных формах: религиозно-философской, естественнонаучной и художественной [62]. В работах П. А. Водопьянова представлены динамика и социальные параметры эволюции биосферы [63].

Непосредственно к проблеме использования этнопедагогического наследия в организации соответствующих отношений с окружающей природой обращались классики педагогики Я. А. Коменский [64], Л. Н. Толстой [65; 66], К. Д. Ушинский [67], В. А. Сухомлинский [68; 69] и др. В своих работах они рассматривали воспитательный потенциал народных обычаев и традиций, акцентировали внимание на их роли в формировании ответственного отношения к среде обитания. В трудах зарубежных исследователей (J. Barman [70], M. Battiste [71], J. Blaut [72], G. Cajete [73], L. Mattson [74], U. Singh [75], D. Smith [76; 77]) освещаются особенности и способы взаимоотношений этносов с природой, этноэкологические традиции, пути их использования в современных условиях. Экологическая направленность в контексте этнопедагогического знания отмечается в работах таких современных авторов, как Н. В. Абаев [78], А. М. Ахмедова [79], Ц. Б. Будаева [80], З. М. Куршаева [81], Т. Н. Кондратьева [82], З. А. Хусаинов [83], М. А. Якунчев [84] и др.

В последнее время в Российской Федерации и в республиках, входящих в состав данного государства, подготовлено значительное количество диссертационных исследований, посвящённых проблемам этнопедагогизации экологического образования: экологическое воспитание средствами народной педагогики разных народов (Н. Н. Иванова (1998) [85]; А. В. Хажин (2000) [86]; С. Н. Черябкина (2000) [87]; Е. Р. Хатагова (2004) [88]; Н. Р. Астраханова (2004) [89]; Р. А. Лайпанов (2005) [90]; Р. И. Пазова (2010) [91]); экологическое воспитание с учетом этнорегионального компонента (Ш. И. Джанзакова (1998) [92]; З. К. Узденова (2005) [93]); становление экологической культуры в контексте этнокультурных традиций и ценностей (Ю. Ф. Виноградов (2000) [94]; С. И. Мургаева (2000) [95]; Л. В. Наранова (2004) [96]; Л. М. Шовгенова (2004) [97]); этнопедагогические условия формирования экологического сознания детей (Н. Н. Лебедева (2003) [98]); этнопедагогические традиции в экологическом воспитании учащихся (И. М. Гилемшин (2004) [99]); формирование этноэкологической культуры подростков (М. Т. Мингалеева (2015) [100]); становление экологического сознания и ценностных ориентаций на основе народных традиций (М. А. Ли-

джиева (2005) [101]; Т. Н. Бычкова (2017) [102]); формирование экологической культуры учащихся в контексте этнорегионального компонента (З. А. Хусаинов (2006) [103]); становление и развитие экологического обучения и воспитания в истории чувашской педагогики (О. П. Терехова (2007) [104]); тенденции развития экологического воспитания в этнопедагогике бурят (Т. Н. Кондратьева (2008) [105]); этнокультурный подход в подготовке педагога к экологическому образованию детей (Л. И. Джегистаева (2022) [106]).

В Республике Беларусь подобные комплексные исследования вообще не выполнялись, но многие соискатели посвятили свои диссертационные работы изучению различных аспектов организации экологического образования: в сельских школах (Г. Н. Каропа (1990) [107]; Г. И. Никитенко (2001) [108]); дошкольных учреждениях (И. А. Шарапова (1996) [109]); социокультурной среде (Н. В. Самерсова (1997) [110]); радиоэкологическом направлении (О. А. Котловской (1999) [111]); гуманитарной гимназии (Е. В. Терещенко (2002) [112]); игровой деятельности (Г. Н. Казаручик (2003) [113]; Е. Е. Кошман (2013) [114]); дошкольной инклюзии (И. Ю. Оглоблина (2010) [115]); во внеклассной эколого-краеведческой деятельности (С. В. Чубаро (2003) [116]); на основе разработки модели межпредметных связей (Т. Г. Каленникова, (1991) [117]); использования компьютерных программ (В. К. Слабин (2000) [118]); при подготовке будущего учителя (О. О. Прокофьева (1999) [119]; А. Р. Борисевич (2000) [120]; И. А. Старовойтова (2007) [121]).

Следует также обратить внимание на научные труды других отечественных исследователей. Ученый-педагог Н. К. Катович анализирует экологические традиции историко-культурного наследия белорусов [122]. Н. В. Самерсова рассматривает экологические особенности устного народного творчества, определяет роль фольклора в формировании экологической культуры детей и подростков [123]. Нельзя не отметить работы исследователей-этнопедагогов В. С. Болбаса и И. С. Сычёвой, изучающих региональные аспекты экологического воспитания в народной педагогике белорусов [43; 124; 125; 126].

Глубже и шире осмыслить сущностно-функциональные и структурно-содержательные характеристики этноэкологических идей в педагогическом измерении поможет четкое понимание с этих позиций таких ключевых понятий, как «воспитание», «экологическое воспитание» и «народная педагогика». Именно они создают матрицу предмета исследования.

Рассмотрим различные трактовки понятия «воспитание», их сущность и содержание, закрепившиеся на современном этапе развития педагогической теории и практики воспитания. В «Белорусской педагогической энциклопедии» отмечается: «Воспитание – целенаправленное создание условий (материальных, организационных, психолого-педагогических) для развития и саморазвития личности» [127, с. 243]. В такой формулировке акцент делается

на создании оптимальных условий для развития личности в соответствии со стандартом воспитанности и для становления ее внутреннего потенциала.

Исторически сложилось несколько подходов к раскрытию сущности воспитания. В. А. Сластёнин интерпретирует воспитание в широком смысле как «общественное явление, как воздействие общества на личность» и в узком – как «специально организованную деятельность педагогов и воспитанников для реализации целей образования в условиях педагогического процесса» [128, с. 293]. И. Ф. Харламов выделяет два подхода к определению сущности понятия «воспитание». В широком смысле исследователь трактует воспитание как «процесс всестороннего развития личности, включающий обучение и специальную воспитательную работу по формированию у нее социальных и разнообразных духовных отношений» [129, с. 55], при этом под обучением понимает «овладение знаниями, умениями, способами творческой деятельности, мировоззренческими и нравственно-эстетическими идеями» [129, с. 55]. А воспитание в узком смысле, с его точки зрения, представляет собой «специализированный процесс формирования социальных и духовных отношений» [129, с. 55].

Воспитание в первом широком значении фактически отождествляется с социализацией, которая направлена на передачу общественного опыта подрастающему поколению. Воспитание в узком педагогическом смысле выступает частным случаем развития личности в соответствии с внешне заданными нормативами. Формулировка воспитания во втором, широком, педагогическом значении представляется нам более ёмкой и удачной. Несомненным достоинством данного понятия является объединение категорий «обучение» и «воспитание» (в узком смысле), поскольку эффективность процесса обучения невозможна без должной воспитательной работы, в свою очередь, важным аспектом воспитательной функции выступает формирование теоретической составляющей. Таким образом, воспитание в широком смысле является специально организованным процессом формирования личности, включающим в себя приобретение знаний, умений и навыков (обучение), а также черт и качеств личности (воспитание в узком смысле). Причем такое разделение является результатом научного осмысления, в реальной педагогической практике – это единый, целостный процесс.

В педагогической науке экологическое воспитание трактуется неоднозначно. Так, согласно Белорусской педагогической энциклопедии, это «целенаправленное воздействие на духовное развитие личности с целью формирования мотивов бережного отношения к окружающей природе вообще и к живой природе в частности» [127, с. 256]. В представленной формулировке подчеркивается мотивационный аспект экологического воспитания, но отсутствует акцент на поведенческом компоненте личности.

Российский исследователь И. Д. Зверев экологическое воспитание трактует как формирование у человека сознательного восприятия окружающей природной среды, убежденности в необходимости бережного отно-

шения к природе, разумного использования её богатств, понимания важности приумножения естественных ресурсов [130, с. 58]. Суть данного процесса автор усматривает в становлении качеств личности, обеспечивающих ответственное отношение к природной и социальной средам.

В. В. Лисниченко и Н. Б. Лисниченко определяют экологическое воспитание как общественное явление и интерпретируют его как «сложный и противоречивый социально-исторический процесс включения подрастающих поколений в систему взаимоотношений, существующих в триаде «индивид – общество – природа», направленный на формирование биоцентризма как моральной категории» [131, с. 34].

Н. К. Катович под экологическим воспитанием понимает формирование нравственно-экологического сознания, проявляемого в соответствующей деятельности по отношению к природе [132, с. 102]. При этом исследователь пользуется сочетанием категорий «экологическое образование и воспитание».

Российский ученый-педагог, академик Б. Т. Лихачев определяет экологическое воспитание как «систематическую педагогическую деятельность, направленную на развитие экологической образованности и воспитанности детей; накопление экологических знаний, формирование умений и навыков деятельности в природе, пробуждение высоких нравственно-эстетических чувств, приобретение высоконравственных качеств и твердой воли в осуществлении природоохранной работы» [133, с. 350].

С учетом вышесказанного, нельзя не согласиться со следующими позициями: система экологического воспитания включает как «житейский» эмпирический способ экологического ориентирования, так и научную теоретическую базу (Н. К. Катович); воспитание должно обеспечить формирование экологического сознания, которое, в свою очередь, ведет к становлению экологической культуры личности (Б. Т. Лихачев). При этом надо осознавать, что особенно в народной педагогике экологическая культура имеет ярко выраженную воспитывающую и мировоззренческую направленность, воплощенную в идею целостности мира природы с включенностью в него и человека. Более того, как утверждают современные исследователи, «любая этническая культура экологична по своей сути, по источникам формирования, определяемым конкретной природно-ландшафтной средой. История человечества, по сути, есть история его отношений с природой. Общеизвестно, что не только этническая культура, но и сам этнос исчезает там, где гибнет соответствующая экосистема» [43, с. 56].

Обобщая вышеприведенные и иные подходы, можно сделать вывод, что с позиций народной педагогики экологическое воспитание – это процесс формирования у воспитанников нравственно-эстетического отношения к окружающей среде, направленный на охрану, рационально-бережное использование и приумножение природных ресурсов [134, 122].

Для организации исследования не менее важным является четкое представление о народной педагогике, в рамках которой экологическое

воспитание трансформируется в этноэкологическое. Понятие «народная педагогика» интерпретируется в науке неоднозначно, причем его сущность зависит от смысла, вкладываемого в каждое из двух образующих его слов – педагогика и народ. Термин «педагогика» априори задает когнитивно-знаниевый подход к изучению феномена, поэтому некоторые исследователи и рассматривают народную педагогику как целостную совокупность или даже систему соответствующих идей и взглядов [135, с. 43]. Другие под народной педагогикой понимают совокупный воспитательный опыт, то есть практическую организацию воспитательного процесса [135, с. 43]. И третьи, которых сегодня абсолютное большинство, считают, что народная педагогика – это совокупность народно-воспитательных идей и практического опыта в воспитании детей [135, с. 43].

Понятие «народ» также имеет несколько значений: а) совокупность большого количества людей (страны, континента, всей планеты); б) простые люди – базис общества (производители материальных благ); в) определенное этнонациональное сообщество (этнос, нация, народность) [135, с. 43]. Третий подход к пониманию народной педагогики как раз показывает возможность ее отождествления с понятием «этническая педагогика» («этнопедагогика»), что и объясняет наличие в ней этнопедагогических элементов, в частности, этноэкологических идей.

Разделяя точку зрения В. С. Болбаса о том, что «народная педагогика – это целостная совокупность эмпирических знаний, устойчивых взглядов, характерных идей народа о воспитании» [5, с. 20], мы вводим это определение в понятийно-терминологический аппарат исследования. Кроме того, под этнопедагогикой будем понимать: «1) целостную совокупность эмпирических знаний, устойчивых взглядов, характерных идей этноса о воспитании (иначе: народная педагогика определенного этнического сообщества); 2) науку, которая изучает народную педагогику и народное воспитание, а также особенности воспитания, характерные для этнического сообщества» [5, с. 21–23].

Важнейшим исходным моментом разработки теоретико-методологических оснований исследования идей этноэкологического воспитания народной педагогики белорусов является то, что изучаемый предмет находится в сфере пересечения трех основоположных для него педагогических систем: народная (этническая) педагогика, экологическое воспитание и история воспитания. В связи с этим методология настоящего исследования опирается на обобщенные и адаптированные основные положения методологий каждой из них. Такая системная методология соединения этноэкологической и этнопедагогической культур в историко-педагогическом контексте приобретает достаточно синтезированный, но выраженно целостный характер.

Особенности объекта и предмета нашего исследования, специфика задач, решаемых на различных его этапах, а также способность отдельных

подходов взаимозамещать и взаимодополнять друг друга обусловили выбор в качестве методологических ориентиров важнейшие положения общенаучных, парадигмальных и инструментальных подходов (классификация С. В. Бобрышева [136, с. 11–12]). Опираясь на данную классификацию, в методологии исследования представлены следующие подходы.

1. Общенаучные:

- ✓ системный – обеспечивает последовательное изучение отдельных компонентов этноэкологического воспитания, определив их роль в этом процессе как целостной системе;

- ✓ исторический – рассматривает этноэкологические идеи как историко-педагогическое явление, содержательное наполнение которого значительно детерминировано временем и местом их формирования, но сущностная направленность – общезначима;

- ✓ логический – ориентирует на исследование идей этноэкологического воспитания с позиций современного состояния педагогического знания;

- ✓ комплексный – обеспечивает всестороннее изучение предмета исследования через взаимодействие различных отраслей научного знания: этноэкологии, этнографии, педагогики, философии, фольклористики. Базовым научным знанием выступает педагогика.

2. Парадигмальные:

- ✓ культурологический – позволяет рассматривать народную педагогику как составную часть общечеловеческой культуры, а этноэкологические идеи – как элемент традиционно-педагогической культуры белорусов;

- ✓ аксиологический – определяет взаимосвязи между природными и социальными ценностями, рассматривая этноэкологическое воспитание в качестве важнейшей народно-педагогической ценности;

- ✓ этнопедагогический – направляет рассмотрение всего анализируемого материала сквозь призму национальных традиций белорусского народа;

- ✓ антропологический – ориентирует исследование на человека и преломляет всю совокупность этноэкологических идей через человека, тем самым включая его непосредственно или опосредовано в предмет познания.

3. Инструментальные:

- ✓ герменевтический – способствует пониманию и истолкованию этноэкологических идей через опору на рациональный и эмоционально-чувственный опыт, представленный в образцах и памятниках народной культуры;

- ✓ сравнительно-сопоставительный – направляет исследование на поиск, сравнение и сопоставление общего и особенного как в отдельных идеях и структурных компонентах этноэкологического воспитания, так и в выявлении специфичного в системе всей народно-педагогической культуры;

- ✓ онтологический – обеспечивает адекватное употребление понятий, используемых при анализе изучаемого материала, способствует пониманию сущности и природы народно-педагогического знания в области экологии;

✓ проблемно-генетический – делает возможным ретроспективное рассмотрение проблемы этноэкологического воспитания, а также установление причинно-следственных связей и зависимостей во взаимодействиях природы и социума.

В целом же методологическое ядро исследования составили системный, этнопедагогический, исторический и комплексный подходы, использование которых позволяет представить идеи этноэкологического воспитания как культурно-исторический феномен в системной совокупности их основных компонентов: содержательно-целевого и процессуально-методического. Построение исследования на данных – базовых для настоящей работы – подходах способствует определению путей использования полученного научного знания в современности и в будущем, учитывая непрерывный и преемственно-эволюционирующий характер человеческой культуры в целом и этноэкологической в частности.

Организуя изучение идей этноэкологического воспитания с позиций современной науки, целесообразно исходить из требований антропного принципа, строящегося на постнеклассическом взгляде на Вселенную как «человекообразный» объект. Согласно этому принципу, «экология превращается из внешнего фактора по отношению к человеку во внутренний фактор единой системы “Природа – Человек”» [137, с. 199]. Человекообразность экологии как раз характерна для миропонимания наших предков, близкого к традициям восточного мышления, где человек и природа едины в отличие от европейского рационализма. И. Р. Пригожин отмечает: «Мы... находимся на пути к новому синтезу, новой концепции природы. Возможно, когда-нибудь нам удастся слить воедино западную традицию, придающую перво-степенное значение экспериментированию и количественным формулировкам, и такую традицию, как китайская: с ее представлениями о спонтанно изменяющемся самоорганизующемся мире» [138, с. 34]. Исходя из таких методологических установок, можно глубже исследовать систему народных представлений о природе, роли, целях, содержании, формах и методах этноэкологического воспитания.

При изучении этноэкологических идей народной педагогики белорусов особенно важным является рассмотрение их в целостной совокупности, во взаимосвязанности и взаимообусловленности между собой. Такому аспекту исследования способствует системно-структурный анализ, ориентирующий не на разрозненное рассмотрение отдельных составляющих, а на раскрытие структуры всего изучаемого предмета и установление связей между образующими его элементами. При этом свойства предмета исследования будут зависеть и от свойств структурных его элементов, и от характера, и от типов взаимодействия между ними. Из общей теории систем для основы системно-структурного анализа взяты прежде всего общие представления об объекте как системе, состоящей из взаимосвязанных элементов (подсистем), причем отдельная сторона объекта выбирается в качестве предмета и исследуется как

целое. При этом свойства предмета исследования будут зависеть и от свойств структурных его элементов, и от характера, и от типов взаимодействия между ними.

Основные положения системно-структурного анализа представлены в работах таких философов и методологов, как А. Н. Аверьянов, В. Г. Афанасьев, И. В. Блауберг, Д. М. Гвишиани, В. Н. Карпович, Б. М. Кедров, И. Б. Новик, В. Н. Садовский, А. Г. Спиркин, В. С. Швырев, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин и др. Благодаря их разработкам, системно-структурный анализ стал одним из важнейших методологических направлений при изучении сложных объектов действительности, рассматривая их как системы взаимосвязанных элементов. Его использование в педагогических исследованиях обосновывают Ю. К. Бабанский, И. Ф. Бережная, В. П. Беспалько, Б. З. Вульф, М. А. Данилов, В. И. Загвязинский, И. Д. Зверев, А. Н. Звягин, Л. Я. Зорина, Т. А. Ильина, В. Р. Ильченко, В. В. Краевский, Н. В. Кузьмина, А. В. Хуторской и др. В их работах раскрыты основные направления осмысления системности педагогического знания и его использование в образовательной практике.

Синтез системного и структурного анализа значительно увеличивает методологические возможности изучения объекта научного исследования, позволяет анализировать его различные аспекты, а также представлять его в системной целостности. Нельзя не согласиться с утверждением российского ученого О. С. Косихиной, что «глубокое исследование любой системы принципиально невозможно без проникновения в ее структуру, без осознания способов внутренней связи всех ее структурных подразделений и уровней» [139, с. 13]. Что касается идей этноэкологического воспитания, то в совокупности они представляют собой достаточно целостное системное образование со своей структурой и содержательным наполнением, обеспечивающим эффективную межпоколенную передачу-приобретение накопленного тысячелетиями опыта отношений с окружающей средой. В народной педагогике белорусов естественным образом структурированы в относительно самостоятельные подсистемы – содержательно-целевой и методико-процессуальный компоненты, в каждом из которых, в свою очередь, можно выделить объединения системного характера.

Если системно-исторический анализ характеризует систему в ее динамике, то системно-структурный рассматривает ее в статике, как нечто устойчивое, стабильно сохраняющееся. Поэтому идеи рассматриваются прежде всего как результат их развития, концептуализации и приобретения определенной формы. Более того, нельзя не согласиться с современными исследователями, которые считают, что нерасторжимое единство содержания и формы обеспечивается структурой объекта [140, с. 89]. И это касается как каждой идеи в отдельности, так и всего их объединения. Исходя из данного подхода, в настоящей работе исследование идей этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов направлено не на рассмотрение

его как историко-педагогического процесса, а на обоснование их целостной системной совокупности с научным анализом идей, составляющих ее структурных элементов: цель, содержание, принципы, методы и средства.

Системно-структурный анализ, представляя собой обоснование системной целостности как самих идей этноэкологического воспитания, так и образуемых ими структурных элементов – цель, содержание, принципы, методы и средства этноэкологического воспитания – позволяет сделать научно достоверные выводы благодаря совокупности критериев его организации. В настоящем исследовании важнейшими из них являются:

- ✓ *системная целостность* – этноэкологические идеи рассматриваются как единое целое;

- ✓ *структурность* – выделяются основные элементы системы (цель, содержание, принципы, методы, средства, формы этноэкологического воспитания);

- ✓ *функциональная взаимосвязь элементов* – устанавливаются всевозможные связи как в содержании отдельных идей, так и между их объединениями;

- ✓ *открытость* – система этноэкологических идей взаимодействует с реальной жизнью этноса, адаптируется к ее изменениям и оказывает на нее влияние;

- ✓ *эмерджентность* – система обладает свойствами, которые не сводятся к совокупности свойств ее отдельных элементов, а образуются новые;

- ✓ *результативность* – выявляется эффективность функционирования системы идей в осуществлении этноэкологического воспитания.

В системно-структурном анализе этноэкологических идей выделяются следующие этапы: а) выявление в народной педагогике возможно большего числа идей экологического воспитания, присущих белорусскому этносу; б) группировка идей в отдельные структурные компоненты педагогической системы; в) характеристика роли и свойств каждого компонента в «теоретическом» обеспечении этноэкологического воспитания; г) установление различных связей как между компонентами, так и внутри их; д) определение универсальных и этноспецифичных элементов; е) оценка актуального воспитательного потенциала в современных условиях, идей и подходов к воспитанию как целостной системы теоретического знания. Такой анализ позволяет выявить структуру, логику, внутренние и внешние взаимосвязи различных идей и их объединений, обосновать их системообразующий характер и практическую значимость.

Представленная структуризация позволяет на основе характеристик выделенных элементов раскрыть свойства всей системы этноэкологических идей в качестве основы воспитания этноэкологической культуры в целом. Следовательно, **системно-структурный анализ идей этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов** – это аналитическая сторона их системного объединения, раскрывающая данный феномен через взаимо-

связь ключевых структурных элементов: цель, содержание, принципы, методы и средства, которые обеспечивают устойчивость, целостность и преемственность системы.

Подытоживая вышесказанное, опираясь на приведенные выше определения из тезауруса исследования, учитывая сущность этноэкологии, можно уточнить структурно-смысловое содержание этноэкологических идей в традиционной педагогической культуре и заключить, что **идеи этноэкологического воспитания** – система народно-педагогических взглядов, понятий и представлений о передаче и освоении накопленных знаний, умений и навыков гармоничного взаимодействия человека с окружающей средой, а также формировании личностных качеств, обуславливающих отношение к природе в соответствии с этнокультурой [134, с. 122–123].

Аналогично дополним и уточним понятие «этноэкологическое воспитание». **Этноэкологическое воспитание** – это специально организованный процесс формирования основ экологической культуры личности, опирающийся на изучение системы народных знаний о природе, на усвоение особенностей взаимодействия этнических общностей с естественной средой обитания, на овладение опытом рационально-прагматического, нравственно-эстетического и эмоционально-волевого отношения к окружающему миру, характерных для природоохранного поведения представителей этноса [141, с. 67–68]. Опора на такие определения в соответствии с ведущей научной позицией исследования позволит концептуализировать живую педагогическую реальность в понятиях теоретического знания [142, с. 175].

Для решения поставленных в настоящей работе задач является также целесообразным применение комплекса взаимодополняющих друг друга теоретических методов исследования: источниковедческого анализа, контекстуального анализа, методологического анализа, логико-семантического анализа, герменевтического анализа, историко-генетического анализа, сравнения и сопоставления, интервьюирования, концептуализации, схематизации, классификации. Использование конкретных методов исследования обуславливается логикой исследования и спецификой задач, стоящих на каждом его этапе.

Разработанная таким образом методология исследования системно-структурного анализа идей этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов отражает – в контексте рассмотренных выше подходов – общепризнанные уровни: философский, общенаучный, конкретно научный и технологический.

Философский уровень представлен основополагающими идеями: с позиции идеи всеединства и взаимообусловленности человек выступает как часть природы; идея коэволюции предполагает преодоление идеологии покорения природы на основе формирования чувства эмпатии, партнерских и гармоничных отношений с природой. **Общенаучный уровень** соотносится с возможностью истолкования общественных и экологических феноменов

в социоприродной среде, опираясь на общенаучные принципы познания (принцип объективности, целостности, инвариантности, относительности, достоверности и др.) и используя категории общественных наук. **Конкретно научный уровень** отражает основные положения методологии педагогики и ориентирован непосредственно на исследование этноэкологического воспитания, развитие этноэкологической культуры, этноэкологических ценностей и др. **Технологический уровень**, обусловленный всеми предыдущими уровнями, определяет методику и технику исследования, учитывает особенности работы с фольклорным материалом и специфику этнопедагогики белорусов, вводит эмпирические методы исследования этноэкологического знания.

Одной из особенностей данной работы является широкое привлечение первоисточников. В первую очередь это фольклорно-этнографические сборники, в которых отражены отдельные традиционные представления белорусского народа о природных явлениях, взаимоотношениях человека с природой родного края и т. д. Наиболее содержательные сведения экологической направленности отмечаются в трудах белорусских, русских и польских ученых-этнографов второй половины XIX – первой трети XX вв.: А. Н. Афанасьева, Д. Г. Булгаковского, М. В. Довнар-Запольского, М. А. Дмитриева, В. Н. Добровольского, Ю. Ф. Крачковского, Н. Я. Никифоровского, Ч. Петкевича, Е. Р. Романова, А. К. Сержпутовского, П. В. Шейна и др.

Кроме опубликованных источников, в диссертации использованы материалы фондов текстовых записей (6, 8, 9, 13, 20) «Архіва Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі», обогащающие археографический аспект организации исследования. Научная ценность этих сведений заключается в том, что в них представлены документы, характеризующие мировоззренческие представления белорусов, которые фиксировались в совокупности с описанием других элементов народной культуры.

Существенным дополнением источниковедческой базы явились данные, собранные в ходе полевых исследований с применением главным образом методики опроса и наблюдения (приложение А), а также записи студентов УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (приложение Б), которые содержат аутентичный фактический материал и углубляют понимание особенностей развития экологической традиционной культуры белорусов. Указанные в этом абзаце текста исходные данные вводятся в научный оборот впервые, что расширяет представления о взаимосвязи этнопедагогики, экологии и современного образования.

Значимым научным материалом как аналитического, так и исторического плана явились работы белорусских этнологов и фольклористов второй половины XX – начала XXI вв.: Г. А. Барташевич, В. К. Бондарчика, В. А. Василевича, В. Витки, Т. В. Володиной, Н. С. Гилевича, М. Я. Гринблата, А. Н. Захаровой, И. Я. Климкович, Е. А. Кострицы, Я. Крука, И. Я. Лепешева, В. А. Лобача, А. Ю. Лозки, А. И. Локотко, Л. И. Минько, А. М. Ненадовца,

В. С. Новака, Е. Рапановича, А. С. Федосика, К. А. Шумского, И. Ф. Штейнера, Ф. М. Янковского и др.

Таким образом, исследование опирается на научные работы белорусских и зарубежных ученых в области педагогики, философии, истории, этнологии, экологии, этнопедагогики и других наук, где тем или иным образом рассматриваются вопросы, связанные с предметом данного исследования.

Созданная теоретико-методологическая база исследования обеспечивает возможность получения результатов, обладающих научной новизной, теоретической и практической значимостью, востребованных современной педагогической наукой и системой образования.

2.2. Ценностно-целевые основы этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов

Специально организованный и управляемый процесс всегда предполагает наличие цели, представляющей собой конечный результат этого процесса. Что касается воспитания, то наличие цели является его определяющим компонентом, без которого воспитательная деятельность не имеет никакого смысла. Цель воспитания должна отражать потребности и интересы общества, соответствовать его представлению об идеале человеческой личности.

Анализ научно-педагогических работ [143, с. 82; 144, с. 131–138; 145, с. 64; 124, с. 44] позволяет заключить, что воспитательный идеал представляет собой образ максимально совершенного человека, недостижимый в реальной педагогической деятельности, а стремление приближения к уровню его совершенства составляет основу целевых воспитательных установок. В педагогике «цель воспитания рассматривается, как правило, с двух позиций: в глобальном выражении – идеал совершенного человека (идеал достижения) с точки зрения данного общества, семьи, воспитателя, на реализацию которого направлено воспитание; в локальном плане – предвосхищаемый результат воспитательной деятельности» [146, с. 124]. Целеполагание является системообразующим фактором любого педагогического процесса. Оно непосредственно обуславливает его содержательный и процессуально-методический компоненты. В народной педагогике белорусов результатам, завершенности любых процессов придавали первостепенное значение: «*Корань навукі горкі, ды плады яго салодкія*» [147, с. 283], «*Бэрэжы стожка з вэрышка*» [148, с. 143].

Народно-воспитательные цели предопределялись существовавшими базовыми жизненными ценностями, регулирующими все стороны общественной жизни, причем приоритетным всегда являлись природные факторы человеческого бытия, нежели социальные. Особое место отводилось непосредственно отношению человека к природе и ее проявлениям. Взаимосвязи между различными природными явлениями, их влияние на жизнь человека

считались закономерными и определяющими природно-социальное устройство в мире. Такие убеждения четко зафиксированы в постулатах народной мудрости: «Сонца грэе – душа млее» [15, с. 52], «Дождж у пору – усё роўна што золата» [15, с. 54], «Дождж намачыў, а сонейка высушыць» [15, с. 55], «Мала снегу – не будзе хлеба» [15, с. 55], «Дзе бусел вядзеца – там шчаслівае месца» [195, с. 66], «Зіма – ліха, а без зімы яшчэ горш» [15, с. 72].

Идеи этноэкологического воспитания как органического составляющего этнокультурного воспитания формировали соответствующие целевые ориентиры, отражающие его экологическое мировоззрение, которое в свою очередь определялось совокупностью приоритетных базовых ценностей организации жизнедеятельности человеческого сообщества в окружающей природной среде. Ценности взаимоотношений человека и природы образуют аксиологические основы формирования содержательно-целевого компонента этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов. Аксиологические ориентации этноэкологического воспитания, объединяемые универсальной ценностью природы, обуславливают характер взаимодействия общества и природы, способствуют становлению таких ведущих ценностей, как любовь к природе, охрана природы, рациональное природопользование, здоровье человека, благоприятное состояние окружающей среды. Данные ценности в одинаковой степени предопределяют как особенности взаимоотношений человека и природы в ту или иную эпоху, так и особенности накопления и передачи последующим поколениям опыта таких взаимоотношений.

Сформированные на такой основе цели этноэкологического воспитания белорусов предусматривали последовательное обеспечение и поддержку гармоничного существования человека в природной среде, которое в народных представлениях заложено изначально, с момента сотворения мира, и любое его нарушение пагубно влияет как на природу, так и на человека. В народном воззрении природа не просто развивается эволюционным путем, а в синкретическом единстве всех биологических видов, включая и человека, она коэволюционирует как целостная система. В значительной степени это обусловило системный характер идей этноэкологического воспитания, объединяющихся аксиологической проблематикой сохранения природной среды в самом широком ее понимании.

Важно отметить, что при всем почитании и поклонении наших предков могучим силам природы человек, в силу своих особых интеллектуально-духовных качеств, поднимался над ними и именно на него возлагалась ответственность за установление соответствующих отношений с природой в каждом отдельном случае и поддержание вселенской гармонии в целом. По мнению З. А. Кулиева, взаимодействие природы и общества – относительно самостоятельный процесс, но детерминирован человеческой деятельностью [149, с. 76], поэтому в народной педагогике белорусов цели этноэкологи-

ческого воспитания отражали наивысший уровень таких отношений и воплощались в свойствах и качествах человека, подчиняющегося законам природы, заботящегося о природе, организующего свою деятельность в интересах общества и природы. Цели этноэкологического воспитания определяют критерии развития этноэкологической культуры личности и общества и ориентированы на ведущую цель, обуславливающую уровень, содержание и пути организации процесса экологического воспитания.

Ведущая воспитательная цель – это идеальная, общественно значимая цель, отражающая воспитательный идеал, в практике народного воспитания она находила отражение в реальных воспитательных целях, определяемых для отдельных воспитанников и на конкретные промежутки времени. И. П. Подласый подчеркивает: «Цели воспитания следуют из воспитательного идеала. Но хотя они и выводятся из идеальных представлений, они реальны, практичны. В их формировании находят отражение объективные причины, практические возможности» [143, с. 85]. В народном понимании ведущая цель этноэкологического воспитания представляет собой идеально мыслимый уровень человеческого совершенства в его отношениях с природой. Реальная же цель всегда предполагает конкретный результат, который в данном исследовании отражает тот или иной компонент этноэкологической культуры личности. Все цели этноэкологического воспитания базировались на основных этноэкологических ценностях белорусов, являющихся приоритетными в организации жизнедеятельности, благодаря чему формировался экологически ориентированный образ жизни.

Являясь органической частью общей культуры человека, этноэкологическая культура личности обуславливается важнейшими ее качествами, определяющими отношения человека с природой, с людьми и самим собой как частью природы в контексте природо- и человекоберегающей деятельности, характерные для этнического сообщества. В произведениях устного народного творчества это направление представлено особенно ярко и убедительно и ни один положительный герой не нарушает нормы этих отношений, а добивается успехов благодаря опоре на природу и ее явления. В. С. Болбас подчеркивает: «В народных представлениях нравственно совершенный человек *“і галінку не зломіць, і травінку не вырве”*». Настоящие человеческие качества как раз и проявляются через отношения индивида к животным и птицам» [150, с. 148]. Экологический императив был прописан в человеческом существе на уровне коллективного бессознательного.

Целевые установки этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов выходят далеко за рамки выполнения нормативных предписаний природопользования. Рационального уровня осмысления взаимоотношений с природой здесь совершенно недостаточно. Выполнение требований народного экологического императива строится на глубокой иррационально-чувственной основе. Вся восточнославянская мифология

базируется на почитании природы. В народном представлении человек не просто осмысленно, бережно относится к природе во всех ее проявлениях, его отношения не только не подчиняются корыстным устремлениям, а наполняются глубоким этическим смыслом в результате безграничной любви к ней.

Произведения устного народного творчества содержат множество примеров, когда человек помогает представителям животного и растительного мира или спасает их от неминуемой беды не в ожидании какого-то вознаграждения либо из-за страха перед возможными последствиями, а из-за присущего его человеческой природе гуманного расположения к ним («*Чортава балота*» [151, с. 115–118]; «*Аб дурню і залатым птаху*» [152, с. 364–372]; «*Браты-Паляўнічыя*» [152, с. 364–372]; «*Салдат Іванька, мыш, жук і рак*» [117, с. 364–372]; «*Пра купецкага сына, сабаку, ката і змея. Мышынага цара, рака хабёра, цара ракаў, і лукапера*» [153, с. 372–382]; «*Як звяртакі чалавеку адгадзілі*» [153, с. 382–384]; «*Пра музыканта, коціка і сабачку*» [153, с. 384–387]; «*Журавоў кашалёк*» [153, с. 387–395]; «*Храбры певень*» [153, с. 406–410]). В этом проявляется одна из характерных особенностей целей этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов.

Аксиологические основания и целевые установки этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов обуславливались экологическими ценностями наших предков, сформированными еще в язычестве с его представлениями единства природы и человека, с сакрализацией природных объектов, что позволяло сделать вывод о необходимости сохранения природной среды в первозданном виде. Исследователи подчеркивают: с древности белорусы «наделяли и земные, и небесные объекты и явления своими человеческими смыслами, о чем сохранилось множество свидетельств в белорусском фольклоре» [51, с. 44].

Обожествление природы в целом и ее отдельных объектов, вера в сверхъестественность сил природы предопределили выработку соответствующих норм человеческого поведения, ориентированного на бережное, благоговейное отношение к окружающей природной среде обитания. На мировоззренческом уровне, имплицитно и в виде конкретно сформулированных табу и императивов, существовали безоговорочно регламентированные и тщательно контролируемые общественным мнением правила поведения, характер и виды взаимоотношений с живой и неживой природой, определяющие условия природопользования и адекватное поведение человека в природной среде. В современных исследованиях народной педагогики белорусов подчеркивается, что «для наших предков не было неживой природы. Вся природа в целом, каждый ее объект и представитель, каждое природное явление имели душу и соответствующие одухотворенные черты и качества, собственный характер, нрав и привычки. Все это не просто

накладывало отпечаток на характер отношений человека к природе, а сама человеческая сущность, смысл земного существования каждого индивида, его место в природной системе определялись с позиций мировой гармонии и созданного природой нерукотворного порядка в большом и малом мирах» [154, с. 87].

Таким образом, экофильность представляла собой один из ценностных ориентиров ментальности белорусского народа. В дальнейшем – в силу ряда социально-исторических факторов – эти тенденции настолько усилились, что позволили белорусскому ученому М. А. Можейко резюмировать: «Традиции белорусской национальной культуры, рассмотренные под углом зрения их экологических ориентаций, могут быть с полным правом отнесены к экофильным» [27, с. 25].

Надо отметить, что у белорусов существовали и утилитарные подходы в отношении к природе, когда использовались природные ресурсы, и в таком случае забота о ней обуславливалась заботой о себе. Тем не менее в основе экологических воззрений белорусского народа природа рассматривалась не придатком для человека, а имела с ним по меньшей мере одинаковый статус и в целом практически всегда возвышалась над ним, ибо человек – только ее органическая часть. Поэтому даже понимание того, что человек – самое совершенное создание в природном мире, не возвышало его над природой. В народе четко осознавали: *«Дзе знішчаецца прырода, там знішчаецца жыццё»* [155, с. 83]. Ценнее природы ничего не может быть: *«Што мне золата, свяціла б сонца»* [155, с. 83], *«Зямля багацей ад усіх»* [15, с. 51].

Разделение существ на братьев больших и меньших пришло вместе с укреплением монотеизма. Выше отмечены примеры, когда человек спасает представителей живой и неживой природы не ради себя и своей выгоды, а ради самой природы. Правда, часто в фольклорных сюжетах природные персонажи находят способы отблагодарить человека, но это лишь усиливает экологическую значимость содеянного. Практически в народной среде вырабатывался морально-экологический кодекс отношения с природой – самобытная этноэкологическая этика. Да и в целом наши предки приходили к осознанию необходимости согласования своих действий с природным окружением. Исследователи отмечают, что традиционное воспитание, опирающееся на фольклор, который «“упорядочивает хаос”, регламентирует жизнь человека в гармонии с природой, с социальной средой, помогает ему выдерживать громадные физические и нравственные перегрузки» [156, с. 35].

История цивилизации показывает, что абсолютизация той или иной системы ценностей приводит к отрыву от реальной жизни и внесению дисбаланса в систему духовной культуры. Педагогическая же мудрость белорусского народа при определении ведущей цели этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов использовала особенности всех трех групп ценностей (природных, социальных, личностных), обогащая тем

самым содержательное наполнение самой этноэкологической культуры. Так, обожествление природы обусловило бережное, благоговейное отношение к природному окружению, социальные интересы способствовали выработке конкретных, контролируемых обществом норм природопользования, а антропоцентрические ценности ориентировали на сохранение природно-ресурсного потенциала для будущих поколений, повышали индивидуальную ответственность каждого, не допуская развития эгоистических наклонностей. В произведениях белорусского устного народного творчества «человек предстает во всем своем величии, полноте и самостоятельности, но не как властелин, а как представитель природы. На каждого человека распространяются все законы природы, и его первейшая задача не вступать в противоречия с ними, а устроить свою жизнь в как можно большей гармонии с живой и неживой природой» [154, с. 87]. Аксиологические основы этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов не допускали ни западных ориентаций порабощения природы, ни восточных – покорности природе.

Исследователи этноэкологической культуры восточных славян констатируют: «На современном этапе развития образования невозможно сформировать общезначимые, экологически ценные взгляды без учёта особенностей этнонационального восприятия природы. Ведь каждый народ имеет своеобразные ценностные ориентиры, которые опираются на ментальные первоосновы его отношения к миру» [43, с. 58]. Важно подчеркнуть, что ментальные стереотипы, традиционные подходы при творческом к ним отношении не только не закрепощают воспитанника, а, напротив, значительно облегчают процесс усвоения опыта предыдущих поколений.

Таким образом, на характер целевых основ этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов влияли многочисленные факторы, среди которых прежде всего нужно выделить следующие:

- ✓ **традиционный образ жизни** белорусского народа, характеризующийся синкретизмом человека и природы;
- ✓ **языческая мифология славян**, где закладывались этические основы отношений человека к среде обитания, во многом базирующиеся на иррациональных, мифологических представлениях;
- ✓ **христианская идеология**, которая своеобразно объединила антропологические и духовные начала взаимоотношений человека и природы;
- ✓ **национальный менталитет** с выраженной экофильностью, обусловивший эколого-культурные особенности, ценностные ориентации и установки, нормы поведения и морали, присущие белорусскому народу, которые передавались из поколения в поколение;
- ✓ **природно-климатические условия**, влиявшие самым непосредственным образом через рационализм мышления и эмоциональную сферу человека на специфическое природопользование и формирование этноэкологической культуры в целом [157, с. 246].

Анализ идей народной педагогики белорусов дает основание утверждать, что ведущая цель этноэкологического воспитания, которая имела идеализированный характер, делилась на локальные цели, подцели, задачи, которые конкретизировали отдельные направления и этапы воспитательного процесса: привитие бескорыстной любви к природе; воспитание бережного отношения к ней; формирование потребности в активной деятельности по сохранению природы.

Складывалась своеобразная система целей этноэкологического воспитания, которая в диалектическом единстве олицетворяла ведущую цель – идеал во всей ее полноте и многообразии. Особенно рельефно выделялись такие цели-направления, как привитие бескорыстной любви к природе; воспитание бережного отношения к ней; формирование потребности деятельностного участия в сохранении природы; приобщение воспитанников к этнотрадициям, нормам поведения и отношениям к природе, характерным для своего народа. В народной педагогике обычно цель воспитания непосредственно воплощалась в идеальный образ, где сосредотачивались представления о совершенном человеке [145, с. 49]. Важно отметить, что вообще воспитательный идеал народной педагогики белорусов также во многих случаях типизировался в самых разнообразных представителях живой и неживой природы. Чаще всего в качестве таковых выступали звери, птицы, рыбы, насекомые, растения, деревья, небесные светила, природные явления и др. Идеалом здоровья становилась родная природа: «*Будзь здаровы, як дуб, ды моцны, як зуб*» [158, с. 181], «*Каб быў здаровы, як дуб найздароўшы*» [158, с. 182], «*Будзь здаровы на ўвесь год, як калядны лёд*» [159, с. 335], «*Будзь здароў, як мядзведзь*» [160, с. 612].

Важнейшей задачей этноэкологического воспитания являлась передача воспитанникам накопленных экологических знаний, умений и навыков, формирование у них экологического сознания и мышления – ключевых составляющих этноэкологической культуры. В этой задаче отчетливо прослеживаются три направления:

- ✓ **обучающее** – вооружение воспитанников знаниями и практическими умениями рационального природопользования и охраны объектов живой и неживой природы;
- ✓ **развивающее** – формирование экологического мышления по гармонизации отношений с природой и улучшению окружающей среды;
- ✓ **воспитывающее** – формирование мотивации и привычек экологически целесообразной активной деятельности по охране и сбережению природной среды.

В настоящее время исследователи этнической педагогики восточных славян подчеркивают, что «существовал народный опыт целесообразного рационального освоения природы. Живя среди природы, физически и духовно сливаясь с ней, наши предки научились чувствовать её потребности.

Так рождалась своеобразная национальная этноэкология, которая без лекций и учебников учила людей вековой мудрости природопользования» [43, с. 60].

Этноэкологическая культура как результат достижения очерченных в народном понимании целей этноэкологического воспитания базировалась на экологических знаниях и сформированных на их основе убеждениях, которые создавали прочный фундамент непрагматического взаимодействия с природой. Сформированное таким образом экологическое мировоззрение способствовало выработке активной жизненной позиции природоохранной направленности, ибо цели этноэкологического воспитания предполагали обязательное включение в практическую деятельность.

Фактически в народе разрабатывалась совокупность целей этноэкологического воспитания, предусматривающих формирование составляющих компонентов этноэкологической культуры, охватывающих соответствующие знания, умения, навыки, черты и качества личности. Исследователь народной экологической культуры белорусов К. А. Шумский отмечает: «Природный мир занимал важное место и в мировоззренческих представлениях, и в традиционной системе ценностей белорусского этноса, что свидетельствовало об осознании им гармоничности мироздания и места человека во Вселенной» [61, с. 112]. Через такую систему целей развивались экологическое мышление и сознание, формировались этноэкологические отношения, ценности и мировоззрение, воплощающиеся в природоохранном и природосберегающем поведении. Таким образом, все цели этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов ориентированы на личность, достигшую наивысшего уровня совершенства в результате приобретенных экологических знаний, навыков, умений, сформированных соответствующих чувств и убеждений и воплотившую все это в реальных практических делах.

Актуализация экологизации образования, необходимость которой сегодня осознана во всем мире, по сути, была основополагающим фактором построения всей народно-воспитательной системы белорусов. Природа — общий дом для всех людей, и поэтому любые отношения, любая деятельность не могла не связываться с этим домом, любой накопленный социальный опыт, передававшийся следующим поколениям, мог быть только опытом, согласованным с природой. Цели и задачи этноэкологического воспитания белорусов предполагали формирование человека с высоким уровнем этноэкологической культуры, характеризующейся знанием норм и правил поведения в природе, умениями и навыками природоохранной и природосберегающей деятельности, воплощающимися в практическом его поведении. Обобщая вышесказанное, можно заключить: народно-воспитательная деятельность по достижении ведущей цели обуславливалась выполнением стоящих перед этноэкологическим воспитанием основных задач, определявших формирование и совершенствование важнейших компонентов этноэкологической культуры личности (таблица 2.1).

Таблица 2.1 – Характеристика основных компонентов этноэкологической культуры

Задачи	Компоненты этноэкологической культуры
обучающая	✓ убеждения в необходимости охраны, сбережения природы и приумножения её богатств; ✓ позитивный опыт взаимодействия с окружающей средой, навыки рационального природопользования; ✓ практические умения и навыки экологически направленной деятельности; ✓ активное участие в распространении экологических знаний, умений и навыков; ✓ забота о физическом здоровье человека
развивающая	✓ познавательная деятельность, направленная на постижение универсальной ценности природы, привитие интереса к познанию ее законов и явлений; ✓ экологическое сознание и мышление как результат полученных знаний о природе, направленных на развитие экологической ответственности к окружающей среде; ✓ волевые качества, необходимые для устойчивого природоохранного поведения
воспитывающая	✓ признание самоценности живой и неживой природы; ✓ потребности общения с природой, воспитание эстетических чувств восхищения красотой природы, умения видеть ее гармонию и совершенство; ✓ любовь, почитание и бережное отношение к природе; ✓ направленность в искоренении потребительского отношения к природе; ✓ потребность в практической деятельности по охране природы; ✓ способность к адекватной оценке и ответственности за свои поступки и к критическому отношению к поступкам других в процессе общения с природой

Цели этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов выходили далеко за рамки отношений человека и природы, экологическим смыслом наполнялось воспитание человека вообще. Экологизация народного воспитания на практике сводилась к тесной его связи с жизнью. Приобщение к природе позволяло использовать ее как значимый фактор нравственного, эстетического, умственного, трудового и других видов и направлений воспитания личности. Характерно, что основатель этнопедагогике Г. Н. Волков назвал природу «великим и универсальным фактором воспитания», а «исследование педагогических возможностей природы» в этом качестве – «безграничным простором для деятельности этнопедагога» [161, с. 9].

Реализация целей этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов самым непосредственным образом содействовала активному развитию интеллектуальной, эмоциональной, волевой и деятельностной сфер

личности, формировала соответствующий мировоззренческий уровень воспитанника. Современные исследователи отмечают: «Традиционное общество, как известно, характеризуется синкретическим характером его культуры, нерасчлененностью форм бытия, органической слитностью человека с природной средой. С полным основанием можно утверждать, что традиционная культура – это, прежде всего, экологическая культура» [43, с. 56].

Особенно явственно через экологическую культуру личности проявляется ее нравственная культура, которая у восточных славян (и вообще всех славян) была приоритетной, определяющей сущностно-смысловое наполнение образования и всего жизненного уклада человеческого сообщества. Отношение к природе являлось важнейшим критерием нравственности человека, поэтому экологическая доминанта, о необходимости утверждения которой в системе современного образования заговорили в последние десятилетия, была характерной чертой народного воспитания белорусов.

В целевых ориентациях этноэкологического воспитания белорусов особенно ярко выделяется эстетический аспект. Природа для белорусского народа всегда была важнейшим фактором и источником формирования эстетической культуры в целом. Красота природы близка любому человеку. Благодаря вызываемым ею эмоциям, сознание и поведение человека приобретают природоохранную направленность. Белорусский ученый Н. В. Петухова подчеркивает, что «эстетическое восприятие природы, как элемент эстетического сознания личности, возникает в результате сочетания трех функциональных уровней: интеллектуально-рационалистического (эстетические знания, суждения, оценки), эмоционально-волевого (эстетическое созерцание, эмоции, чувства, потребности) и эстетически-деятельностного (эстетическое взаимодействие с природой)» [162, с. 17].

Неслучайно в структурно-сущностных характеристиках ведущей цели этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов всем этим трем компонентам отводилось надлежащее место, что достаточно глубоко и детально раскрыто исследователями народно-эстетической культуры белорусов [163; 164]. Именно объекты природы чаще всего олицетворяют собой эстетический идеал этнической педагогики белорусов, отражая многомерную красоту родной природы, ее нацеленность на постоянное развитие и совершенствование, преданность родной земле. Поэтому экоэстетический аспект этноэкологических воспитательных целей в народной педагогике белорусов занимает одно из ключевых мест.

О достаточно широкой трактовке цели этноэкологического воспитания белорусов говорит и тот факт, что в народных воззрениях природное окружение отождествлялось с естественным, подлинным и благим. Здесь синкретически сливались в единое целое истина, добро и красота – извечная гармония основ человеческого существования. Эта триада ключевых ценностей человеческого бытия в целевых ориентациях этноэкологического воспитания белорусов находила реальное воплощение. Деятельностный

характер целей этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов подчеркивается и в общей приоритетности благих дел. Современные исследователи отмечают, что особенностью народной философии белорусов является «императив: не слишком увлекаться борьбой со злом, а творить добро» [51, с. 12]. Учитывая роль и место природы в жизни белорусского народа, а также многоаспектный характер формирования экологической культуры, можно утверждать, что цели этноэкологического воспитания белорусов играли основополагающую, системообразующую роль в общем формировании личности. Они являлись существенным, интегрирующим фактором ее всестороннего и гармоничного развития.

Важнейшей характеристикой этноэкологической культуры является адаптированность к условиям среды обитания, критерием которой для конкретного человека является состояние здоровья, а для человеческого сообщества – демографические особенности этой группы населения. Формирование морального и физического здоровья личности в белорусской народной педагогике подробно рассмотрела в диссертационном исследовании Е. Л. Михайлова [165]. В традиционной культуре забота о природе закономерно предусматривала заботу о человеке как части органической природы. Именно здесь видится один из источников формирования экологии человека.

Традиционные системы жизнеобеспечения белорусского этноса в соответствующих природных условиях его обитания, а также сложившиеся экологические взаимосвязи непосредственно влияли на здоровье людей, поэтому и в целях этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов отчетливо проявляются два аспекта: прагматический (сохранение природы ради удовлетворения потребностей человека) и гуманистический (охрана природы ради самой природы). Отношение к природе в народной среде всегда было наполнено нравственным смыслом. Этический аспект целевых основ этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов был определяющим. Следовательно, цели и задачи этноэкологического воспитания обладают рядом функций, обуславливающих эффективность всего воспитательного процесса. Их анализ позволяет выделить важнейшие функциональные свойства целевого компонента этноэкологического воспитания белорусов и отметить, что эта система целей характеризуется следующими позициями:

- ✓ обуславливает воспитательный результат;
- ✓ мотивирует воспитанников в приобщении к этноэкологической культуре;
- ✓ определяет содержание воспитательного процесса;
- ✓ влияет на выбор путей организации этноэкологического воспитания;
- ✓ содействует созданию экологосообразной образовательной среды;
- ✓ служит критерием результативности воспитательного процесса;
- ✓ выполняет менталеобразующую роль;
- ✓ способствует разностороннему, гармоничному развитию личности.

Таким образом, исследование ценностно-целевых основ этноэкологического воспитания народной педагогики белорусов позволяет сделать вывод о том, что проблема передачи накопленного опыта отношений человека и природы, опирающегося на соответствующие этнические ценности, способствует выработке целей, которые предопределяют все стороны этого процесса. Цели и задачи этноэкологического воспитания направлены на всестороннее, гармоничное развитие личности, характеризуются многоаспектностью содержательно-сущностного наполнения, но приоритетным всегда выступал нравственно-этический аспект. Подытоживая вышесказанное, можно на дефиниционном уровне заключить, что **ведущей целью этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов** является совершенный человек с наивысшим уровнем этноэкологической культуры, заключающимся в глубоких знаниях о природе, образцовых умениях и навыках экологически целесообразного взаимодействия с окружающей средой, обладающий уникальными качествами, определяющими бережное отношение к природе. Цели и задачи этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов предполагают формирование совершенного человека, показатель этноэкологической культуры которого характеризуется знанием всевозможных норм и правил поведения в природе, умениями и навыками природоохранной и природосберегающей деятельности, воплощающимися в практическом его поведении, что раскрывается в содержании этноэкологического воспитания.

2.3. Содержание этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов

Содержание воспитания в педагогической науке является одним из важнейших понятий, но, как и многие другие, неоднозначно трактуется разными учеными и в настоящее время. Наиболее оптимально раскрывает его следующая дефиниция: «Содержание воспитания: (1) – совокупность качеств личности, формируемых в процессе воспитательной деятельности; (2) – целенаправленное, организованное взаимодействие школьника с миром во всем его многообразии» [166, с. 110]. Во втором подходе, который разделяют, например, Н. Е. Щуркова [167, с. 144], Л. И. Маленкова [168, с. 32–33], акцент делается на процессуально-деятельностный аспект воспитания. Первый подход наиболее распространен среди исследователей, и его, в частности, придерживаются белорусские ученые К. В. Гавриловец [169, с. 18], Ф. В. Кадол [170], В. М. Коротов [171, с. 57], А. И. Кочетов [172, с. 46], И. Ф. Харламов [173, с. 251], Е. В. Чекина [174, с. 180], В. Т. Чепиков [175, с. 35] и др., которые содержание воспитания определяют целевым наполнением рассматриваемого процесса. Этот подход в осмыслении сущности понятия представляется более логичным, дающим ответ на вопрос «Что надо воспитывать?», а не «Как это надо делать?», и в нашем исследова-

нии поможет раскрыть личностные качества этноэкологической направленности, которые следует сформировать у воспитанников. Поэтому вполне закономерно, что в последнее время в учебных пособиях приводится достаточно устойчивая трактовка: «Содержание воспитания – это совокупность знаний, норм поведения, ценностей, идей и идеалов, элементов материальной и духовной культуры общества, которые подлежат усвоению, интериоризации, превращению в индивидуальный внутренний мир личности» [176, с. 8]. В Белорусской педагогической энциклопедии также констатируется, что содержание образования – это «педагогически адаптированный социальный опыт (в составе системы знаний, способов деятельности, опыта творческой деятельности, и опыта эмоционально-творческих отношений) ...» [177, с. 319].

Исходя из вышесказанного, вполне закономерно можно утверждать, что содержание воспитания в традиционной педагогической культуре представляет собой накопленный социальный опыт, который необходимо передать последующим поколениям в виде сформированных на его основе личностных качеств каждого индивида. В этой связи содержание этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов определим как совокупность этноэкологических знаний, умений и навыков, опыта эмоционально-волевого отношения к природе и опыта этноэкологической деятельности, овладение которыми призвано обеспечить формирование соответствующих черт и качеств личности как основы этноэкологической культуры [178, с. 49].

Исследование рассматриваемой составляющей народного воспитания дает основание утверждать, что вся совокупность элементов формирующейся этноэкологической культуры личности была не случайным набором качеств, а имела системный характер. Основополагающие идеи их отбора весьма отчетливо структурировались на отдельные взаимообусловленные части, придавая содержанию этноэкологического воспитания системность, прочность и целостность. Основоположник изучения народной педагогики восточных славян Г. С. Виноградов утверждал: «Отрицание взаимозависимости слагающих, или лучше сказать, образующих народную педагогику элементов ни на чем не основано» [179, с. 7]. На протяжении многовекового воспитательного опыта в народной педагогике белорусов была сформирована совокупность выверенных в повседневной практике идей, которые в соответствии с ценностно-целевыми ориентирами образовывали содержание этноэкологического воспитания, осмысление которого наиболее полно происходит через его системообразующие структурные компоненты. Руководствуясь общепринятыми в педагогической науке подходами определения структуры содержания образования, опираясь на логику и сущностно-содержательное наполнение понятия «содержание этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов», нами выделены его **компоненты: знаниевый, эмоционально-ценностный, навыковый, практико-деятельностный** [178, с. 49].

Наиболее значимым, системообразующим являлся **знаниевый компонент**, способствующий формированию различных по глубине знаний о при-

роде, ее объектах и явлениях, месте и роли человека в природной среде, взаимодействии природы и человека, характере и способах деятельности в природном окружении и др., которые использовались на протяжении жизни.

Познание окружающей действительности происходило как на рациональном, так и иррациональном уровнях и было представлено определенным кругом знаний астрономического, медицинского и метеорологического характера, традиционными сельскохозяйственными знаниями, а также общими знаниями о растительном и животном мире.

Среди них особое место занимали астрономические знания о небесных светилах – Солнце, Луне, звёздах. Белорусы дали многочисленным звёздам свои народные названия: Полярная звезда – «Зорны кол», Большая медведица – «Вялікі Воз», Малая медведица – «Малы Воз», «Вазок», Млечный Путь – «Малочная дарога», «Зорны шлях», «Дарога ў Рым», «Дарога птушкам», «Птушыная дарога», созвездие Орион – «Касары», «Тры каралі», созвездие Плеяды – «Рэшата», «Валасажар», «Сітца». Млечный Путь служит для птиц ориентиром при перелёте в тёплые страны, поэтому его в основном называли «Птушыная дарога» [55, с. 57]. Влияние небесных светил на многие стороны жизни считалось весьма значительным. Так, например, в дни новолуния коновалы не делали никаких хирургических операций [180, с. 79].

Существенное место в содержании этноэкологического воспитания белорусов отводилось традиционным сельскохозяйственным знаниям. В народе понимали, что с каждым убранным с поля урожаем запасы питательных веществ в почве уменьшаются и их необходимо своевременно восполнять. Поэтому белорусы были убеждены, что каждый крестьянин обязан соотносить свои действия с природными законами, не причинять вреда окружающей среде. Так, с целью повышения плодородия земли основным удобряющим материалом служил навоз домашних животных, преимущественно крупного рогатого скота, реже использовались минеральные удобрения – известь или мел [181, с. 834]. Для сохранения и восстановления структуры и плодородия почв пахали неглубоко, чтобы не нарушить тонкий плодородный слой почвы [182, с. 477]. Сельскохозяйственные знания особенно наглядно демонстрировали возможность их применения в практических целях, создавали основу для бережного отношения к окружающей среде, отказа от чрезмерного потребления и эксплуатации природных ресурсов, непосредственно влияли на формирование этноэкологической культуры личности.

Устойчивые связи между природными объектами и явлениями обуславливали формирование эколого-содержательного направления метеорологических знаний, ориентированных на осмысление этих связей и их практическое использование в повседневной жизни. Крестьяне осознавали, что их жизнедеятельность зависит от изменяющихся метеорологических условий, что только от умения ориентироваться в них они смогут выжить, заблаговременно принять соответствующие меры. К примеру, образование кругов вокруг солнца и луны предсказывало наступление непогоды: «*Kaлі сонца абгародзіцца кругамі, то хутка настане непагадзь*», «*Kaлі месяц*

абгародзіцца кругам, то на трэці дзень будзе вецер, снег або дождж» [160, с. 291]. А разнотипный характер мигающих звезд оповещал о перемене погоды на завтрашний день: *«Калі зоркі весела свецяць, то заўтра будзе пагода, а калі цьмяна, быццам надуўшыся, то будзе перамена ўначы»* [55, с. 167].

При определении метеорологических прогнозов на длительный промежуток времени белорусы опирались на осмысление особенностей приспособленности растений или животных к факторам внешней среды, проявляющихся в виде внешних изменений или поведенческих реакций животного организма: *«Калі заяц увосень вельмі тлусты, то зіма будзе доўга і цяжкая»* [55, с. 190], *«Калі дзікія качкі робяць свае гнёзды ля самой вады, то наступнае лета будзе сухое, а чым далей ад вады, тым лета будзе мачлівейшае»* [55, с. 204]. Осознание единения, слитности человека с природой подкреплялось народными предсказаниями погоды и по состоянию здоровья человека: *«Калі косці ломіць і спіна або сярэдзіна баліць, то будзе дождж»* [55, с. 180], *«Калі дрэмлецца і пазеваецца, будзе дождж»* [160, с. 297].

Таким образом, народно-метеорологические знания в своей основе базировались на основных экологических идеях: гармония живой и неживой природы, адаптированность организма к условиям окружающей среды, признание самоценности природы, осознание человека и природы как единой системы, переменчивость окружающей среды.

Содержание этноэкологического воспитания белорусов включало совокупность народно-медицинских знаний о здоровье человека, его укреплении и сохранении, давало полезные советы о предупреждении заболеваний, рациональном питании. Существовали четыре группы основных средств народной медицины: растительные, животные, минеральные и физиотерапевтические [183, с. 270]. Была достаточно точно выявлена закономерность локализации активных веществ в разных частях растений в зависимости от фазы их развития, поэтому в народной медицине использовали отдельные части растений: бутоны, листья, цветки, стебель, кору, корень, сок. Например, почки сосны собирали в феврале, тополя и березы – перед распусканием – в марте или начале апреля [183, с. 270]. Знали, что нельзя сушить лекарственные травы на солнце [50, с. 40].

Содержательная линия традиционных медицинских знаний белорусов формировалась на глубоком понимании свойств животного мира и его терапевтического потенциала. В народной лечебной практике активно использовались различные организмы и продукты их жизнедеятельности: при ревматических заболеваниях применяли муравьёв, при радикулите – настои на змеиной шкуре, жуках и тараканах, при головных болях – пиявок. Эти методы демонстрируют целостное восприятие человека как части природной экосистемы.

Этноэкологическое воспитание в белорусской традиции основывалось на принципах глубокой взаимосвязи человека и окружающей среды. Ярким примером служит следующий народный обычай: *«Калі дзіця доўга не ходзіць,*

бацькі выносяць яго на ўзаранае поле, садзяць на ралі і абсяваюць кругом каноплямі. Калі каноплі ўзойдуць, то дзіця хутка пойдзе» [183, с. 184]. Этот ритуал отражает сакральное единство человеческого развития и природных циклов.

Профилактическая медицина белорусов включала комплекс водных процедур: купание в целебных источниках; употребление освящённой воды в праздники («*Крэшчэнне*», «*Чысты чацвер*», «*Купалле*» и др.) [31, с. 63–64]; паровые ванны и банные процедуры с березовыми вениками («*У лазню хадзіць – моцным быць*»). Особое место занимали сезонные оздоровительные ритуалы. Так, в праздник Юрьё практиковалось катание по росе и умывание святой водой, что, по народным представлениям, обеспечивало здоровье и красоту [31, с. 535–537]. Эти традиции демонстрируют синтез практических знаний о природных свойствах воды и сакрального восприятия природных стихий.

Народная медицина белорусов представляла собой целостную систему, сочетавшую использование животных компонентов, водной терапии, фитотерапии, ритуально-обрядовых практик. Все эти элементы были тесно связаны с календарными циклами и отражали глубокое понимание экологического равновесия между человеком и окружающей его природной средой.

Многовековой народный опыт являлся основой формирования общих знаний о растительном и животном мире. Лучшим временем для заготовки бревен для хозяйственных нужд считали зиму, когда растительные соки уходили в корень, а древесина отличалась большей твердостью, смолистостью, что способствовало длительности ее сохранения [184, с. 210]. В народе также существовало твердое убеждение, что лес нужно рубить в определенное время, чтобы в стволах не пошли трещины: березу – в новолуние, осину – на восходе, лиственницу – в полдень [55, с. 147]. Сломанные, поврежденные во время урагана или сожженные молнией деревья, засорявшие лес, с целью рационального природопользования использовали на дрова [180, с. 304].

Народные знания формировали убеждения заботливого, гуманного отношения к животным. В частности, оскорблять и проклинать коров было запрещено. Не допускалось ударять домашнюю скотину по носу, поскольку «*ад пстрычкі ў морду скіне цяля*» [160, с. 334]. Белорусские пословицы подкрепляли ориентацию на бережное отношение к животным: «*Не вымем карова малако дае, а языком*», «*Сам не з’еш, а каню дай*» [185, л. 58], «*Каб конь добра вёз – падавай яму авёс*» [17, с. 140], «*Не кармі каня кіём, а кармі аўсом*» [17, с. 140].

Традиционные знания белорусов переплетаются и с мифологическими, религиозными представлениями. Согласно народным воззрениям, на праздник «*Купалле*» растения приобретали особенно целебные свойства. Собранные «*купальскія зёлкі*» освящались в церкви и хранились целый год. Использовались они от различных болезней, от сглаза, волшебства и даже для отвода удара молнии и повышения урожая. Веточки засовывали в разные места и приговаривали: «*Як дзярэва клён, дай нам, Божа лён!*», «*Густа, як асіна, расці, канюшына!*», «*Як вецекі ў бяроз, столькі зёран дай, авёс!*» [56, с. 323–324].

Содержательно-смысловое наполнение природоведческих знаний убеждало, что важнейшим фактором в укреплении физического и духовного здоровья человека выступает непосредственно природа родного края. К местам, особо укрепляющим общее состояние организма, относили культовые рощи – «Княжая дубрава», «Каралеўская дубрава», «Дубовы гай», «Святы гай», «Красны гай». Они служили важнейшим местом для проведения религиозных обрядов, туда приходили лечиться, пить воду, молиться. В священных местах не допускалось возведение искусственных сооружений, запрещалось шуметь и замышлять что-либо предосудительное, ломать ветки, убирать сгоревшие или поваленные деревья [55, с. 135]. Народная мудрость полагала, что в священном месте все должно происходить естественным путем, без какого-либо вмешательства человека, оно должно оставаться чистым, неоскверненным как в физическом, так и в духовном смысле.

Передача этноэкологических знаний осуществлялась через межпоколенную трансмиссию традиционной культуры. Происходило обучение как конкретным трудовым операциям в природной среде, так и обобщенной жизненной мудрости: использование народных примет погоды, понимание развития растений и животных, определение сроков сельскохозяйственных работ, условий и особенностей заготовки даров природы («Багата снегу – багата хлеба» [17, с. 76], «Бяроза распускаяецца – сей авёс, сады цвітуць – бульбу, каліна цвіце – грэчку» [17, с. 77], «Глыбей узарэш – болей збярэш» [17, с. 78], «Да Міколы не сей грэчкі, не стрыжы авечкі» [17, с. 79], «Дзяцел дзяўбе ў сцяну – мяцеліца будзе» [17, с. 81], «Жураўлі ляцяць высока – зіма яшчэ далёка» [17, с. 81]).

Достаточно подробную характеристику и авторскую классификацию многочисленных этноэкологических знаний белорусов дает К. А. Шумский в монографии «Традыцыйныя экалагічныя веды беларусаў у XIX ст. – пачатку XXI ст.». Показывая тесную связь жизнедеятельности белорусских крестьян с природой, исследователь убедительно аргументирует глубину, основательность народных экологических знаний, возможность и эффективность их применения в различных условиях. Ученым вполне обосновано предложено «определение традиционных экологических знаний белорусов в качестве комплекса накопленных на протяжении многих веков результатов эмпирических наблюдений за природными процессами и явлениями и сделанных на этом основании выводов, которые использовались нашими предками в их ежедневной практической деятельности и были закреплены в традиции, передаваясь из поколения в поколение» [61, с. 32].

Надо отметить, что роль знаниевого компонента в содержании этноэкологического воспитания достаточно многозначна. Я. С. Шевченко, изучающая народные знания белорусов о дикорастущих растениях, делает вывод: «Знания о дикорастущих растениях занимают важное место в системе рационального природопользования и являются одним из факторов консолидации белорусского общества и повышения его экологического самосознания» [186, с. 7].

Этноэкологические знания были прочной основой организации жизнедеятельности наших предков. Они во многом регламентировали трудовую деятельность, ими был обусловлен повседневный быт каждого человека в отдельности и любого человеческого сообщества, их рациональный и иррациональный потенциал являлся живительной силой для формирования духовной и материальной культуры белорусского народа. Как один из самых авторитетнейших исследователей традиционных экологических знаний, К. А. Шумский достаточно аргументировано показывает народную оценку их роли в жизни общества: «Если человек не овладел знаниями об окружающей его природе и обществе, то он не может существовать, является нежизнеспособным» [187, с. 252]. В народе особенно подчеркивалась прочность приобретаемых знаний: «*Што замаладу навучышся, на старасць як знойдзеш*» [19, с. 204], «*Хто без навукі, той як бязрукі*» [19, с. 177], «*Хто знае, той мае*» [19, с. 184].

Таким образом, знания о природном окружении предопределяли экологические заповеди: люби природу, не истребляй объекты живой природы, почитай природу родного края, сохраняй окружающую среду, проявляй уважительное и заботливое отношение к естественному миру.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что этноэкологические знания белорусов характеризуются глубиной, гибкостью, прочностью и действенностью (таблица 2.2).

Таблица 2.2 – Характеристика этноэкологических знаний белорусов

Параметр	Общая характеристика	Специфика	Примеры
Глубина	уровень понимания сущности природных предметов и явлений, их взаимосвязи между собой и с человеком	сочетание рационального и иррационального	Загадки: ✓ « <i>Не доктар, а дрэвы лечыць</i> » (Дзяцел); ✓ « <i>Дыхае, расце, а хадзіць не можа</i> » (Расліна)
Гибкость	возможности использования этноэкологических знаний в различных условиях	необычайно широкий диапазон: от обожествления до утилитаризма	Пословицы: ✓ « <i>Зямелька – матка наша: і корміць, і поіць, і адзявае нас</i> »; ✓ « <i>Вода – матушка ачышчэнніца: і руду нашу примаіць, а тела очищаіць</i> »
Прочность	длительность сохранения этноэкологических знаний	практически на всю жизнь	Легенды: ✓ « <i>Вырай</i> » ✓ « <i>Пчала</i> » ✓ « <i>Зямля</i> »
Действенность	возможность применения этноэкологических знаний в практических целях	повседневное использование знаний	Сказки: ✓ « <i>Як мужык гусей дзяліў</i> » ✓ « <i>Казёл і баран</i> » ✓ « <i>Бык, казёл, гусак і певень</i> »

Особая значимость в содержании этноэкологического воспитания народной педагогики белорусов принадлежит его эмоционально-ценностному компоненту. Воспитательная сила эмоций в формировании личностных качеств и проявлении их в реальной деятельности чрезвычайно велика. Ценностные этноэкологические ориентации, подкрепленные соответствующими эмоциями, являются важнейшим фактором формирования мотивов экологической деятельности.

Воспитание человека в духе уважения к природе и любви к ней в народной педагогике имело ключевое значение. На чувственно-образном уровне учили воспринимать окружающий мир эстетически, т. е. уметь видеть красоту природы, сопереживать ей. Белорусы с особой любовью и нежностью говорили о солнце: *«Сонейка ніколі не злое, яно заўжды ласкава пазірае да хукае на ўсіх, як маці на сваіх дзетак»* [55, с. 53].

Глубокий смысл придавали почитанию небесных светил. Поклонение Солнцу, Луне и звездам зарождается с древности и связано с системой религиозно-мифологических взглядов. Объекты неживой природы представлялись в образе объективно существующей семьи, в которой Солнце выступало женским началом, Луна – мужским, а звезды – детьми. В сознании людей появление новой звезды соотносили с рождением человека, а падающую звезду сопоставляли со смертью [53, с. 309]. Белорусы считали, что на небе живут божества, с неба проливаются согревающие солнечные лучи и благотворный дождь. От небесных светил идут плодородие, богатство, благополучие.

Такая наглядно-образная и чувственно-эмоциональная конкретность, сопровождающаяся личностным, эмоционально окрашенным отношением к небесным светилам вносила определенный вклад в построение аксиологической картины мира, ориентированной на понимание и осмысление природы как общечеловеческого достояния. Так, родители убеждали детей не справлять естественную нужду таким образом, чтобы это могли видеть небесные светила, не плевать в их сторону и не показывать на них пальцем [55, с. 54]. При виде нарождающегося месяца было принято снимать шапки и креститься.

Белорусы стремились воспитать у детей не рационально-потребительское отношение к окружающей среде, а сформировать чувственное и заботливое отношение к ней, умение ценить «доброе» и «истинное» в природе и в людях. Так, персонификация в народных песнях, где весна говорит: *«Шаўковую траву на вясну, // Буйнае жыта на лета, // Ядрыцу-грэчку на восень»* [148, с. 69] эмоционально воздействовала на личность, способствовала усилению мотивов совершать добрые дела, проявлять осознанную заботу о природе.

На уровне мифологического сознания белорусы землю представляли живым существом, ласково называли ее *«зямля-матушка»*, *«святая зямля»*, *«зямля-карміцелька»*, *«родная зямліца»*. Подчеркивалась ее священная ценность: *«Зямля без языка чалавека дзякуе»* [17, с. 41], клятва *«Як, клянущца,*

та зямлю цалуюць, зямлі кланяюцца, яе лічаць сьвятою» [180, с. 22]. Одушевление и одухотворение природы позволяло обрести душевное равновесие, укрепляло чувства любви, святости родной земли и родства с ней.

Признание земли как ценности, обуславливало формирование многих экоориентированных черт и качеств личности. В народе существовали конкретные предписания, запрещающие тревожить и будить землю во время зимнего сна – от Покровы до Благовещения или Радуницы. Не допускалось без нужды бить землю колом, хлыстом, причинять вред ей, *«бо зямля святая, яе Бог даў нам як матку, а матку трэба шанаваць»* [189, с. 77]. Среди крестьян бытовали обычаи клясться землей, брать ее в качестве оберега в дальнюю дорогу [55, с. 42].

Понимание взаимосвязи и взаимозависимости человека и живых существ служило побудительным импульсом в проявлении бережного к ним отношения. Беспрекословными были требования не разрушать муравейники и не убивать муравьев. Не допускали уничтожения пчелиных ульев, а истребление их роя приравнялось к убийству человека. Неслучайно народная мудрость гласила: *«Забіць птушку – грэшно ці вялікі грэх, – але наўмыснае забойства пчалы – гэта вельмі вялікі грэх; нават ненаўмысна забіць пчалу лічыцца злачынствам»* [160, с. 310].

Воспитание духовно-нравственной составляющей личности с позиции формирования основ экологической культуры в народной педагогике белорусов было детерминировано традиционными мировоззренческими представлениями и верованиями. С распространением на Руси христианства происходит тесное переплетение православия с существовавшим славянским язычеством, что стало неотъемлемой частью духовной культуры народа. Так, мифологические представления, одухотворение природы, обряды и обычаи, связанные с поклонением животным, деревьям, лесу, воде и земле, легли в основу народного культа, который играл важную роль в этноэкологическом воспитании белорусов. Значительное место в нем занимает культ деревьев. Родители приобщали детей с малых лет чтить лесные насаждения, особенно дуб, клен, ясень, липу, березу, вербу и др. Они являлись культовыми объектами, оберегами, предметом и местом проведения различных обрядов. Белорусский этнограф, фольклорист Е. Р. Романов отмечает: *«Беларусы прыроду абагаўлялі і накланяліся ёй»* [190, с. 35].

Многие породы деревьев имели отношение к ритуалам, поэтому люди их величали *«святшчэннымі»*. Веточки сакральных деревьев освящались в церквях в определенные дни празднования. На Вербное воскресенье святили вербу, на Сёмуху – клён, на Троицу – березу. Ими украшали церкви, дома, сараи, ворота. Функционально они выступали в роли надежных оберегов. Атрибуты обрядовых деревьев наделялись волшебным действием в сохранении и укреплении здоровья человека и домашних животных, выступали охранителями от действий злых духов и стихийных бедствий.

Среди деревьев всеобщим почитанием пользовался дуб, у которого были свои народные названия: *«асілак»*, *«волат»*, *«святы дуб»*, *«добры дуб»*,

«стары дуб». В легендах он выступает в роли «зброі асілка» [31, с. 159], в загадках предстает в виде «дуба-старадуба» [31, с. 160]. Согласно народным верованиям, дуб обладает и целебной силой.

Традиционно почитаемым деревом является липа, символизирующая доброту, женственность, мягкость. Крестьяне верили в сакральный статус липы, полагали, что в нее не бьет молния, поэтому сажали липу возле своих домов и не боялись под ней находиться во время грозы [191, с. 283].

С особой любовью и трепетом предки относились к вербе. По народным воззрениям, она представляла мощным оберегом. В Вербное воскресенье существовал обычай бить веточками вербы друг друга, желая здоровья: «*Не я б'ю, вярба б'е. // За тыдзень Вялікодзень. // Будзь здароў на ўвесь год, як зімовы лёд*» [31, с. 104]. Также при первом выгоне скота на «Юр'е» хозяйка брала освященные побеги и говорила: «*Вярба святая – новае лета, вярба пасвіці ў поле гнала*» [192, с. 192], тем самым предохраняя свой скот от бед. Начало весенне-полевых работ опять же сопровождалось наличием веточки вербы для повышения урожайности земли: «*Святая Вербніца сошкі правіць*» [192, с. 192].

Чтили белорусы и березу за ее молодость, красоту, жизненную силу, целебные и оберегающие свойства. На Полесье родители при лечении детских болезней носили девочек к березе, мальчиков – к дубу [191, с. 32]. Исцеляющими способностями обладает и березовый сок. Освященные веточки березы защищали урожай от грызунов и птиц, ограждали от нечистой силы и природных бедствий (молнии и бури) [193, с. 158].

Объектами поклонения служили и плодовые деревья. В народе яблоню считали «Сусветным дрэвам», которое воплощало плодovitость, здоровье, гармонию, любовь, благосостояние и радость [31, с. 539]. Грушу наделяли признаками чистоты и святости, вишню соотносили с женским началом. Эти деревья широко применялись в свадебной обрядности. Так, перемещение невесты к венцу сопровождалось разбрасыванием сухих веточек груши на всех перекрестках, а мать осыпала жениха ее плодами, чтобы он был богатым [191, с. 122]; вишневые ягоды молодой использовал во время сватовства, преподнося их теще в обмен на дочку [31, с. 85].

Такое почтительное отношение к миру деревьев наложило свой отпечаток на поведение человека в природе. К примеру, родители требовали от детей не допускать по отношению к деревьям глумления и безнравственности, особенно к культовым, старым, плодовым породам, так как они должны «умереть своей смертью», иначе последствия нарушения таких уставов могли сказаться на людях, их семьях и хозяйстве [160, с. 134, 137]. Запрещали ломать и срезать дуб [191, с. 154]. Не допускали губить черемуху, «*бо пчолам не будзе адкуль браць вясенні мёд*» [160, с. 307]. Большим грехом считали ссечь ясень, так как белорусы полагали, что наши предки получали от него священный огонь [31, с. 307]. Нельзя было наносить вред липе, рвать ее веточки [160, с. 283]. Не разрешали рубить и грушу, объясняя это тем, что на ней отдыхает Богородица, когда сходит на землю [191, с. 121].

В соответствии с религиозно-мифологическим миропониманием человек наделял природу жизненной силой, одушевлял и одухотворял её. Например, дети рассматривали образы пернатых в предметах быта, игрушках. Весной, увидев прилетевших аистов, ребяташки подбрасывали хлебные изделия вверх и просили у них принести хороший урожай: *«Бусел, бусел, на табе галёну, дай мне жыщечка копу! На табе перажок, дай мне жыщечка стажок»* [194, с. 225].

Природа воспринималась как живое существо. Древний человек делил птиц на *«чыстых»* и *«нячыстых»*, сравнивая их с человеком: *«Бог і птушак, як і людзей, дзеліць на добрых і ліхix»* [195, с. 210]. Чистыми считали голубя, ласточку, жаворонка, аиста, соловья, лебедя. К нечистым относили сороку, сову, коршуна, ястреба [194, с. 189].

Исключительно уважительное отношение сложилось у крестьян к аисту. Его считали божьей птицей, спасителем людей, хранителем и очистителем земли от нечисти. Аисту предписывались многие человеческие черты: мудрость, справедливость, чуткость, обидчивость и мстительность [192, с. 164]. Тем самым человек не отделял себя от природы, был един с ней. Согласно народным представлениям, аист приносил младенца как дар природы: *«Бусел цябе ў капусту прынёс, а мы знайшлі»* [192, с. 169].

Народные верования широко распространились и в почитании других птиц. Например, жаворонок воплощал весеннее возрождение природы, а также плодородие и плодовитость [31, с. 168–169]; орел – царь птиц и владыка небес [31, с. 25]; голубь – символ верности, чистоты, доброты, нежных отношений в семье. Люди верили, что душа доброго человека вылетает белым голубем, плохого – черным вороном [31, с. 121].

Белорусы ласточку воспринимали также как священную птицу, олицетворяли с женским началом. В народе птице отводили функцию покровительницы дома и скота. Полагали: у кого ласточка совет гнездо, тот будет счастливым, а если она покинет свое убежище, то это обрекало семью на смерть [196, с. 262]. На северо-западе Беларуси существовало поверье, что дом, от которого птица навсегда улетит, может сгореть [31, с. 272].

Традиционное воспитание белорусов ориентировало подрастающее поколение на уважительное, благоговейное отношение к представителям животного мира. Так, в народной культуре особое сакральное положение занимала пчела, сочетая в себе несколько важных символических значений. Прежде всего, ее ценили за исключительные целебные свойства продуктов пчеловодства, которые широко использовались в народной медицине. Однако не менее значимым было восприятие пчелы как воплощения идеальных качеств – трудолюбия, мудрости и преданности.

В народной традиции наивысшей похвалой для женщины служило сравнение с пчелой: *«Мая жонушка-Божая пчолачка»*. Этот поэтический образ отражает: идеал женского трудолюбия, созидательное начало, гармоничную связь с природой, божественную мудрость (через эпитет *«Божая»*).

Особое отношение к пчеле как к разумному существу подчеркивается в народной поговорке: *«Куды яна не паляціць за мёдам, то не заблудзіць»* [55, с. 311]. Эти представления формировали особое экологическое сознание, в котором все элементы природы взаимосвязаны, каждое существо обладает уникальными качествами, человек должен учиться у природы мудрости, труд воспринимается как сакральное действо. Таким образом, образ пчелы в белорусской традиционной культуре выходит за рамки просто полезного насекомого, становясь носителем важных культурных кодов, примером гармоничного существования, символом идеальных человеческих качеств, связующим звеном между природным и духовным мирами. По народным представлениям, пчелы водятся только у добрых и непорочных людей, а злых они не любят, верили, что пчелы кусают только грешного человека [180, с. 59]. Пчела считалась не только полезным, но и умнейшим существом, потому что *«куды яна не паляціць за мёдам, то не заблудзіць»* [160, с. 311]. В белорусских заговорах пчелиную мать величали *«райскай птушкай»*, *«пчаліцай-царыцай»* [197, с. 5, 10], в волшебных сказках она представала в виде чародейного помощника героя [31, с. 381].

Особое место в поверьях и бытовой культуре наших предков занимали муравьи, символизирующие трудолюбие, плодovitость и связь с природой. Считалось, что муравейники появляются только рядом с домами людей, живущих в согласии с миром и нравственными устоями. На Полесье перед закладкой дома существовал обычай, муравьёв приносили из леса и оставляли на будущей строительной площадке. Если насекомые оставались на месте, это означало, что земля подходит для жилья. Если же они расползались, место считалось «нечистым»: *«Калі мурашкі распаўзуцца, то нячыстае месца – там нічога не строй»* [198, с. 18]. Муравьи также служили примером для подражания в трудовом воспитании. Детей учили быть такими же усердными и терпеливыми, подчёркивая, что даже малые существа могут демонстрировать великое трудолюбие.

В народе было подмечено, что сами по себе этноэкологические знания, умения и убеждения не смогут трансформироваться в соответствующую деятельность без волевых усилий человека. Волевые устремления человека в этноэкологическом воспитании определялись потребностями и моральными мотивами, которые выступали в качестве внутреннего побудителя активности. Е. П. Ильин отмечает: «От того, насколько у человека выражена сила потребностей, желание, насколько он развит в нравственном отношении, во многом зависит степень выраженности каждого волевого качества» [199, с. 152]. *«Пад ляжачы камень вада не цячэ»* [147, с. 412], *«Сама пташка ў рукі не ўскочыць»* [19, с. 166], *«Ляжачага хлеба нідзе няма»* [19, с. 167] – заключала народная мудрость.

В народной педагогике к числу общественных потребностей, обеспечивающих гармоничное взаимодействие человека с окружающей средой, традиционно относили следующие:

- ✓ потребность в труде на природе – осознание ценности трудовой деятельности в естественной среде;
- ✓ потребность в непосредственном контакте с природой – стремление к единению с естественной средой обитания;
- ✓ познавательная потребность – интерес к изучению законов живой и неживой природы;
- ✓ эстетическая потребность – желание любоваться красотой природы, получать от нее вдохновение;
- ✓ потребность в сохранении окружающей среды – осознание необходимости ее защиты и восстановления;
- ✓ потребность в сохранении жизни – глубокое понимание ценности всего живого.

Глубина восприятия окружающего мира, яркость воображения, устойчивость внимания и эмоциональная память формировали у человека стремление создавать прекрасное и полезное, а также побуждали его оберегать природу родного края. Как справедливо отмечает белорусский ученый Э. С. Дубенецкий «Достаточно мощная биоэнергетика наших лесов обусловила знаменитую жизнестойкость, выносливость, тяговитость белорусов» [16, с. 29].

Анализ фольклорных произведений показывает, что в народном воспитании важное место отводилось формированию волевых качеств личности, обуславливающих природоохранное поведение в окружающей среде:

- ✓ целеустремленность – способность человека ставить достижимые цели и упорно стараться их практически реализовать («*Ад навукі галава не баліць, ад работы рукі не сохнуць*» [15, с. 169], «*Умеў пачынаць, умей і канчаць*» [15, с. 178], «*Хто робіць да поту, той робіць у ахвоту*» [15, с. 182]);
- ✓ инициативность – способность к самостоятельным начинаниям («*Найтрудней пачаць*» [15, с. 177], «*Ад пачыну залежыць дзела*» [15, с. 176], «*Цяжка пачаць, да легка канчаць*» [15, с. 177]);
- ✓ решительность – умение принимать своевременные решения и их реализовывать («*Не адкладвай назаўтра, што можна зрабіць сягоння*» [15, с. 172]);
- ✓ настойчивость – стремление человека доводить начатое дело до конца, невзирая на трудности и препятствия («*Не вялік муравей, ды горы варочае*» [15, с. 169], «*За аднім цягам дзерава не зрубаеш*» [15, с. 180]);
- ✓ терпеливость – способность к длительному противодействию неблагоприятным факторам, отказ от безрассудных действий («*Цярплівасць і праца ўсё перамагаюць*» [200, с. 72], «*Што чалавек замоладу запрацуе, то на старасць як знайдзе*» [15, с. 170], «*Не глядзі, каб сора, а глядзі, каб добра*» [15, с. 180], «*Што цяжка здабыта, то будзе доўга жыта*» [15, с. 164]);
- ✓ смелость – стремление человека осуществлять свои поступки и действия, преодолевая чувство неуверенности и страха («*Умеў памыліцца, умей і напавіцца*» [15, с. 169]);

✓ самостоятельность – умение руководствоваться своими убеждениями, действовать без посторонней помощи («Думай з вечара, а рабі з рання» [15, с. 175], «Хто ціха ходзіць, той густа месіць» [15, с. 180]);

✓ дисциплинированность – умение человека осмысленно подчинять свои действия и поступки морали и общественным правилам («І малое дзела лепш вялікага бяздзелля» [15, с. 171], «Хочаш грыбоў набраць – трэба рана ўстаць» [15, с. 175]).

Мотивы волевых усилий определялись личностными свойствами, преимущественно такими, как чувство долга, ясность жизненных интересов, ответственность и любопытство, выступающими в качестве побудительных сил к деятельности. Так, чувство совести удерживало людей от плохих поступков, настраивало на разумное поведение в природе: «Забраць тыя арэхі, што белка сабе напасіла на зіму, – такі грэх, як адабраць хлеб ад чалавека» [180, с. 49]. Достаточно осознанным мотивом экологически ориентированной деятельности выступали желание и твердое убеждение. К примеру, с малых лет дети были убеждены, что убить ласточку или нанести вред ее птенцам – большой грех, который может привести к несчастью всей семьи; а у человека, разорившего ласточкино гнездо, на лице могли появиться веснушки [201, с. 259]. Потребность в сохранении здоровья выражалась через заговоры-обереги, где ветер («Вятры хваробы вазьмі» [31, с. 79]), вода («Вадзіца-царыца, божая памаініца, ... абмый у раба божлага ўсе істугі» [202, с. 310]), обеспечивала сбережение физического и духовного здоровья человека.

Следовательно, волевые качества личности как специфические проявления воли детерминированы природными задатками человека, его личностным опытом, строящимися на рациональной и эмоциональной составляющих, а также сформированными мотивами к предстоящей природоохранной и природосберегающей деятельности.

Как видно из приведенных примеров, в эмоционально-ценностном компоненте выразительно проявляются три его основные аспекта: ценностно-смысловой, эмоционально-личностный и субъектно-волевой. А в целом, этот компонент, дополняя потенциал знаниевого, создавал прочные основы формирования этноэкологического сознания.

Знаниевый компонент как наиболее значимый и задающий направленность развитию содержания этноэкологического воспитания также являлся основой и в становлении навыкового компонента, который представляет собой систему умственных, перцептивных и практических умений и навыков построения отношений с окружающей средой вообще и природоохранного поведения в частности, опираясь на приобретенные знания.

С древних времен наши предки формировали у детей умения устанавливать причинную связь между солнцем и временем суток. Согласно народным представлениям, солнышко встает рано утром и светит целый день, а ночью заходит за землю отдыхать [55, с. 52]. По положению солнца

определяли стороны света: восход солнца – восток, его заход – запад, полдень – юг, а противоположная сторона югу – север [203, с. 459]. По звездам «*Сітца*» или «*Рэшатні*» на небосклоне учили устанавливать ночное время [55, с. 57]. Отмечали влияние солнечного света на рост и развитие растений, урожайность и качество зерна: «*Колас добра не спее, калі сонца не грэе*» [15, с. 52].

В народных знаниях природоведческого характера много сведений о ночном светиле – Луне. С малых лет белорусы развивали у детей наблюдательность – способность видеть предметы во всем разнообразии свойств, особенностей их проявлений. По внешнему виду луны учили определять ее фазы, отмечали ее последовательность: «*межа* (новолуние), *маладзік* (первая четверть), *поўня* (полнолуние), *вета*, *збыта* (последняя четверть)» [204, с. 66]. В народе была выявлена закономерность влияния фаз луны как на погодные предсказания, так и на сельскохозяйственные работы: «*Калі рогі ў маладзіка прыпаднятыя ў гору і завостраныя, то месяц будзе стаць цёплае надвор'е*» [201, с. 217]. Посадку деревьев, кустарников, цветов, овощей рекомендовали производить в полнолуние [55, с. 50].

Особенно значимыми являются умения и навыки бережного и заботливого отношения к земельным ресурсам. Крестьяне составляли календари посевов, обработки земли, время уборки урожая и др. Важное место отводили развитию умений моделировать представления об окружающих явлениях и связывать их изменяющийся характер с хозяйственной деятельностью: «*Які зімою снег, такі летам ураджай*» [180, с. 94], «*Зямлю ўгноіш – хлеба падвоіш*» [17, с. 82]. Начало полевых работ определяли согласно сделанным выводам о наступлении определенных сезонных явлений. К примеру, лучший срок посадки ячменя совпадал с цветением калины, а овса – со временем появления комаров [205, с. 74], «*Калі за 7 тыдняў перад Іллёю на крапіве паявяцца чэрві, гэта лепшы час для сяўбы грэчкі*» [55, с. 286].

В народной среде на основе метеорологических знаний формировались навыки прогнозирования погоды на большие сроки. Например, по зиме определяли характер будущего лета («*Сухое марознае надвор'е ў снежні паказвае, што ліпень будзе спякотны з яснай пагодай*» [180, с. 41]) и весны («*Калі першы снег застане на дрэвах лістоту, то будучая вясна будзе халоднай*» [180, с. 215]).

Важное место отводили формированию навыков бережного отношения к лесным богатствам. Древесину широко применяли в повседневной жизни: использовали для строительных сооружений, для изготовления бондарных изделий, домашней посуды, детских игрушек и музыкальных инструментов. Дары природы применялись в лечебных целях, они являлись и ценными пищевыми продуктами: в лесах собирали грибы, ягоды, желуди, лекарственные травы, кленовый и березовый сок, орехи, дикие груши и яблоки. Осознавая ценность лесных богатств, формировались навыки заботливого к ним отношения. Так, в процессе собирательства даров природы, одной

из древнейших форм хозяйственной деятельности белорусов, требовалось соблюдать неписанные законы: для предотвращения загнивания деревьев после окончания заготовки сока старшие учили детей забивать лунку выстроганным колком или засыпать ее глиной [160, с. 306]; разрешали собирать ягоды только спелые; при сборе грибов наставляли срезать их ножом или аккуратно выкручивать из земли, чтобы не нарушить грибницу [206, л. 37].

Опыт традиционной медицинской практики создавал прочный фундамент в формировании навыков природоохранной деятельности. Для профилактики различных заболеваний белорусы широко применяли и водную терапию: купание в целебных родниках, питье святой воды. При простудных недугах к эффективным средствам относили паровые ванны, бани с березовыми вениками. В частности, чтобы быть здоровым и красивым, в день праздника Юрия наши предки качались по росе, умывались святой водой [207, с. 107]. С раннего детства взрослые активно привлекали детей к сбору лекарственных трав, раскрывали им секреты изготовления и хранения лечебных снадобий, особенности использования лекарственных средств.

Анализ навыкового компонента содержания этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов позволяет выделить в нем следующие группы умений и навыков (таблица 2.3).

Таблица 2.3 – Виды этноэкологических умений и навыков

Виды	Общая характеристика	Специфика	Примеры
Умственные (мыслительные)	обуславливают формирование этноэкологического мышления	акцентуализация наблюдения	Приметы: ✓ «Калі мокры май, то жыта як гай»; ✓ «Снегу навее – хлеба прыбудзе, вада разальеца – сена набярэца»
Перцептивные (чувственные)	направлены на целостное отражение в сознании объектов и явлений природы при непосредственном их воздействии на органы чувств и анализ полученной информации	эстетическое превалирование	Пословицы: ✓ «Як ліпавы цвет вельмі запахне, то будзе дождж»; ✓ «Садок пасадзіў – добрую славу зарабіў»; ✓ «Умельцы заўсёды малайцы»
Деятельностные (практические)	обеспечивают физическое и механическое воздействие на среду с целью ее сохранения	включение во все сферы жизни	Обряд: ✓ «Агонь не астаўляюць без яды, а яму кладуць палено, у вагонь не плююць і не кідаюць нічога нячыстага»

Ещё одним компонентом содержания этноэкологического воспитания народной педагогики белорусов, придающим ему целостность и логическую завершенность, является практико-деятельностный компонент. Анализ показывает направление динамики его развития от нормативно-предписательной экологически ориентированной деятельности до творческой.

Помимо словесных предписаний, оберегающих бесценное природное богатство, в народной педагогике белорусов уделялось большое внимание и целенаправленному восстановлению природных ресурсов, экологическому облагораживанию природной среды. Например, при рубке деревьев крестьяне старались исходить из принципа возмещения: сколько сручено, столько же необходимо и посадить. Считали, что за порчу культовых пород, произрастающих в роще или поодиночке, человек мог жестоко покараться тяжелой болезнью [160, с. 134, 137]. Посадку нового дерева расценивали как добрый поступок, поэтому отступление недуга и возмещение потерь сопровождали высаживанием молодых саженцев, взамен вырубленных [17, с. 96]. На Полесье существовало поверье, что между деревом и ребенком есть невидимая жизненная связь. Когда рождалось дитя, в честь его появления на свет родители сажали дерево, отождествляя хороший рост растения с крепким здоровьем ребенка [160, с. 134–135].

Родители стимулировали детей самостоятельно строить гнездовья для птиц. Особенно приветствовалось сооружение основы для гнезда аиста, для чего использовались старые колеса, столбы и деревья, тем самым привлекая к своему двору его. Такие дела сопровождалась верой, что птица принесет хозяевам счастье, рождение детей, уберезет жилище от молнии, пожара, града: *«Той дом і нават уладанні, дзе бацяў уладкуе сваё гняздо, можа лічыцца шчаслівым, а пярун ніколі не ударыць паблізу гнязда»* [201, с. 189]. Важно отметить, что на основе приобретенных знаний и сформированных умений и навыков в реальной деятельности дети проявляли самостоятельность, творческий подход, ибо со стороны взрослых не было жесткой регламентации, их помощь детям постепенно уменьшалась с увеличением возраста последних. В. С. Болбас подчеркивает, что «дети не подвергались мелкой опеке, старшие не стремились делать все за них, не направляли каждый их шаг, не торопились с подсказкой» [208, с. 108]. В результате развивалась самостоятельная, творческая активность воспитанника.

Следует сказать, что все приобретенные этноэкологические навыки, как было отмечено выше, постоянно, на протяжении всей жизни, использовались взрослыми и детьми в повседневной действительности. С полным основанием можно утверждать об экологизации жизнедеятельности белорусов, так как сама этническая культура наших предков экологически ориентирована [43, с. 55].

Сокровищница народно-педагогической мудрости содержит множество примеров творческого подхода к использованию этноэкологических знаний и умений в различных жизненных ситуациях. Так, опираясь на них, проявив

смекалку, крестьянин остается в выигрыше от совместной сельскохозяйственной деятельности с медведем в народной сказке «*Мужык, мядзведзь і лісіца*» [153, с. 162–166]. Творческое применение природоведческих знаний в другой народной сказке «*Человек и козы*» помогло герою одомашнить коз [209, с. 23–24]. Взаимодействие человека с животным миром помогло в народной сказке «*Алень – залатыя рожкі*» спасти людей от песчаного мальчика [210].

Общественная мысль, тысячелетиями складывавшийся жизненный уклад белорусов жестко и категорично детерминировали правила поведения в природной среде. Родители требовали от детей не допускать по отношению к представителям растительного и животного мира насилия и грубости, иначе такой поступок расценивался как зловерный (легенда «*Хвоя*» [195, с. 221–222]). Повреждение муравейника, уничтожение муравьев считалось преступной безнравственностью. Разрушение пчелиного улья отождествлялось с разрушением храма Божьего, а истребление их роя приравнялось к убийству человека [160, с. 310]. Формировалась ответственность за последствия своих действий по отношению к живой природе: «*А рабіны і каліны сцінаць няможна, бо іх ягадкамі птушкі ўвосень жывяцца*» [198, с. 148]. Не позволялось убивать дичь без особой надобности, ради потехи: «*Цецярук не робіць нікому зла, і яго грашно убіваць, як бы не то, што чортам дружыцца*» [55, с. 127].

Этноэкологическое воспитание в народной педагогике белорусов было неотделимо от повседневной жизни, тесно переплеталось с основными видами деятельности, обеспечивавшими существование людей. Земледелие и животноводство, составлявшие основу жизнедеятельности, предполагали глубокое понимание природных циклов, овладение практическим опытом ведения сельского хозяйства. Фактически любая трудовая операция сопровождалась песней (закливание дождя в троицких песнях «*Ідзі, ідзі дожджыку*», сбор зерновых культур «*Ой на гары ячмень жала, // Снапкоў не вязала, // Каго верна любіла, // Праўды не казала*» [168, с. 157] и др.). У белорусов имеется целая наука о сроках введения сельскохозяйственных работ, которые фиксировались в календарно-обрядовой поэзии. Это и аграрные приметы («*Калі на Пятро пойдзе дождж – жыта, як хвошч; уродзіць мятліца – хлеба палавіца; зарадзіў звалец – жыту канец*» [168, с. 121]) и разнообразная обрядовая культура (кликание весны «*Ой, выйдзем, дзевачкі, // На новае лета. // Зімавалі – не спевалі, // Весну ждалі*» [205, с. 61], зелёные святки – честование растительности [205, с. 115]).

Народные промыслы, такие, как охота, рыболовство и бортничество, также играли важнейшую роль в сохранении биологического разнообразия («*Перад невадам рыбы не лаві*» [15, с. 153], «*Рыба любіць ваду*» [147, с. 461]). Бортничество, собирательство мёда диких пчёл, требовало знания о лесных массивах, понимания поведения пчёл, умения находить и использовать дупла деревьев, не нанося вреда лесному сообществу, охрана жилища пчелиной семьи от холода [160, с. 49–53]. Гончарство, бондарство, плетение из лозы и

соломы, резьба по дереву, ткачество, плотничество также были неразрывно связаны с окружающей природой. Эта глубокая связь подкреплялась народной мудростью: «*З рамяством дружыць – у жыцці не тужыць*» [15, с. 146]. Наши предки, используя исключительно экологически чистые природные материалы, такие, как глина, древесина, хлопок, лен, кора деревьев и др., создавали все необходимое для жизни: орудия труда, разнообразную посуду, начиная от глиняных горшков и заканчивая деревянными мисками и ложками, плетеные корзины, прочные веревки, оконные рамы, ткани для одежды и домашнего обихода, а также игрушки для детей. Белорусы были убеждены, что «*Дзела дзелу вучыць*», «*Рукі да работы, ногі да ахвоты, галава да ўсяго*» [15, с. 169]. Именно поэтому родители приобщали детей с раннего возраста ко всему циклу производства, начиная со сбора сырья: дети помогали собирать лозу для плетения, липовую кору, бересту, заготавливали дрова и лучину для освещения жилища. Их привлекали и к практической деятельности – плести лапти, изготавливать небольшие кошельки и корзинки. Такая работа с природными материалами способствовала глубокому пониманию их свойств, развивала осознанное отношение к природе и необходимости рационального использования ее ресурсов в повседневной жизни, стимулировала творческое мышление.

В совокупности все эти занятия формировали устойчивое экологическое поведение, в котором человек выступал не как покоритель природы, а как её неотъемлемая часть, живущая в гармонии с окружающим миром. Передача способов деятельности из поколения в поколение обеспечивала сохранение традиционного образа жизни и устойчивое взаимодействие человека и природы на протяжении многих веков.

На основании вышесказанного, роль и место содержания этноэкологического воспитания в становлении этноэкологической культуры личности можно схематично представить следующим образом: приобретенные этноэкологические знания, дополненные соответствующими чувствами, определяют экологические отношения, которые в совокупности с волей воспитанника формируют этноэкологические качества личности. Последние вместе с этноэкологическими навыками становятся фундаментом экоориентированных поступков, совокупность которых образует линию экологического поведения (рисунок 2.1).

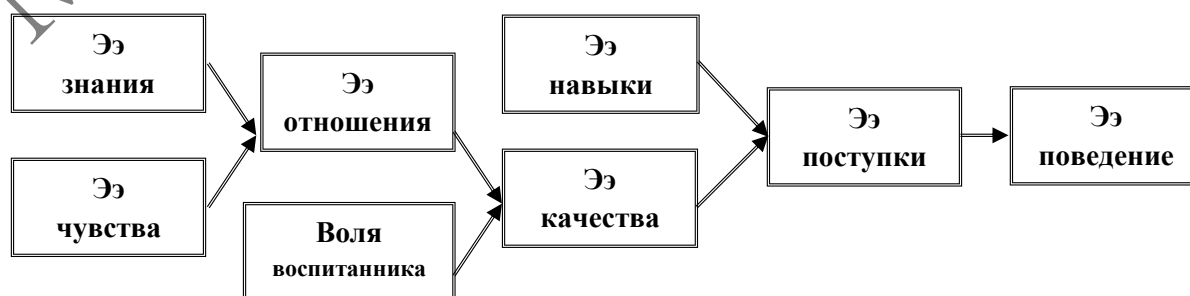

Рисунок 2.1 – Становление этноэкологической (Ээ) культуры

Следовательно, структура содержания этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов представляет собой упорядоченную взаимосвязанную систему, построенную на основе базовых компонентов (приложение В), которые, в свою очередь, включают устойчивые взаимодействующие системообразующие элементы, обеспечивающие достижение поставленных целей.

В целом анализ содержания этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов позволяет утверждать, что рассмотренная его структуризация имеет явно выраженный системный характер. Все компоненты содержания этноэкологического воспитания, как показано выше, создают устойчивое системное образование, определяющее эффективность народно-воспитательных процессов.

2.4. Этноэстетика природы в педагогических воззрениях белорусского народа

В настоящее время в мировом сообществе окончательно сформировано убеждение, что стратегия развития человечества, приоритетно ориентирующаяся на научно-технические и экономические показатели, не только бесперспективна, но и губительна для цивилизации. Общепризнано, что в основе жизнедеятельности общества в целом и каждой личности в отдельности должна быть духовность, культура. Причем без глубокого и полного освоения культуры своего народа человек не может подняться на вершины общечеловеческих культурных достижений. Особо важную роль, объединительно-консолидирующую и одновременно позволяющую сохранить этнонациональные отличия, играет эстетическая культура.

В нормативных государственных документах Беларуси ставятся задачи возрождения и развития национальной культуры, в том числе, совершенствования национальной модели эстетического воспитания подрастающих поколений. Опора на многовековой народно-педагогический опыт эстетического развития личности содействует эффективности решения поставленных задач, создает прочный фундамент теоретического обоснования и практической организации современного процесса эстетического воспитания. Традиционное этноэстетическое наследие белорусского народа является важнейшим фактором сохранения национальной идентичности как одного из обязательных условий развития цивилизации в целом.

Ключевым, основообразующим компонентом этноэстетического воспитания является воспитание, органически связанное с окружающей природной средой. Природа во все времена являлась одним из важнейших факторов и эффективным источником развития и формирования эстетических чувств, вкусов, представлений, потребностей, идеалов, т. е. эстетической культуры

в целом. Характеристики ключевой категории эстетики «прекрасное», которая олицетворяет гармонию, совершенство, возвышенность, как нигде явственно наблюдаются в природе. Красота природы всегда была наиболее близка и доступна любому человеку, она представляет прочную основу эстетического воспитания как отдельного индивида, так и общества в целом.

С другой стороны, одной из задач эстетического воспитания является формирование у воспитанников посредством природы эмоционального отношения к ней, что в свою очередь непосредственно влияет на природоохранную направленность сознания и поведения субъектов данного педагогического процесса. Таким образом, происходит интеграция экологического и эстетического компонентов, в результате которой появилось новое направление развития науки – экологическая эстетика.

Развитие экоэстетических идей своими корнями входит в недра традиционной народной культуры, а его воспитательное направление в народную, этническую педагогику. Этнопедагогические воззрения как духовная мудрость народа в органическом единстве отражают народно-воспитательные знания и опыт, накопленные на протяжении многих веков и проверенные самой жизнью. Сущностно-содержательные характеристики экологического потенциала этнопедагогической мысли наших народов раскрыты в предыдущих параграфах. В настоящем хотелось бы подчеркнуть значимость использования именно народно-педагогических идей о влиянии эстетики природы на формирование личности.

Издревле в народе отмечали многомерность красоты природы. Нельзя не восхищаться мудростью наших предков, которые неповторимость и непревзойденность природной красоты видели во всех ее проявлениях. Во-первых – это красота построения природных предметов и явлений: изящные формы, строгие пропорции, причудливая соразмерность, безукоризненная симметричность, естественная органичность, непостижимая целостность и многое другое, что предстает в виде «законов красоты» как универсальных закономерностей природы. Во-вторых – это красота развития и формирования, которая проявляется в динамике природного организма, его постоянной изменчивости, не поддающейся рациональному объяснению целесообразности, всеобъемлющей цикличности, основообразующей преемственности, эволюционной поступательности, органической связи материального в природе и духовного в обществе. В-третьих – это красота декоративно-художественная, связанная с эстетикой внешних форм и, внутреннего наполнения природных предметов, явлений и процессов, часто проявляющаяся по ее восприятию как зрительная, звуковая, обонятельная (красота запахов), вкусовая и тактильная (на ощупь). Многогранное восприятие красоты природы широко отражалось во всех видах и жанрах народного творчества, явственно воплощалось в декоративно-прикладном искусстве, что способствовало эстетическому освоению мира человеком.

В народной среде веками вырабатывалась направленность человека на восприятие и осознание красоты и гармонии мира природы как важнейшей духовной ценности и источника формирования жизнеутверждающих основ человеческого бытия. С одной стороны, природа всегда представляла собой истинный кладезь эстетических ценностей, но человек должен видеть в ней не только средоточие эстетического наслаждения, а главное – источник жизнедеятельности и творчества. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные произведения устного народного творчества белорусов, воспевающие неповторимость, величие и красоту родной природы и показывающие плодотворность для человека этой красоты: «Багаты, як зямля» [17, с. 367], «Няма смачнейшай вадзіцы, як з роднай крыніцы», «Дарагая, як крыніца» [17, с. 377].

Вообще для народной эстетики характерны акценты на естественную, природную, а не искусственную красоту: «Прыгожая, як кветачка / як зорачка / як лялька» [17, с. 399], «Гаспадыня, як мурашачка» [17, с. 374], «Губкі, як малінкі» [17, с. 377], «Дзеўка, як кветка» [17, с. 378] и т. п. Именно растения, деревья, представители животного мира чаще всего воплощают эстетический идеал народной педагогики белорусов. В народном эстетическом идеале воплощаются здоровье и красота. Сообразно половой дифференциации для акцентирования внимания на женскую ипостась использовали таких представителей природного мира, как калина, верба, лилия, рута, кукушка, перепелка, ласточка, пчелка и др. Идеал мужчины олицетворяли – дуб, явор, ясень, василек, сокол, орел, селезень и др. [211, с. 73]

В целом, народно-эстетические воззрения белорусов основываются на таких понятиях, как «порядок», «лад», «традиция», «гармония», «уют», «слаженность», «согласованность», «складность» и др. Образцом гармонии выступала родная природа, которая соответствует эстетическим и эмоциональным потребностям народа, оказывая существенное влияние на понимание и восприятие прекрасного. Неброская, грустно-лирическая красота белорусской природы придавала народному национальному характеру склонность к меланхолии, уединению и размышлению, сосредоточенности на внутренних переживаниях, содействовала развитию повышенной чувствительности, утонченной эмоциональной восприимчивости.

Вообще следует отметить, что природа обладает многими ценностями, но, к сожалению, долгое время человечеством приоритет чаще всего отдается тем, которые имеют ярко выраженный экономической, хозяйственный характер. Неэкономические же ценности природы, среди которых духовные, эстетические, воспитательно-образовательные, неоправданно чаще отодвигаются на второй план. В устном народном творчестве восточных славян практически отсутствует утилитарный подход к окружающей среде. Одушевляя природу и ее явления, народная мудрость выделяла в них прежде всего эстетическую составляющую, а отношения человека с ними насыщала

глубоким этическим смыслом. На таком фундаменте у каждого индивида формируется личностно значимое духовно-эстетическое отношение к миру, реализующееся в его поступках и поведении в соответствии с принципом природосообразности развития цивилизации, подчиняясь законам меры, гармонии и красоты. Таким образом, сама природная красота служит гармонизации отношений общества и природы: *«Жывуць, як галубкі ў пары»* [17, с. 381], *«Расце, як на лес гледзячы»* [17, с. 401], *«Справядлівы, як вецер у полі»* [17, с. 406], *«Сямейка, як мурашачкі»* [17, с. 409].

Эстетическое отношение к природе самым непосредственным образом поднимало значимость последней в жизни общества и закономерно приводило к формированию идей природоохранной эстетики. Формирование экологического сознания невозможно без развития эстетического восприятия природы, которое практически исключает потребительски-утилитарное отношение к ней. Эстетическое восприятие природы обуславливает соответствующее эмоциональное состояние человека, мобилизующее духовную и физическую энергию, во многом определяющую экологический характер его мышления и поведения. Эстетические чувства способствуют эффективной трансформации природоведческого знания в экологические убеждения и соответствующую природосберегающую деятельность. Педагогический вектор воспитания эстетического отношения к природе должен быть направлен на формирование у воспитанников непотребительского отношения к ней, отношения, строящегося на законах добра и красоты. Поэтому сохранение эстетически ценной природной среды представляется одной из важнейших задач, стоящих перед современным обществом и в ее решении существенная роль отводится воспитанию.

Народная мудрость наших предков всегда акцентировала внимание на том, что понимание красоты природы доступно лишь тем, кто хорошо знает саму природу. В произведениях устного народного творчества белорусов часто показывается, как человек общается с природой «на ее собственном языке». В своем диссертационном исследовании молодой белорусский исследователь Н. В. Петухова заключает, что и сегодня определяющим условием формирования эстетического восприятия природы видится обогащение эмоционального воздействия на воспитанников через непосредственное взаимодействие с естественными природными объектами и явлениями [162, с. 11]. Большое внимание этому вопросу уделял известный украинский ученый-педагог В. А. Сухомлинский, который в природе видел самый эффективный источник воспитания. Подчеркивая, что человек был и всегда остается сыном природы, классик природосообразной педагогики утверждал: «Каждый должен учиться открывать красоту природы, чтобы духовная жизнь ребенка и природы как бы связывались интеллектуальными, эмоциональными, эстетическими и творческими нитями. Важно, чтобы источником мысли и чувства были познания явлений природы, ее красоты» [163, с. 51]. Следует

отметить, что народная педагогика восточных славян формировала также у воспитанников осознание значимости красоты природы через мировоззренческие, эстетические ценности, воплощенные в многочисленных образах устно-поэтического творчества, постоянно ориентированного на установление и обоснование многочисленных связей человека и природы. А активное участие детей в разнообразных народных обрядах и праздниках календарно-обрядового фольклора существенно обогащало их эстетические представления и опыт, развивало образное мышление, способствовало воспитанию гармонической, творческой личности.

Пожалуй, главная воспитательная ценность эстетических связей человека с природой заключается в том, что, постигая красоту природы и ее явлений, осмысливая ее естественную гармонию, целесообразность и совершенство, человек изменяется и совершенствуется сам. Красота природы выходит далеко за рамки эстетического воспитания. Природа является самой первой и естественной средой человеческой обители. Привязанность человека к конкретным природным образам и формам закладывает основы его привязанности к родным местам. По этому поводу В. А. Сухомлинский писал: «В красоте родной земли содержится большая патриотическая сила» [69, с. 216]. Чувство прекрасного настраивает человека на добро, значительно обогащает его духовную культуру, является непревзойденным источником подъема всех духовных сил человека. Эстетика природы, как один из важнейших аспектов многовекового развития человеческой культуры, является основой ее дальнейшего формирования. Сама природная красота требует позитивного, эстетического, гуманного отношения к ней.

Красота природы объективна, она не зависит от человеческих вкусов, а является органическим следствием ее естественного создания. Встречающиеся в природе безобразное и уродливое представляют собой сбои, нарушения натуральных природных процессов. Эстетически привлекательная форма природного окружения закладывает у человека через соответствующие чувства жизнеутверждающие начала, создает самые благоприятные основания для воспитания подрастающих поколений. Нельзя не согласиться с следующим утверждением современных ученых: «Воспитание любви к природе, умение чувствовать ее красоту и восхищаться ею имеет огромное значение не только для эстетического развития, но и для нравственного воспитания, в частности, для пробуждения патриотических чувств, чуткости к окружающему, способствует физической закалке, а также расширению умственного кругозора. ... Вот почему гармония педагогических воздействий требует постоянного общения с природой» [213, с. 211].

Знаменательно, что в народном воспитании белорусов с первых лет жизни дети вовлекались в интересные обычаи, забавы, игры, связанные с растениями и животными. Так, искреннюю любовь к цветам воспитывали в семьях восточных славян. Наши предки боготворили цветы, считая, что это

совершенное творение природы подарено людям Богом. Из седой древности пришел красивый обычай плести венки и украшаться ими во время народных праздников. Самое почётное место в белорусском доме всегда отводилось освящённым растениям. На Троицу крестьяне развешивали на стенах жилищ «клевчанья» (зелень), украшали дом пучками аира, обвивали иконы букетиками благоухающих васильков, мяты, душицы. Во время весенних обрядов молодежь водила хороводы, пела хороводные песни, уважительно обращаясь к цветам и прославляла их красоту. Растения, в частности цветы, были предметом особенного поклонения на Иванов день (Иван Купала – народный праздник восточных славян, посвящённый летнему солнцестоянию и наивысшему расцвету природы). Считалось, что только раз в году и именно на Купальскую ночь цветет папоротник и нашедший цветок папоротника будет богатым и счастливым и, главное, будет понимать язык природы – язык зверей, птиц, деревьев и растений. То есть он дарует человеку по сути способность раскрыть собственные духовные силы и достичь счастья в жизни через духовное развитие

Если вслушаться в названия цветов (медуница, звездчатка, ноготки, душица и т. п.), то не устаёшь удивляться тому, какие хорошие и меткие имена давал народ растениям. В основе этих названий – любование цветом, формой цветка или семени, её запахом. Ромашка ассоциируется с красотой, нежностью и чистотой. Ценят за её внешний вид, аромат и целебные свойства. Поэтому недаром назвал её народ «*рамонка*». Также встречаются названия «*белацветка*», «*матронка*», «*румянка*», «*раманава трава*», «*дзявочая кветка*», «*дзявочая краса*». А на воде покачиваются блестящие жёлтые кувшинки – народная наблюдательность не обошла выразительную форму их лепестков. Трёхцветную фиалку, которая удивляет нас одновременно синими и жёлтыми цветочками, люди ласково зовут Иваном-да-Марьей. Народная фантазия могла опозитизировать самый скромный цветочек. Это хорошо отразилось в народных загадках, например: «*Рос белы шар, падуў вецер – і шар паляцеў*» (Адуванчык) [214, с. 67], «*Стаіць певень над вадою з чырвонаю барадою, хто ні ідзе, за бараду ўшчыпне*» (Каліна) [214, с. 64].

Некоторым растениям наши предки приписывали даже магическое значение. Могучим оберегом считались «*купальскія зёлкі*», которые после освящения в храме хранились круглый год и служили средством от различных болезней. С древности в качестве оберегов использовались осина, полынь, крапива, бузина, можжевельник, лук, чеснок, мята. Этими растениями устилали дворы и поля от появления злых духов, их раскладывали на окнах домов, у дверей, ими же застилали пол. Цветами Родины считают белорусы цветки василька, льна, клевера [31, с. 15].

Участие детей в выращивании цветов, садоводстве имело у нашего народа большое педагогическое значение, поскольку пробуждало в них эстетические переживания. Наслаждаясь красотой цветов, видя в них украшение

жизни, народная мудрость поучала: *«Прыйшоў верасень – супакоіў прыроду»*, *«Майская травіца – нібы маладая дзявіца»* [15, с. 81].

Могучим средством формирования в детском сознании образа этноприроды всегда было национальное искусство, поскольку в нём история. Душа родного народа отражается во взаимосвязях человека и природы, воплощенных в художественных образах. Художественный язык искусства помогает детям воспринимать образ природы ярко, целостно и соотносить его с реалиями жизни. Каждая национальная культура имеет систему своих любимых образов-метафор, которые метко характеризуют эстетическое своеобразие этнопейзажа, и, благодаря многочисленным художественным вариациям, приобретают общенациональное символическое значение. Художественный знак-символ постепенно приобретает определенную эмблематичность и «присваивается» эстетическим сознанием народа в целом (например, национальными эмблемами стали: кленовый листок (Канада), шиповник (Англия), сакура (Япония), березка (Россия), диск солнца, полумесяц, звезды (страны Востока) и др.

Многие из этих образов характерны и для белорусов, которые поэтизировали в фольклоре ярких представителей родной природы. Человеческими качествами наделялись верба, калина, осина, рябина, липа и др. Неописуемую красоту придают белорусской природе озера, которых насчитывается около 1100, поэтому Беларусь по праву называют синеокой, или страной озер. Ощущение человеком красоты природы приводит его к осознанию гармонии, целостности и целесообразности мироустройства, создает необходимые предпосылки для эффективности всего воспитательного процесса.

Н. В. Петухова отмечает, что «эстетическое восприятие природы, как элемент эстетического сознания личности, возникает в результате сочетания трех функциональных уровней: интеллектуально-рационалистического (эстетические знания, суждения, оценки), эмоционально-волевого (эстетическое созерцание, эмоции, чувства, потребности) и эстетически-деятельностного (эстетическое взаимодействие с природой)» [162, с. 17]. Поэтому одной из ведущих идей гуманитарного образования в наших странах вполне может стать воссоздание в детском сознании образа этноприроды, что предопределяет активизацию эмоционально-эстетичной рефлексии на характерные особенности родного пейзажа. Наилучший результат может быть достигнут при условии учёта ментальных первооснов ценностного ориентирования на связь с родной землёй, обуславливающую кордоцентричность сознания на восприятии человеком окружающего мира не столько мышлением, сколько эмоциями, чувствами, здравым смыслом. Учёт этих характерных черт обязывает организаторов современных образовательных процессов постоянно обновлять и углублять как содержательно-целевой, так и процессуально-методический аспекты воспитания детей. Нужно считаться с тем, что образ этноприроды в сознании современного ребёнка невозможно воспитать лишь

средствами интеллектуальных сентенций или вследствие использования гаджетов. Для этого нужно пробудить все сущностные силы личности, её эмоционально-чувственные способности и творческий потенциал.

Таким образом, этнопедагогические воззрения белорусского народа отражают богатейший опыт воспитания личности средствами природы, где родовое стремление человека к гармонии и красоте как универсальная характеристика человеческого естества, активизируемая эстетикой природы, стимулирует многостороннее, творческое развитие личности. Противоречивость и сложность современной, стремительно меняющейся жизни подталкивают человека к своим истокам – основополагающим ценностям, выверенным многовековым социальным опытом, где этико-эстетические отношения с природой занимают особое место потому, что обеспечивают не только комфортность жизнедеятельности, а фактически гарантируют будущее человечества.

МГПУ им. И.П. Шамякина

ГЛАВА 3

ПРОЦЕССУАЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ БЕЛОРУСОВ

3.1. Классификация и характеристика принципов этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов

В педагогической науке нет однозначной трактовки понятия «принцип воспитания», что проявляется в различном понимании его сущностно-содержательного наполнения и многообразия перечней названий принципов. Все зависит от того, какой смысл вкладывается в само понятие «воспитание» и какие его аспекты охватывают рассматриваемые принципы. В настоящей работе под воспитанием в широком смысле понимается специально организованный процесс передачи-приобретения накопленного социального опыта. Естественно, его осуществление невозможно без определенного предварительного осмысления.

Практическая организация любых воспитательных процессов всегда опирается на соответствующие теоретико-методические основы, которые систематизируют и оптимизируют педагогическую деятельность, обеспечивают ее результативность. Своеобразный стержень таких основ и образуют принципы воспитания, рассматриваемые в педагогической науке и практике как основывающиеся на существующих закономерностях процесса, исходные установки, требования к воспитанию, упорядочивающие его и придающие ему целостный характер, обуславливающие выбор наиболее эффективных путей достижения поставленных целей. И. Ф. Харламов особо подчеркивал, что закономерности представляют собой «устойчивые, повторяющиеся и существенные связи в воспитательном процессе, реализация которых позволяет добиваться эффективных результатов в развитии и формировании личности» [215, с. 91]. Важно отметить, что принципы отражают наиболее существенные закономерности воспитания, поэтому их выбор, с одной стороны, характеризует концептуальные подходы к осуществлению конкретных воспитательных процессов на практике, а с другой – придает своеобразие и систематизирует последние.

Народная педагогика как «целостная совокупность эмпирических знаний, устойчивых взглядов, характерных идей народа о воспитании» [5, с. 20] имеет свою специфику в формировании принципов, определяющих эффективность традиционного воспитания. На протяжении многовекового воспитательного опыта в народе были подмечены многочисленные устойчивые зависимости между отдельными элементами воспитательного процесса, влияющие на его результативность. На основании этого вырабатывались неписанные правила, отражающие, каким образом можно повышать эффек-

тивность воспитания, используя выявленные закономерности. Такие правила, или требования к организации педагогических процессов, и представляют собой принципы воспитания вообще и этноэкологического в частности.

В народной педагогике белорусов процесс этноэкологического воспитания, как и любой другой вид деятельности, осуществлялся на основе закономерностей, выявленных предыдущим народным педагогическим опытом, что значительно повышало эффективность воспитательных усилий для достижения поставленных целей. Из поколения в поколение передавались обоснованные, выверенные жизнью и временем специфические требования к организации передачи-приобретения накопленных экологических знаний, выработке навыков природоохранного поведения на основе сформированной системы ценностных ориентаций, определяющих гуманное отношение к природе с целью использования ее благ в настоящем и сбережения для будущих поколений. Эти требования с полным основанием можно рассматривать в качестве принципов этноэкологического воспитания.

После специального анализа исследований принципов воспитания народной педагогики белорусов, проведенных многими современными учёными, профессор А. П. Орлова сделала следующее заключение: «Вычленение разных принципов в народной педагогике, признание их взаимосвязи и взаимозависимости (преемственности) позволяет говорить о понимании белорусскими просветителями важности философского и научно-педагогического осмысления принципов народной педагогики. Принципы при этом выступают как руководящие ориентиры развития народной педагогики» [216, с. 55–56]. Экстраполируя выводы ученого на рассматриваемую проблему, можно утверждать, что принципы этноэкологического воспитания во многом определяли, как характер формирования соответствующих идей, так и саму организацию этого процесса.

Системно-структурный анализ идей этноэкологического воспитания ориентирует на выявление системообразующего характера этого процесса. Его научный анализ показывает, что выработанная совокупность принципов (требований) к этноэкологическому воспитанию может быть классифицирована по-разному. Одним из наиболее значимых как в теоретическом плане, так и в плане практического использования является объем охвата ими всевозможных составляющих и аспектов воспитания (приложение Г). Исходя из этого, логично выделить следующие группы принципов:

1) **метапринципы**, предъявляющие требования абсолютно ко всем компонентам и сторонам этноэкологического воспитания как педагогического явления и практического воспитательного процесса;

2) **универсальные**, распространяющие свое влияние на многие компоненты и стороны этноэкологического воспитания;

3) **процессуально-методические**, обуславливающие прежде всего практическую организацию процесса;

4) **лично ориентированные**, предъявляющие обоснованные требования непосредственно к самим воспитанникам [217, с. 46].

Примечательным является то, что в группе метапринципов основополагающим, на котором строилось все народное воспитание, в том числе и его экологическое ответвление, был **принцип природосообразности**. Исследуя этническую педагогику белорусов, В. С. Болбас называет его «принципом всех принципов» и отмечает, что его основы начали закладываться «еще в дохристианский период, когда мировоззрение наших предков строилось на естественной гармонии человека с жизненной средой, через проведение прямой аналогии между природой, всей Вселенной и человеческой жизнью, а также необходимостью согласования воспитательных усилий с природой человека» [218, с. 39–40].

Олицетворяя самую непосредственную связь с этноэкологическим воспитанием, принцип природосообразности требовал синкретизма человеческого существования с живой и неживой природой, которая, кроме всего прочего, являлась важнейшей воспитательной школой человечества. Причем в народе понимали, что воспитывает прежде всего не природа как таковая, а взаимоотношения человека с ней через гармонизацию внутреннего мира личности с окружающей средой. Анализ этноэкологических идей народной педагогики белорусов показывает, что требования этого принципа в ходе практической организации эколого-воспитательного процесса базируются на подмеченных зависимостях результативности воспитания от: а) всей окружающей природной среды; б) природы человека как особого существа; в) общественной (социальной) природы человека.

С глубокой древности человек ощущал себя органической частичкой природного макрокосмоса, и в народном представлении все законы и закономерности мира природы распространялись и на человека. Так формировалось одно из важнейших требований принципа природосообразности этноэкологического воспитания – воспитание по аналогии с природой. Это выражалось в том, что явления и факторы, обуславливающие эффективность природных процессов, практически автоматически переносились в народно-педагогические идеи организации воспитательной деятельности. По сути, это были аксиомы народного воспитания, в том числе и экологического. «*На тое і шчупак, каб карась не драмаў*» [17, с. 222], «*Па кветках яблыкаў не лічы*» [17, с. 255], «*Адзін дуб у полі – гэта не лес*» [17, с. 180], «*І сабака добры дух чуе, не то чалавек*» [17, с. 483], «*Лішняга і свінні не ядуць*» [219, с. 225] – утверждали наши предки. С рождением ребенка они часто высаживали деревце, а затем, наблюдая за его ростом, предсказывали будущее ребенка.

Как подчеркивает исследователь экологических традиций в народной культуре К. А. Шумский, у белорусов «культ деревьев является составной частью культов обожествления природы. ... Важнейшим аспектом мифологии дерева является его устойчивое соотношение с человеком. Считалось, что деревья, как и люди, могут ходить, разговаривать, переживать периоды

расцвета и увядания, рождаться и умирать» [220, с. 305]. Аналогичное происходило в целом по отношению ко всему растительному и животному миру. Сама идея охраны и сбережения природы вытекала из многих процессов, наблюдаемых в окружающей среде, таких как саморазмножение растений, инстинкты самосохранения у живых существ и др., которые подталкивали человека к оказанию соответствующей помощи и поддержке со стороны человека. Исходя из этого, белорусы полагают: «*Хто заб'е бабра – не будзе мець дабра*» [147, с. 552], «*Садок садзіць – жыццё харашыць*» [17, с. 96].

Опора на принцип природосообразности этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов особенно явственно наблюдается при организации этого процесса в соответствии с природой самого ребенка. В первую очередь это касается половозрастной стратификации воспитанников и учета их индивидуальных особенностей, что находит проявление как в самом характере отношений с детьми, так и содержательном наполнении воспитательных методов и средств. «*Гні галінку, пакуль маладзенькая*», «*Не роўны лес, не роўныя людзі*» [17, с. 116] – поучали в народе. В воспитании мальчиков особый акцент делался на рациональной стороне, а девочек – на эмоциональной сфере личности. Для сравнения их физических и психологических особенностей также использовали аналогию с природой. Женские качества олицетворяли такие представители природного мира, как калина, верба, лилия, кукушка, перепелка, ласточка, пчелка и др. Многие качества представителя мужского пола олицетворяли дуб, явор, ясьень, сокол, орел, селезень и др.

В народно-воспитательной практике по мере взросления детей расширялось, обогащалось и углублялось приобщение их к окружающей природе: начиная с материнских колыбельных, насыщенных образами из растительного и животного мира, продолжая всевозможными игрушками в виде зверей и птиц, изготовленными из природных материалов, а также многочисленными играми с природными сюжетами, переходя постепенно к активной трудовой деятельности, тесно связанной с окружающей природной средой.

Народная педагогическая мудрость обращает также внимание и на то, что вместе с общими особенностями детей определенного возраста существуют индивидуальные отличия, которые также, как и отдельные природные явления, не всегда вписываются в привычные жизненные представления. «*На Белай Русі пчолы як гусі*» [15, с. 68], «*Вярба таўстая, ды ў сярэдзіне пустая*», «*Высокае дрэва здалёку відаць*» [15, с. 70] – фиксировали народные паремии. В белорусском народном творчестве нередко подчеркиваются индивидуальные особенности людей, которые представляют герои, наделённые необычными качествами, – знанием языка животных, птиц, деревьев и растений, умением жить в тесном контакте с природным окружением. И это позволяло вывести их на новый экологический уровень развития личности.

Современные исследователи отмечают, что «в отличие от академической традиция педагогика определяла методы и средства воспитания не только и не столько исходя из воспитательных целей и содержания, сколько в значительной степени, а иногда и в основном, ориентируясь на способности и возможности конкретных детей» [155, с. 82]. Этим главным образом и объясняется высокая эффективность народного воспитания. Все сказанное целиком и полностью относится и к экологическому воспитанию детей.

При осуществлении традиционно-педагогических процессов, в том числе и эколого-воспитательного направления, большое внимание уделялось фактору наследственности. Учитывая эту особенность, можно заранее предусматривать выбор не только методов и средств воспитания, но и определять перспективные и локальные цели и задачи этноэкологического воспитания применительно к конкретному ребенку. Само влияние наследственности оценивалось достаточно категорично и опять-таки часто трактовалось с опорой на аналогии с природой: «*Кривога дрэва не выпраміш*» [147, с. 289], «*Якое карэнне, такое насенне*» [159, с. 251], «*Якое дрэва, такі клін, які бацька, такі сын*» [147, с. 625], «*На вярбе грушы не растуць*» [200, с. 155], «*Сава не ўродзіць сакала*» [19, с. 129], «*Як добрае семя, дык і добрае племя*», «*Яблыка недалёка коціцца ад яблыні*» [19, с. 127].

Народная мудрость белорусов основополагающим фактором организации жизнедеятельности человека называла его здоровье: «*Здароўе даражэй за грошы*», «*Здароўе за грошы не купіш*» [18, с. 166]. Исходя из этого, важным аспектом принципа природосообразности в народной педагогике белорусов было требование такой организации воспитательного процесса, которая бы поддерживала и укрепляла здоровье воспитанников, используя современный лексикон, – способствовала формированию здорового образа жизни. Подобные подходы ставили под сомнение оказание давления на детей. Рассматривая воспитание как процесс передачи накопленного социального опыта, народно-педагогическая мудрость предупреждала: «*Сілком адабраць можна, а даць – не*» [17, с. 231]. В этноэкологическом воспитании мотивы заботы о сохранении природы отождествлялись с потребностями в улучшении физического и духовного здоровья человека. Это органично вписывалось в структурно-содержательное наполнение принципа природосообразности и усиливало его гуманистическую составляющую.

Из вышеизложенного следует, что принцип природосообразности этноэкологического воспитания в народной педагогике не только является основоположным, системообразующим для развития других принципов рассматриваемого аспекта народного воспитания, но в силу особой связи с природой он своими требованиями по сути обогащает народно-экологическую культуру, способствуя целостности мировосприятия, системности в организации жизнедеятельности. Это значительно усиливает её и без того ярко выраженный воспитательный характер.

Основатель этнопедагогики Г. Н. Волков писал: «Природа – один из важнейших факторов народной педагогики, она не только среда обитания, но и родная сторона, Родина. Природа родины имеет неизъяснимую власть над человеком. Природосообразность в народной педагогике порождена естественностью народного воспитания. Поэтому вполне правомерно вести речь об экологии как универсальной заботе человечества – экологии окружающей природы, экологии культуры, экологии человека, экологии этнических образований. И самых маленьких в том числе» [161, с. 141].

Необходимо также подчеркнуть, что принцип природосообразности в этноэкологическом воспитании не только предъявляет требования к процессу его практической организации, но и самым непосредственным образом обуславливает его содержательно-целевой компонент. Именно в этноэкологическом воспитании принцип природосообразности непосредственно создает основы природосообразной педагогики в целом [221, с. 54].

Экологическое воспитание в народной среде происходило в тесной связи с реальной жизнью. Приобретаемые знания, умения и навыки чаще всего формировались как необходимые элементы для организации всей жизнедеятельности, а черты и качества экологической направленности личности обеспечивали эффективность этой организации. Воспитательное воздействие настолько органично было включено в повседневную действительность, что дети не ощущали никакого принуждения и от этого повышалась эффективность достижения желаемых результатов. Соответствующие экологические знания, умения и навыки дети получали во время привлечения к работам в огороде, поле, на сеножати, при сборе грибов и ягод в лесу, ловле рыбы в реках и водоемах, организации игр на местности и многих других занятиях. «Чалавек без практыкі – пчала без меду», «Адзін добры вопыт важней сямі мудрых навучанняў» [17, с. 246] – констатировала народная мудрость. Органичная связь экологического воспитания с жизнью окружающего мира, поддерживаемая этнонациональной культурой в целом и местной культурной средой в частности, позволяет выделить в числе основных **принцип культуросообразности этноэкологического воспитания и принцип связи с жизнью**. Происходило не просто формирование и совершенствование экологического опыта воспитуемых, а более успешная адаптация их к жизни. Этноэкологическое воспитание имело ярко выраженную утилитарную направленность: охрана природы, забота о ней, по сути, представляла заботу о настоящем и будущем человека в частности и человечества в целом. Поэтому закономерно, что в отдельный, самостоятельный, выделяется **принцип практической направленности этноэкологического воспитания**.

Именно благодаря этим принципам этноэкологическое воспитание белорусов приобретало характерные особенности как в содержательно-целевом, так и в организационно-технологическом аспектах. Самобытность отдельных аспектов общей культуры белорусов, своеобразие бытового уклада жизни нашего народа порождали специфику и оригинальность многих идей

рассматриваемого феномена. Сокровищница народной мудрости и опыта обращает внимание на зависимость общественных процессов от времени и места их прохождения: «*Што край, то свой звычай*» [15, с. 293], «*Кожнае сяльцо мае свае нараўцо*» [15, с. 294], «*Кожная сасна свайму бору песню няе*» [15, с. 290]. Своеобразие действия этих принципов в экологическом воспитании объясняется и тем, что, как справедливо заметил академик Д. С. Лихачёв, «у каждого народа свой союз с природой», и «в каждой из этих «этноприрод» свои, своеобразные взаимоотношения природы и человека» [23, с. 34].

Происходит оригинальное переплетение требований принципов природосообразности и культуросообразности. На первый план выдвигается этнонациональная специфика организации воспитательных процессов. Ф. Г. Ялалов подчеркивает, что «кроме биологической природы, существует и этническая природа человека, малоисследованная, этносоциальная сторона» [222, с. 70]. Без нее невозможно природосообразное воспитание. Поэтому ученый предлагает выделить **принцип этнической природосообразности** образования, который будет опираться на особенности этнической природы воспитанников. И это особенно уместно в этноэкологическом воспитании.

Человек постоянно вступает в определенные отношения с природным окружением, содержание и формы которых были выработаны его предшественниками и являются типичными и естественными для данной среды. Г. Ж. Фахрутдинова отмечает, «что в жизни любой страны, любой области, любого района или селения есть веками установившаяся инвариантность восприятия и осмысливания объектов внешнего мира. Вся эта сложная система отношений человека со средой, с другой стороны, формирует в человеке определенные качества и черты, которые в данной среде являются естественными, само собой разумеющимися» [223, с. 56]. В связи с этим принцип этнической природосообразности экологического воспитания в народной педагогике может рассматриваться на нескольких уровнях: местном, региональном, национальном, общечеловеческом. Таким образом, в этноэкологическом воспитании белорусов формируется ещё один аспект, который со временем обусловит педагогические подходы к решению глобального, национального и локального уровней согласно дифференциации экологических проблем на отдельные, их образующие составляющие. В содержании современного экологического воспитания требование такой его организации является основополагающим.

Вторая группа принципов, отнесенных к **универсальным**, распространяющих свои требования на многие структурные компоненты этноэкологического воспитания, отражает системные, взаимообусловленные связи между ними и подтверждает целостный характер всего воспитательного процесса. Одним из важнейших принципов этой группы является **принцип доступности**, который существенным образом дополняет народно-педагогические основы этноэкологического воспитания белорусов. Его требования непосредственно обуславливали цели, задачи, содержание, пути и средства

этноэкологического воспитания. Эти требования напрямую пересекаются с рассмотренными выше требованиями учета индивидуальных и возрастных особенностей, культуросообразности, связи с жизнью и других. Доступность часто олицетворялась с чувством меры. Народная мудрость белорусов гласила: «*Мени укусіш – лягчэй глынеш*», «*Дзе няма меры, там няма веры*» [15, с. 462], «*На ўсё ёсць мера*» [15, с. 461].

Значительная часть белорусского народного фольклора основывается на календарно-обрядовой деятельности, отображающей все поры года, природные явления, циклический характер практически всех природных процессов. Поэтому естественным проявлением природосообразности традиционной педагогической культуры белорусов является **принцип цикличности воспитания** [7, с. 105]. Цикличность свойственна всей народной культуре. В педагогической она способствовала повторяемости формируемых отношений, закреплению соответствующих знаний, умений и навыков, упрочению и совершенствованию развивающихся качеств личности.

Принцип цикличности этноэкологического воспитания через систематическую и системную повторяемость его отдельных компонентов в целом придавал результатам воспитательного процесса основательность, прочность и глубину с устойчивыми навыками и привычками природоохранной деятельности. При таком подходе требования этноэкологической культуры учитывали реальные возможности личности, были доступны и естественным образом воспринимаемы каждым, что обеспечивало их выполнимость. Современные исследователи народно-педагогической культуры белорусов отмечают: «Система взаимоотношений человека и природы, получившая необыкновенную эмоциональную окраску через календарно-обрядовую культуру, способствует тому, что каждый, глубоко прочувствовав себя в качестве неотделимой частицы природы, соответственно будет к ней и относиться. Такой подход создает естественную основу для экологического воспитания, наполняет его жизнеутверждающим смыслом, придает ему нравственно ориентированный характер» [154, с. 87].

Народное воспитание, в значительной степени опирающееся на фольклорное творчество, содержание которого обусловлено циклической повторяемостью ежегодных сельскохозяйственных процессов, религиозных и языческих праздников и сопутствующих им обрядов, подкреплялось сменой времен года: зима, весна, лето, осень («*Каляды*», «*Зялёная суббота*», «*Сёмуха*», «*Вадохрышча*», «*Купалле*», «*Ілля*» и др. [205]). Рассматриваемый аспект этноэкологического воспитания дополнялся и усиливался возрастной, жизненной цикличностью: детство, юность, зрелость, старость, которые также разделялись на отдельные периоды. Г. Н. Волков по этому поводу писал, что «программа воспитания являлась распределенной по годам, месяцам и даже дням недели» [7, с. 59].

В целом все это способствовало формированию **принципа непрерывности воспитания**, который явно определял основополагающие подходы

к рассматриваемому процессу: *«Век жыві, век вучыся», «Вучыцца ніколі не позна»* [19, с. 179]. Непрерывность этноэкологического воспитания в народной среде предполагает совокупное педагогическое воздействие самых разнообразных источников и факторов формирования этноэкологической культуры на протяжении всей человеческой жизни. Анализ этноэкологических идей народной педагогики белорусов показывает также, что рядом с принципом цикличности, а иногда и пересекаясь с ним, формировались требования принципа систематичности и **принципа поэтапности организации** этноэкологического воспитания. Постулаты народной мудрости убеждали: *«Па кропельцы – рэчка, па сянінцы – копка, а па копцы – стог»* [219, с. 402], *«Капля па каплі і камень ламае»* [19, с. 489], *«Па капельцы – мора, па травінцы – стог»* [55, с. 133].

Учитывая традиционалистический характер этноэкологического воспитания, в народе достаточно точно могли прогнозировать его результаты и перспективы, что существенным образом детерминировало подходы к его организации. С другой стороны, важно отметить, что забота о природе диктовалась не только текущими и насущными потребностями взаимоотношений с природой, в народе осознавали важность этого и для будущего: *«Не плюй у крыніцу – прыдзеца напіцца»* [219, с. 277]. Более того, через все устное народное творчество красной нитью проходит идея *«Што пакінем нашчадкам»*. Это не могло не найти соответствующего отражения в народной педагогике. Вполне закономерно, что в этноэкологическом воспитании формировался **принцип прогностичности**. Кроме проектирования результатов, сопровождающихся соответствующей коррекцией эколого-воспитательного процесса, он предполагал формирование чувства заботы каждого о сохранении среды для жизни не только нынешнего, но и будущих поколений. Особенно важным считалось развить у воспитанника умение прогнозировать последствия своих действий по отношению к окружающей среде.

Одним из важнейших принципов в этноэкологическом воспитании белорусов выступает **принцип единства рационального и иррационального**, который отражает требования синкретизма осмысливаемого воспитательного опыта с мифологическими представлениями, религиозными запретами, приметами и поверьями, занимающих значительное место в традиционной культуре. В народной педагогике иррациональные начала – фольклорно-мифологические образы (страшилки о лешем, русалках, домовом как способ управления поведением детей); приметы (*«Не чапай гняздо ластаўкі, бо будзеш рабы»* [160, с. 322] в качестве прогнозирования вероятных результатов воспитательного воздействия); обереги (*«надвеска-конік»*, *«змеевікі»*, *«купальскія зёлкі»* [31, с. 15–16]) и заговоры (*«Аб забеспячэнні здароўя»* [202, с. 153], *«Ад залатніка»* [202, с. 3238–243], *«Ад нячыстай сілы»* [202, с. 51–54] – магические практики защиты ребёнка и улучшения его качеств); календарно-обрядовые традиции (участие детей в народных праздниках и ритуалах – обрядовое переодевание в зоологические образы на *«Каляды»*, украшение

берёзы на «Сёмуху», поиск «*напараць-кветкі*» и «*скачок праз вогнішча*» на «*Купалле*») и др. – создавали эмоциональный фон, где сакральные представления, вера в силу слова, убежденность в воздаянии за хорошие дела и неотвратимость наказания за плохие поступки, значительно повышали эффективность воспитательных процессов.

Анализ формирования основных принципов этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов показывает, что этот процесс был достаточно хорошо выверен и отшлифован многовековым народно-воспитательным опытом, испытан реальной жизнью. Все его элементы объединялись в достаточно четкую целостную систему с требованием характерного для народного воспитания подхода «от простого к сложному» для решения задач экологического воспитания в целом, которые выступали центральным ядром такой системы. Жемчужины народной мудрости раскрывали структурно-содержательную сторону этой системы от постановки задач до практического их осуществления: «*На крывой дарозе наперад не відаць*» [219, с. 330], «*Без глыбокага кораня дуба не бывае*» [219, с. 83], «*Адна ластаўка вясны не робіць*» [219, с. 63], «*Без ветру і дуб не шуміць*» [219, с. 82], «*Лёгкае пярэ, ды на страху не закінеш*» [219, с. 296], «*Верабейка на зярнятку клые – і сыты, а воўк авечак цягае – і галодны*» [219, с. 110], «*Людзі і мядзведзя вучаць*» [219, с. 301]. **Принцип системности** этноэкологического воспитания белорусов как бы логически обобщал всю совокупность правил и требований к организации и реализации этого важнейшего компонента педагогической культуры белорусского народа. Исследователи народной педагогики белорусов обосновывают «построение всей народно-педагогической культуры на системности, целостности мировосприятия» [154, с. 87].

Третья группа принципов, нацеленных в основном на непосредственную организацию эколого-воспитательного процесса, поэтому и получивших название **процессуально-методических**, обосновывала установки, как нужно осуществлять этот процесс. Анализ организации этноэкологического воспитания в народной среде дает основания утверждать, что его деятельностный характер и тесная связь с реальной жизнью, органичное включение в него детей с раннего возраста, отсутствие излишней опеки способствовали развитию самостоятельности воспитанников и обусловили значительную их самоорганизацию, которая приобретала закономерный характер, благодаря чему, в свою очередь, повышалась эффективность воспитательных процессов. Поэтому в самостоятельно значимые принципы правомерно будет включить **принцип самостоятельности и самоорганизации**. Благодаря требованиям этого принципа повышается субъектность воспитанника, активизируется его мотивация, воспитательное воздействие акцентирует внимание на стимулировании детей в самосовершенствовании, создаются условия для творческого развития.

Исследователями традиционной культуры белорусского народа подчеркивается, что важнейшей функцией семьи была именно воспитательная

[224; 225]. Более того, уровень и характер общей воспитанности детей, их подготовки к жизни почти полностью зависел и от семейного воспитания. Следует также добавить, что практика семейного воспитания всегда ориентировалась на традиции народной педагогики. Экологический его аспект в этом плане не являлся исключением. Начиная с колыбельных матери («*Люлі-люлі-люлі // Прыляцелі гулі*» [204, с. 328]), сказок о растениях и животных («*Мядзведзь*» [153, с. 295], «*Лісіца і дрозд*» [153, с. 53–54]) дети постигали особенности взаимоотношений человека и природы, потом постепенно сами становились участниками таких отношений. Происходил естественный процесс гармонизации внутреннего мира личности с окружающей средой. Поэтому **принцип приоритетности семейного воспитания** в этноэкологическом компоненте народной педагогики белорусов является одним из самых значимых.

Семейное воспитание было организовано таким образом, что в сферу педагогического воздействия на детей вовлекались близкие и далекие родственники. Круг воспитательного воздействия расширялся за счет названных родственников: бабки-повитухи, крестных родителей. Активно подключались к процессу воспитания соседи, односельчане. Как отмечают современные исследователи народной педагогики белорусов, «происходила настоящая педагогизация окружающей среды. Довольно гармонично соединялись общественный характер воспитания и семейное воспитание детей» [154, с. 92]. В нашем случае развивались основы **принципа экопедагогизации** окружающей среды. Эффективность требований семейного воспитания к формированию соответствующих взаимоотношений с природой во многом объяснялась однозначностью толкования их сути и неформальной согласованностью содержательно-целевого наполнения данного аспекта воспитательного воздействия. В понимании белорусов это означало «*біць у адзін хамут*» [226, с. 53].

Следует отметить, что экопедагогизация окружающей среды реализовывалась в двух направлениях: увеличение количества воспитателей и насыщение экологически ориентированным материалом. «Принцип взаимосогласованности воспитательных усилий, – отмечает В. С. Болбас, – как бы предостерегал, что ни в коем случае недопустимы «ножницы» в воспитании, когда разными участниками этого процесса по-разному видятся цель, содержание, методы и средства воспитания» [154, с. 92]. Кстати, подобная рассогласованность является одной из основных причин неудач современных педагогических процессов, и не только в экологическом воспитании.

Естественная связь этноэкологического воспитания с жизнью обусловила формирование **принципа деятельностной организации**, на основании которого воспитанник органично включался в самые разнообразные виды игровой, трудовой, бытовой и другой деятельности, в той или иной степени эколого ориентированной. Народная педагогика эмпирическим путем доказывает, что этноэкологическая культура личности наиболее эффективно

воспитывается в процессе практической деятельности. Подтверждением тому служат народные пословицы и поговорки: «*Ляжы не ляжы, а рабіць трэба*» [227], «*Тады слова – серабро, калі справы – золата*» [17, с. 157]. В реальной жизни дети не просто оказывали помощь взрослым, а являлись полноправными участниками многих производственных процессов: работа по дому, в огородах и на полях, уход за животными, заготовка даров природы, участие в обрядах и праздниках и многое другое. Исследователями народной педагогики белорусов подчеркивается, что «представляется достаточно важным выделение принципа чередования видов деятельности, благодаря которому каждый день наполнялся разнообразными занятиями, что создавало благоприятную социально-психологическую атмосферу, наполнявшую воспитанников жизненной энергией, пробуждающую соответствующие интересы» [154, с. 90].

Образующие **четвертую группу личностно ориентированные принципы** обеспечивают эффективность этноэкологического воспитания за счет приоритетного положения личности воспитанника, влекущего за собой его адекватное отношение к воспитательному воздействию. Особую значимость и своеобразные оттенки приобретали в этноэкологическом воспитании белорусов требования **принципа единства сознания, переживания и действия**. Здесь отражается органическая взаимосвязь рационального, эмоционального и деятельностного аспектов эколого-воспитательного процесса. С одной стороны, в народе были убеждены, что прочной основой соответствующих отношений к природе является разум, сознание человека: «*Галава ўсяму галава*», «*Розум – найлепша багацтва*» [19, с. 230], «*Без ума галава калчышка*», «*Без розуму горш, чым без здароўя*» [19, с. 237]. С другой стороны, в народной педагогике воспитательное воздействие характеризуется направленностью к внутреннему миру воспитанника для стимулирования и активизации личности в достижении поставленных целей. Основной упор делался на чувственное переживание действительности. Кроме апеллирования к уму, рассудку, народно-педагогическая мудрость особый акцент делала на эмоциях, чувствах.

Таким образом, народная педагогика в этноэкологическом воспитании эффективно использует **принцип опоры на эмоционально-чувственную сферу воспитанников**. Изучая данную особенность народно-воспитательной системы, белорусский поэт Василь Витка писал, что «нельзя не поражаться художественному гению народной педагогики, которая тысячелетиями создавалась не в умственных сентенциях, а в специфически художественных формах, в полётно-крылатых возможностях образного мышления человека» [228, с. 16].

Чувственно-образное восприятие в народном воспитании часто вытесняло на второй план рационалистическое осмысление действительности. Воспитательное воздействие от этого неизмеримо возрастало, что особенно ощутимо при формировании соответствующего отношения к природе,

которая сама располагает внушительным потенциалом непосредственного влияния на эмоциональную сферу воспитанников.

Учитывая ярко выраженный деятельностный характер народного воспитания, где считалось: «*Словамі сцяну не праб'еш*» [17, с. 157], «*Не спяшы языком – паспяшы справай*» [18, с. 181], критерием этноэкологической воспитанности признавались поступки человека, его поведение в данном направлении. Также общеизвестно, что познание и переживание происходят и развиваются в деятельности. Этот принцип поэтому не допускал подмены понятия «экологическое воспитание» определением «экологическое просвещение», что нередко встречается в современной воспитательной практике. В народной педагогике благодаря этому принципу внешнее воздействие на воспитанников естественным образом трансформировалось в активизацию внутренних резервов личности по овладению экологическими знаниями, формированию соответствующих убеждений, определявших дальнейшие поступки и поведение воспитанников.

С языческих времен содержательная сторона отношений с природой была обусловлена множеством рекомендаций, запретов и табу, которые формировали соответствующие правила поведения, способы деятельности и даже направления мысли. Достаточно категорически предостерегали: «*Узнятая рука на твар жывую – адсохне, бо гэта Божая істота. Нельга падымаць руку на жывёлу, бо гэта вялікі грэх*» [229, с. 256].

Выверенные народно-педагогическим опытом обычаи, обряды и традиции создавали оптимальные условия для организации экологического воспитания детей. С малых лет дети знали, как себя нужно вести в лесу, на лугу, в поле, на болоте. Их приучали к бережному отношению к земле, животным, птицам, растениям и деревьям: «Собирая грибы, не разрушать грибницу», «Собирая ягоды, не ломать веток», «Срезая ветки березы для веника, не трогать верхушки молодых деревьев». Не разорять птичьи гнезда. Подобные правила постоянно сопровождали любые контакты человека с природным окружением. Большим грехом считалось плевать в воду, в огонь, пренебрежительно обращаться с землей (бить палкой, розгой, плетью, ковырять ногой, трогать землю в период зимнего сна), что обуславливало уважительный характер отношений к живой и неживой природе. «*Плюнь на лес, каб язык аблез*» [15, с. 70] – предостерегали в народе.

Таким образом, в народной педагогике белорусов утверждался **принцип формирования положительных привычек**, который был одним из важнейших в экологическом воспитании. С одной стороны, усвоенные ребенком экологические знания обуславливали мотивацию его участия в разнообразных, посильных видах деятельности по сохранению окружающей среды. С другой – такая деятельность обеспечивает дальнейшее становление экологической культуры воспитанника.

Деятельностный характер этноэкологического воспитания априори подразумевал активность воспитанников на всех этапах этого процесса.

В народе хорошо понимали: «*Пад ляжачы камень вада не цячэць*» [19, с. 283], «*І вада застаялая гіне*» [17, с. 189], «*Без падпалу дровы не гараць*» [147, с. 86], «*Трэба нахіліцца, каб з ручая напіцца*» [15, с. 167]. Современные исследователи справедливо утверждают, что **принцип активности воспитанников** «по существу выражал необходимое и обязательное условие эффективности воспитания. Истоки же активности в собственном самосовершенствовании виделись народной педагогикой в правильной организации соответствующего воздействия на воспитанников» [154, с. 91]. Получив определенные экологические знания и навыки, дети активно использовали их в повседневной действительности, более осмысленно наблюдали за природными процессами, расширяя тем самым содержательные основы собственной этноэкологической культуры, повышая ее уровень.

Таким образом, в народной педагогике закладывались основы личностно ориентированного воспитания. Формирование положительных привычек с опорой на активность воспитанников представляло собой прочный фундамент этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов, что в значительной степени предопределяло результативность традиционно-воспитательной системы нашего народа.

Еще с языческих времен в народе добивались желаемых результатов воспитательного воздействия благодаря его требовательному характеру. Четкие, конкретные установки, ясные, убедительные правила, направляющие любую деятельность человека, связанную с взаимодействием с окружающей природной средой, постепенно становились основой **принципа требовательности** в этноэкологическом воспитании детей. Фольклорные произведения белорусов изобилуют примерами такой требовательности: «*Як у лесе гукнеш, так адазвецца*» [15, с. 70], «*Жалеза куй, як гарачае, вучыся, як вучыцца*» [19, с. 178].

Постепенно в воспитательной практике осмысливался характер отношения воспитателей к воспитанникам. Принцип требовательности в народной педагогике белорусов, в том числе и в этноэкологическом воспитании, допускал в отдельных случаях, при явном игнорировании детьми требований взрослых, достаточно жесткие воздействия: «*Выхоўвай дзяцей, пакуль упоперак лаўкі ляжаць*», «*Хто на малога дубца шкадуе, той на сябе пятлю гатуе*» [147, с. 556]. Но в целом приходили к пониманию: «*Калі не памагае кіў, то не дапаможа і кій*», «*Добры і слова паслухае, а ліхі і кія не*» [17, с. 263]. Более того, в народе укреплялось мнение, что уважительное, доброжелательное отношение к воспитанникам принесёт положительные результаты, хоть иногда и не быстрые, но они будут значительно более основательными, устойчивыми и прочными: «*З мядком і цвік праглынеш*» [17, с. 214], «*Ад дубцоў дурнеюць, ад слоўцаў разумнеюць*» [17, с. 112], «*Ціхая вада грэблі рве*» [19, с. 300]. Так закладывались основы принципа гуманизации этноэкологического воспитания, который определял характер соответствующего отношения к воспитанникам.

Таким образом, этноэкологическое воспитание в народной педагогике белорусов в своем содержательном наполнении и процессуальном осуществлении опиралось на достаточно отлаженную, целостную совокупность принципов, значительно повышающих эффективность всего воспитательного процесса. Эти принципы имеют свои специфические особенности и несколько отличаются от соответствующих принципов академической педагогики как по сущностному пониманию, так и по отдельным оттенкам их содержания, хотя, безусловно, и являются основным источником разработки последних. Как показано выше, к таким особенностям относятся:

- ✓ выстраивание эколого-воспитательных подходов на представлении единства человека и природы как целостной системы, когда человек осознаётся её органической частью;
- ✓ убеждение о вселенской гармонии и устойчивости мира, когда люди живут в полном согласии с природой как полноправным субъектом взаимодействия с человеком;
- ✓ ориентация на непосредственное практическое применение, связанное с природоохранной деятельностью;
- ✓ направленность на эстетизацию отношений человека к природе, доходящих до менталеобразующих качеств;
- ✓ не просто учет в этноэкологическом воспитании региональных и местных условий, а его организация на базе их;
- ✓ наполнение духовно-нравственным смыслом всех природосберегающих подходов, возвышающих человека на уровень защитника, но не властелина природы;
- ✓ опора не только на рационально-умственное, но и иррационально-чувственное, значительно укрепляющее сознательно-бессознательное единение человека с природой в достижении ее гармонии и целостности;
- ✓ прогностическая обоснованность, предполагающая постоянную заботу о сохранении природной среды не только для нынешних, но и будущих поколений;
- ✓ традиционализм и преемственность, представляющие фундамент народно-педагогической системы, допускающие выверенные нововведения лишь тогда, когда они обязательно улучшат существующую реальность [217, с. 51].

Имплицитно опираясь на классическую триаду «природа – общество – человек», выработанная совокупность принципов этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов способствует концептуализации его идей, придает системность и целостность процессу их реализации в жизни и в значительной степени определяет характер и особенности методов, приемов, средств осуществления экологического воспитания подрастающего поколения.

3.2. Система методов и средств этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов

Результаты изучения этнопедагогического наследия белорусского народа подтверждают свидетельство о том, что методы народного воспитания хоть и не достигали уровня абстрактно-теоретического обобщения, однако используемые пути и способы организации процесса передачи-приобретения накопленного опыта бережного отношения к природе подтверждают существование достаточно устойчивого, объемного и целостного представления об этом компоненте народно-педагогической культуры. Исследователями подтверждается, что выбор методов воспитания в народной педагогике был не механическим и не случайным, а вытекал из общих идей народной культуры, народной философии [230, с. 14].

Слово «метод» в переводе с греческого языка означает путь исследования или познания, теория, учение [231, с. 364]. В современной энциклопедии метод определяется как «способ достижения цели или решения конкретной задачи» [127, с. 654]. Поэтому в педагогике метод выступает базовым инструментом воспитания.

В педагогической науке существуют множество трактовок понятия «метод воспитания», отличающиеся главным образом сущностными особенностями и их наполнениями. В интерпретации В. А. Сластёнина это «способы профессионального взаимодействия педагога и учащихся с целью решения образовательно-воспитательных задач» [128, с. 352]. Данное определение отображает двуединый характер педагогического процесса. Метод воспитания трактуется И. Ф. Харламовым как «совокупность специфических способов и приемов воспитательной работы, которые используются в процессе организации разнообразной деятельности учащихся для развития у них потребностно-мотивационной сферы, взглядов и убеждений, выработки навыков и привычек поведения, а также для его коррекции и совершенствования с целью формирования личностных свойств и качеств» [215, с. 304–305]. Существенным при таком понимании понятия метода воспитания является тесное взаимодействие непосредственно самого метода и приема, предполагающих воздействие на воспитанника в конкретных педагогических ситуациях, при которых акцент делается на становлении определенных качеств личности в организуемой воспитателем жизнедеятельности детей. Под приемом воспитания И. П. Подласый понимает «часть общего метода, отдельное действие (воздействие), конкретное улучшение» [232, с. 95]. По отношению к методу прием имеет частное назначение, носит зависимый характер.

Опираясь на представленный выше понятийно-терминологический аппарат данного исследования, **методы этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов** правомерно рассматривать как способы специально организованного педагогического воздействия на сознание, поведение воспитанников для достижения поставленных целей в формировании их этноэкологической культуры.

Изучение специальной литературы по проблеме исследования показало, что разработке и классификации народно-педагогических методов современные ученые уделяют много внимания. Так, Ш. А. Мирзоев, исследующий народную педагогику Дагестана, выделяет пять групп методов: методы убеждения; методы принуждения; стимулирующие методы; методы подведения итогов; методы положительного эмоционального воздействия [233, с. 67–68; 94–100]. В. И. Баймурзинова, рассматривая проблемы нравственного воспитания башкирской народной педагогики, предложила другой вариант классификации: методы словесного воздействия; методы морального воздействия; методы эмоционального воздействия; поощрения и наказания [234, с. 10]. Исследователь народной педагогики адыгов И. А. Шоров выделяет методы нравственного воспитания, которые содействуют усвоению моральных знаний; методы, направленные на накопление детьми личного опыта, формирование умений, навыков и привычек; методы эмоционального закрепления соответствующего морального поведения и сдерживающего влияния на отрицательные действия и поступки детей [235, с. 27–28]. Г. В. Нездемковская анализирует методы и приемы традиционного народного воспитания русских и выделяет следующие их группы: методы, способствующие формированию сознания и убеждений детей; методы, направленные на организацию деятельности подрастающего поколения и выработку у него привычек положительного поведения; методы, стимулирующие положительное поведение детей [236, с. 3–11].

Ученые, изучающие этнопедагогику белорусов, определяют несколько иные варианты классификации средств и методов народной педагогики. В частности, Е. Э. Кривоносова в рамках деятельностного подхода к классификации народно-педагогических методов нравственного воспитания выделяет три группы методов. Исследователь к группе методов формирования идеала народа в сознании воспитанников относит метод прямого и косвенного требования, а также метод убеждения. Группу методов организации, соответствующей национальному идеалу жизнедеятельности, образуют методы приучения и упражнения. Группа методов оценки и стимулирования поведения человека включает метод поощрения и наказания [237, с. 27]. Важнейшими средствами воспитания автор называет труд, устное народное творчество, общественное мнение, традиции, обычаи, обряды [237, с. 24–26].

Е. Л. Михайлова классифицирует белорусские народные методы и средства в контексте формирования нравственного и физического здоровья человека. Методы воспитания ученый систематизирует по признаку характера инициативы: методы инициативы «окружение “Я”»; методы инициативы «Я»; методы взаимной инициативы [238, с. 86]. В зависимости от воспитательной ориентации она делит средства народной педагогики белорусов на два блока: «практический (игра, труд) и этнокультурный, который, в свою очередь, включает вербальный подблок (сказки, мифы, легенды, пословицы, поговорки, фразеологизмы, песни, потешки, анекдоты) и традиционно-бытовой (обычаи и традиции)» [238, с. 112].

Рассматривая традиции эстетического воспитания в белорусской народной педагогике, С. Г. Туболец разработала классификацию методов и средств, ориентируясь на внутренний и внешний мир личности, выделяя интровертную группу методов, направленную на приобщение личности к миру красоты, и экстравертную, способствующую формированию умений создавать и сохранять красоту в поведении, отношениях [239, с. 18]. К средствам воспитания автор относит труд, ремёсла, язык, народное творчество, игру, праздники, традиции, обряды, эстетику поведения, быт, организацию жизненного пространства, природу, религию [164, с. 8].

Изучая народную педагогику Мозырского Полесья, исследователь И. С. Сычёва выделяет три группы методов традиционного воспитания: вербальные, практические, методы эмоционально-магического воздействия [125, с. 4–5]. К средствам традиционного воспитания автор относит духовную и материальную культуры региона, родную природу, труд и трудовые занятия местного населения [125, с. 5].

Каждая из приведенных классификаций, выстроенная по определенному основанию, имеет специфические характеристики, которые, на наш взгляд, не позволяют наиболее полно и глубоко раскрыть особенности организации этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов. Опираясь на существующие в научной среде варианты систематизации методов воспитания, учитывая его выраженный деятельностный характер в традиционной педагогической культуре белорусов, постулирующей, что эффективным является то воспитание, которое не противоречит законам природы и направлено на природоохранное и природосберегающее поведение личности, в основу предлагаемой нами классификации положена деятельностная ориентация эколого-воспитательного процесса. На этом основании методы этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов предлагается сгруппировать следующим образом: **методы развития экологического сознания; методы формирования опыта природоохранного поведения; методы стимулирования и мотивации эколого ориентированной деятельности** [240, с. 107] (приложение Д). Данная классификация в значительной степени опирается на классификации методов воспитания в разработках Ю. К. Бабанского и Г. И. Щукиной, которые современные ученые признают наиболее часто применяемыми [201, с. 104; 241, с. 67; 242, с. 33–34].

Среди **методов развития экологического сознания**, направленных на рационально-мыслительную, эмоционально-чувственную и волевую сферы личности, выделяется **метод внушения**, когда непосредственно или опосредованно оказывается, как правило, продолжительное воздействие с бóльшим акцентом на веру, чем знания. В народном воспитании он часто используется в форме поучения, наставления, совета. Эффективными средствами метода внушения на ранних этапах развития подрастающего поколения выступали колыбельные песни, потешки, пестушки, заклички, считалки: «*Ляцеў заяц, //*

Па бару, // Ірваў лебяду, // Ірваў у пучок, // Выйдзе ваўчок» [243, л. 66], *«Ляцеў сабака // Цераз мост, // чатыры лапы // Пяты хвост»* [244, л. 71]. Они давали ребенку стартовый импульс для развития чувственного и познавательного отношения с окружающим миром, прививали любовь к природе, веру в волшебную силу природной гармонии.

С возрастом акцент смещается на представление о мироустройстве и месте человека в нем. Существенным в реализации данного метода было использование приемов «вживания в образ», очеловечивания и одушевления природы, о чем свидетельствуют различные жанры устного народного творчества (легенды, поверья, мифы, сказки и др.). К примеру, в народе существовало поверье, что аист произошёл от человека, которого Бог наказал за непослушание, превратив в птицу, и приказав всю жизнь собирать и уничтожать злых животных – гадов [209, с. 350]. Персонификация и очеловечивание живых существ развивали идею глубинной, сакральной связи природных объектов с человеком, поэтому родители внушали детям: *«Бусел – гэта божжыя пціца. Яго нельзя крыўдзіць. Бусел – гэта спасіцель чалавека»* [54, с. 255]. Все это формировало в сознании детей необходимость природоохранного поведения, заботу о представителях природы и о непричинении им вреда.

Среди методов развития экологического сознания были широко распространены **беседа, рассказ, объяснение**, которые обогащали духовный мир ребенка конкретными экологическими представлениями, способствовали осмыслению основных понятий (доброта, красота, любовь, долг, уважительность, бережливость) – важнейших нормативно-оценочных категорий экологического сознания. Простые и понятные, в то же время яркие и запоминающиеся беседы помогали усвоить экологическую обусловленность прекрасного в естественной среде, делать элементарные умозаключения о целостности природы, зависимости ее процветания от человека. Воспитательное воздействие усиливалось с помощью параллелей, отражающих в эмоционально-окрашенной форме гармоничные отношения между людьми и природой: *«Гаспадыня, як мурашачка»* [159, с. 359], *«Даўганогі, як бусел»* [159, с. 362], *«Дзеўка, як вішня»* [159, с. 362], *«Любяцца, як галубы»* [159, с. 369], *«Сінія (вочкі), як васілёчкі»* [159, с. 380].

В ходе рассказа использовались разнообразные приемы воспитания: ассоциации, описание, сравнение, выделение главного, сопоставление и др. Начиная с первых лет жизни, родители уделяли особое внимание знакомству ребенка с разнообразием природных явлений и объектов, создавали образное представление об окружающем мире. По мере взросления детей рассказы приобретали все более поучительный, познавательный, морально-оценочный характер. К примеру, используя прием сравнения, через сюжет сказки *«Железная галава і кот»* [209, с. 60–61] ярко и образно демонстрировались как положительные, так и отрицательные персонажи, раскрывались такие их личностные качества, как доброжелательность, взаимопомощь, совесть,

любовь к природе родного края, а также негативные черты – жадность, лживость и лень. Такие рассказы, наполненные экологическим содержанием, помогали не только понять и усвоить значение плохих и хороших поступков по отношению к природе, но и расширить сферу знаний о способах защиты окружающей среды.

Для уточнения, закрепления, расширения знаний о природе (о местном биологическом разнообразии, способах их применения, значении, зависимости здоровья человека от окружающей среды) использовался метод объяснения: *«Добрае здароўе лепш за самае вялікае багацце»* [200, с. 30], *«Той здароўя не ўважае, хто хваробы не знае»* и т. п. [19, с. 212].

Значимое место в развитии экологического сознания занимает **метод убеждения**, который, опираясь на доказательства и аргументацию, раскрывает необходимость соответствующих эколого ориентированных действий. Метод убеждения реализовывался при помощи различных приемов: показ образца поведения и способа действия, а также в виде доказательств. К примеру, народная мудрость в доступной форме убеждала, что тот, кто соорудит новые гнезда на крышах домов или в хозяйственных постройках, будет подкармливать птиц, совершит благородный поступок [245, с. 52, 122, 281].

Воспитывая ответственность, осознанность, отзывчивость и доброжелательность – ключевые качества личности, белорусы активно использовали метод разъяснения, передавая знание о продуманных поступках с предсказуемыми последствиями и подчеркивая важность следования этим принципам. Особое место в этом контексте отводилось домашним животным, среди которых корова занимала привилегированное положение в крестьянском хозяйстве. Крестьяне были убеждены, что хороший уход и бережное отношение к домашнему скоту приносит пользу: *«Калі добрая карова, дык і ўся сям'я здарова»* [246, с. 166]. По этой причине корову нельзя оскорблять и проклинать, также недопустимо было бить ее, особенно по носу, аргументируя это тем, что *«нават ад пстрычкі яна можа скінуць цяля»* [160, с. 334].

В этноэкологическом воспитании белорусов широко использовался **метод примера**. Г. В. Нездемковская утверждает: «Если сравнивать воздействие на сознание ребенка слова и примера, то последний будет более эффективным, т. к. дело является более конкретным и наглядным» [236, с. 5]. Психологической основой примера служит подражательность [128, с. 360]. Народная педагогика учитывала предрасположенность детей к подражанию и наделяла его исключительной воспитательной силой. Не случайно белорусы говорили: *«Бацька – рыбац, і дзеткі ў ваду глядзяць»* [200, с. 86], *«Што робіць воўк, тое і ваўчаныя»* [200, с. 248].

Примеры для подражания брались из повседневной жизни, произведений устного народного творчества, социальных стереотипов поведения. Нравственно-эстетический облик родителей, их доброжелательность к природным объектам, бережное отношение к естественным ресурсам, а также

яркие образы народных героев, воплощающие эталоны мужества, патриотизма, милосердия и отзывчивости, служили примерами для детей и способствовали активному формированию у них экологических взглядов, суждений, убеждений и чувств, а также способов природоохранной деятельности.

Примеры обладали большой наглядностью и мощной силой эмоционального воздействия на формирующуюся личность. Так, личный пример родителей показывал, как мать и отец заботятся о культурных растениях и домашних животных. Опираясь на реальные образцы поведения и через подражание действиям, этот метод учил понимать необходимость заботливого отношения к живым существам: *«Добрае слова і кату прыемна»* или *«Шануй каня дома, а ён цябе ў дарозе»* [219, с. 489]. Подражая семейным нормам и правилам поведения, ребенок со временем занимал позицию защитника природы, осознавая, что *«пры добрым падыходзе і кот гарчыцу есць»* [219, с. 489].

В народной педагогике эффективно использовали и отрицательные примеры с целью предостережения о недопустимости проявления нежелательных поступков, а также для развития и совершенствования сознательности и морально-нравственных качеств личности. Влияние и последствия отрицательных образцов поведения в окружающем мире отчетливо показаны в легенде *«Жывая вада»*, когда был уничтожен живительный источник, поэтому сейчас *«на месцы крыніцы заўсёды кропля за кропляй сочыцца вада, быццам слёзы на загубленым шчасці»* [195, с. 364–365]. Этот наглядный пример, воплощающий глубинные экологические установки народного сознания, передавался из поколения в поколение, формируя гармоничное сочетание эмоционального, познавательного и рационального отношения к природе.

Одним из важнейших методов развития экологического сознания в народной педагогике белорусов выступает **метод наблюдения**. Суть и назначение его состояли в организации процесса наблюдения воспитанников за объектами и явлениями окружающей действительности. Данный метод строился на основе чувственного познания, которое осуществлялось посредством разнообразных органов чувств: зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания. Так, в процессе наблюдений у детей формировались конкретные, чувственные, экологически значимые представления об окружающем мире.

Воспитанники через знакомство с природными объектами и явлениями, проявление интереса к окружающему миру учились различать и выделять характерные закономерности в природе: *«Калі вечарам чыстае неба, а далёка бліскае не маланка, а зарніца, то будзе харошая пагода»* [180, с. 20], *«Заходні і паўднёвы вятры паказваюць улетку на дождж і навальніцу, а узімку – на адлігу і снег»* [180, с. 18] и др. В процессе знакомства с фауной дети учились различать и узнавать голоса животных и птиц. (*«Якая пташка, такі і галасок»*, *«Кукуля кукуе, што свайго гнязда не мае»*, *«Сарока шчабеча – госця жджэ»*), различать формы поведения (*«Воўчая натура –*

у лес цягнець», «Воўк казе не таварыш», «І жаба ў вадзе сядзіць, а не рыба») [160, с. 291; 20; 46; 170].

Важно отметить, что метод наблюдения способствовал также выработке познавательных умений: полно и разносторонне воспринимать природные предметы и явления, подмечать различия и сходства в объектах, устанавливать взаимосвязи и причинные отношения в окружающей действительности: «Жураўлі ляцяць высока – зіма яшчэ далёка» [15, с. 72], «Гарачае лета звычайна змяняецца мокраю і халоднаю восенню» [201, с. 211].

В частности, через организацию систематических наблюдений наши предки с детства развивали у детей способность ощущать характер и изменчивость природных явлений, соотносить сезонные изменения с метеопрогнозами, выстраивать между ними причинно-следственные связи. При этом многократное обращение к одному природному объекту или явлению формировало у детей умение концентрироваться на наблюдении, выделять существенное, проводить сравнение и анализ, что способствовало образному восприятию действительности и развитию наблюдательности. Например, по особенностям погоды в одном сезоне делали прогнозы на следующий: по зиме определяли характер будущего лета («Сухое марознае надвор’е ў снежні паказвае, што ліпень будзе спякотны з яснай пагодай» [160, с. 41]), а по лету – погоду на ближайшую осень («Гарачае лета звычайна змяняецца мокраю і халоднаю восенню») [201, с. 211].

Профессор В. С. Титов, изучая материальную культуру белорусов, достаточно полно оценил роль этого метода: «Натуралистические наблюдения за сезонными изменениями – пробуждением весенней флоры, цветением и плодоношением растений, прилетом или отлетом различных птиц, поведением животных и насекомых, фазами луны, состоянием погоды в определенные дни и т. п. – увязывались в едином ритме природного и человеческого бытия, соединялись в цепочки опричиненных взаимосвязей и содержали множество полезных советов и прогнозов, необходимых в повседневной жизнедеятельности» [247, с. 123].

Необходимо особо подчеркнуть, что рассмотренные элементы экологической культуры, формировавшиеся у воспитанников в процессе организованных наблюдений, служили фундаментом для становления их ценностных ориентаций и мировоззренческих установок по отношению к природной среде, одновременно развивая воображение и образное восприятие мира. Получаемые экологические знания и навыки, перерастая в более глубокое понимание природных закономерностей и целостной картины мира, через практику любования природой и вербального выражения своего отношения к её наиболее выразительным проявлениям, вызывали у детей эстетическое наслаждение, которое не только формировало потребность в восприятии окружающей среды, но и порождало эмоционально-оценочное отношение к природным объектам, стимулировало развитие эстетических чувств, проявляющихся в способности видеть и чувствовать красоту даже в самых

обыденных природных явлениях, пробуждало сопереживание ко всему живому, воспитывало милосердие и любовь к родной земле, именно поэтому в народной традиции сохранились такие выразительные пословицы, как «Грибокъ, грибокъ, выстаў лабокъ: я тябе пацалую – табѣ каряшекъ, а мнѣ шапычка» [248, с. 23], «Сонца грэе – душа млее» [15, с. 52], отражающие эту глубокую эмоциональную связь человека с природой.

На основании вышеизложенного можно заключить, что представленная совокупность методов этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов эффективно использовалась при организации педагогического воздействия воспитанников по достижению эколого-воспитательных задач, ориентированных на гармонизацию взаимоотношений человека с природой, формирование экологического сознания личности. Накапливаемый веками опыт становления экологического сознания структурировался в соответствии с иррациональной и рациональной составляющей миропонимания, элементами материальной и духовной культуры, хозяйственной деятельности.

Суть и назначение **методов формирования опыта природоохранного поведения** состояли в закреплении и совершенствовании народно-экологических знаний, убеждений, взглядов и идей, в развитии эколого-ориентированных умений и навыков и трансформации их в практическую природоохранную и природосберегающую деятельность. Наши предки были твердо убеждены, что именно конкретные дела и поступки формируют требуемый тип поведения человека и определяют уровень экологической воспитанности личности. Народная мудрость утверждала: «Да ўсяго трэба практыка» [15, с. 148], «На ўсё спосаб знойдзецца» [15, с. 148], «Дзе сілаю не зробіш, то спосабам» [188, с. 127]. По сути, именно методы этой группы непосредственно определяли результативность эколого-воспитательного процесса в народной педагогике белорусов.

Основополагающее место среди них занимали **методы приучения и упражнения**. В. С. Болбас заключает, что «традиционалистический характер народной педагогики выдвигал на первый план метод упражнения или приучения» [145, с. 169]. Автор подчеркивает, что устойчивые убеждения приводят к соответствующему поведению путем их закрепления определенными привычками. В народной педагогике белорусов метод приучения реализовывался через систему взаимосвязанных воспитательных приемов, включавших четкие указания к конкретным действиям, практическую демонстрацию с подробным разъяснением правильных способов поведения, обязательное пояснение целевого назначения и ожидаемого результата выполняемых действий, их многократное систематическое повторение под постоянным контролем со стороны воспитателей, при этом показателем успешного формирования устойчивых навыков служили естественно закрепившиеся в повседневной жизни поведенческие стереотипы, которые проявлялись автоматически без дополнительного внешнего побуждения. В связи с этим первостепенное значение в реализации метода приучения придавалось

организации регулярного выполнения детьми определенных действий и поступков, которые тем или иным образом касались отношений, связанных с окружающей естественной средой: уход за растениями и домашними животными, забота о дикой природе. Одобрялась любая практическая деятельность: «*Шануй каня дома, а ён цябе ў дарозе*» [17, с. 104], «*Праз сілу і конь не вязе*» [18, с. 100]. В. А. Федотов подчёркивает, что «повторяющиеся формы деятельности людей приобретали традиционный характер, они передавались из поколения в поколение, воспитывали для общества необходимые привычки, которые выступали регуляторами поведения людей» [249, с. 9].

Метод приучения органично вписывался в трудовую деятельность детей, которую с полным основанием можно рассматривать в качестве самостоятельно значимого метода этноэкологического воспитания. «*Трэба нахіліцца, каб з ручая напіцца*», – констатировала народная мудрость [200, с. 9]. Организация производительного труда детей в естественных, природных условиях, непосредственно насыщенных природоохранным содержанием, сопровождаемых при этом параллельным воздействием иных этноэкологических методов, существенно повышала эффективность всего процесса, поэтому небезосновательно отечественные исследователи К. А. Куликович [250], Е. Л. Михайлова [238], А. П. Орлова [251], Е. И. Сермяжко [252] называют труд основой, ядром, стержнем народной педагогики белорусов: «*Як даглядаў, так і бог даў*» [253, л. 35], «*Пры добрым падыходзе і кот гарчыцу есць*» [219, с. 327], «*Як гаспадар каля жывёлы мучыцца, то жывёла ручыцца*» [254, л. 58].

Как подчеркивалось выше, эффективным средством этноэкологического воспитания являлся производительный труд, который у белорусов традиционно был тесно связан с природой и мог выступать не только в роли метода, но и в качестве средства, формы и даже цели воспитания. Многие этноэкологические знания, умения и навыки, а также экоориентированные качества личности формировались в процессе сельскохозяйственной деятельности. Основой основ данного направления являлась любовь и почитание земли: «*Зямля святая ўсё прымае*» [15, с. 52], «*Такая зямля добрая: пасадзі аглоблю – калёсы вырастуць*» [147, с. 502]. Нельзя не согласиться со следующими выводами современных исследователей: «Сакрализация земли как первоосновы человеческого бытия в автохтонной традиционной культуре восточных славян обеспечивает вселенскую гармонию триады “человек – природа – космос”» [43, с. 59]. Традиционное земледелие, отношение к земле во многом предопределили ценностно-смысловую и сущностно-содержательную направленность этноэкологической культуры белорусского народа.

Необходимо особо отметить, что эффективному формированию экологически ориентированных привычек в белорусской этнопедагогической традиции способствовала ориентация на практическую передачу эмоционально-ценностного опыта, отражавшего глубокие эстетические идеалы народа, что реализовывалось через систему выразительных народных сравнений: «*Выга-*

даваць, як кветачку ў садочку» [255, с. 400], «Дзеўка, як кветка красна» [255, с. 405], «Крэпкі, як камень» [255, с. 412], «Любяцца, як галубы» [255, с. 413], «Маладзіца, як брусніца» [255, с. 414], которые, аккумулируя многовековой опыт наблюдений за природой, стимулировали выполнение эмоционально насыщенных действий – эстетического наслаждения природными красотами, глубокого созерцания её форм и красок, что в свою очередь формировало осознание необходимости гармоничного взаимодействия с окружающей средой и её сохранения как для современников, так и для потомков.

Особую роль среди методов формирования опыта природоохранного поведения в народном воспитании принадлежит **играм**. В народной педагогике игру целесообразно относить именно к этой группе методов. А. И. Орлова справедливо отмечает: «Потенциал народной игры состоит в многофункциональной значимости и универсальности этого вида деятельности, который направлен на воссоздание и усвоение социального опыта народа, в котором расширяются представления детей, формируется эмоционально-ценностное отношение, а также складывается и совершенствуется характер поведения личности по отношению к малой родине, семье, родной природе и т. п.» [256, с. 7].

Белорусские народные игры разнообразны по своему содержанию и организации. Сопровождая ребенка с колыбельного периода, игры удовлетворяли его физиологические, духовные, экологосообразные потребности, со временем игра становилась главным занятием ребенка, благодаря которому дети приобретали экологические знания и опыт, у них закладывались основы природоохранного отношения к окружающему миру. Для самых маленьких детей были предназначены забавы («Сарока-варона кашу варыла» [257, с. 428], «Шоў клоп па сцяне» [257, с. 429–430]), потешки, считалки («Ходзе буська па балоту, // Ён шукаў сабе работу, // Шукаў, шукаў, не найшоў, // І заплакаў дэй пайшоў» [258, л. 11]), колыбельные («Баю-баюшкі-баю // Баю, Ганначку, маю! // Прыйдзі, коцік, начаваці // Маю дзетаньку качаці»; «Ой, люлі-люленькі // Прыляцелі гуленкі» [259]). Характерной особенностью данного пласта народной культуры было слияние в одно целое мелодии, ритма, игровых действий, а также сюжетной линии, в основе которой лежали примеры из жизни животного мира, способствующие развитию экологического мышления, формированию правильного понимания окружающего мира, расширению кругозора, воображения, внимания, памяти, активизирующие эколого ориентированную познавательную активность и соответствующую деятельность.

Традиционные игры имеют четко выраженный поучительный характер. Игры «Рэдка» [257, с. 98], «Мак» [257, с. 120], «А мы сеялі, сеялі вянок» [257, с. 122–125] раскрывали сезонные особенности растений, стадии их развития. Игра «Крумкач» ориентировала на бережное отношение к сельскохозяйственным видам растений [257, с. 325]. Так, в ходе игры участник-ворон (крумкач) следил и наказывал детей за поломанную капусту, вырванную

морковку, потоптанный горох и др. Широкое распространение имели игры, в которых дети подражали животным: «Шчука» [257, с. 311], «Воўчы хвост» [257, с. 311], «Мышка і кот» [257, с. 313], «У зайца» [260, с. 202–203], «Воўк і оўцы» [260, с. 220], «Пастушок і авечкі» [257, с. 383–384], «Овечка» [257, с. 220], «Гусі» [257, с. 219]. Особое место среди них занимали театрализованные игры «Вяджэнне казы» [257, с. 73–75], «Мядзведзь і дзяцел» [260, с. 83–84], «Мядзведзь» [261, с. 9–10], «Каза» [261, с. 8–9], где в роли главных персонажей выступали образы животного мира. Эти игры выполняли важную познавательную функцию, позволяя детям через многогранное воспроизведение образов (мимику, пластику, звукоподражание) глубоко изучать повадки и особенности различных представителей фауны, усваивать природные нормы и ценности как лично значимые. Применение специальных атрибутов и масок в игровом процессе усиливало эмоциональное восприятие и способствовало развитию нравственно-эстетических качеств: отзывчивости, доброты, взаимопомощи. Отдельную группу составляли игры типа «Анёл», «Зявалка» и «Пташкі», которые через механизм точного подражания (копирования движений, воспроизведения птичьих голосов) целенаправленно развивали когнитивные способности – наблюдательность, познавательную активность и сообразительность, закладывая основы экологического сознания.

В основе игровых действий лежат знания отличительных особенностей, подражания привычкам и повадкам зверей, имитация голосов животных и птичьего пения. Многие игры – «Рыбалоў» [261, с. 6–7], «Конная язда» [257, с. 423], «Стралянка і паляванне» [257, с. 422–423], «Конік» [257, с. 425] – воплощали взаимоотношения человека с природой, отражали умения правильного и бережного отношения к животному миру, проявления доброжелательности к живым обитателям. На ласковое обращение и любовь к растительному миру ориентирует игра «Грушка» [262, с. 186], вызывающая эмоциональные чувства участников.

Благодаря играм знания и навыки детей непосредственно обогащались сведениями о видовом разнообразии природного мира, повадках животных, а вхождение в образ природного представителя (зверя, рыбы, птицы, насекомого, дерева, растения) усиливало эколого ориентированную мотивацию собственного поведения.

Особый пласт народно-педагогической экокультуры создавали игры, направленные на воспитание почтительного отношения к природным объектам, творческого воображения, способностей к художественному замыслу, развитие чувства ритма и красоты движений. «Гуканне вясны» [257, с. 138], «Іздзе вада» [257, с. 115–116], «Збор зёлак» [257, с. 179], «Іван Купала» [257, с. 179–180], «Ляля» [257, с. 157–158], «Свята агню» [257, с. 191] – игры, отражающие национальные традиции, обычаи. Они насыщены богатым фольклорным материалом (песенки, стишки, считалки), яркими персонажами, интересными диалогами, динамическими событиями: «Із-за лесу вылятае / Птушачка пушыстая, / Гарманіст сядзіць іграе, / Як сярэнь душыстая» [263].

Большинство традиционных белорусских игр проходило на лоне природы. Их подбор осуществлялся в соответствии с сезоном года и был направлен на укрепление и развитие организма человека. В игре ребенок имел возможность не только вступать во взаимоотношения со сверстниками, но и активно приобретать знания, осваивать нормы и правила поведения в окружающей среде («*Рыбакі і рыбы*» [257, с. 320], «*Водны спорт*» [257, с. 425–426], «*Лёгкая атлетыка*» [257, с. 426], «*Вадзіца*» [257, с. 426–427]).

Таким образом, традиционные белорусские игры обладают огромным эколого-воспитательным потенциалом, который одновременно воздействует на рациональную и эмоциональную сферы личности, способствует эффективному воспитанию у подрастающего поколения экологически осознанного и ответственного отношения к природе. Белорусский исследователь Н. В. Самерсова, характеризуя традиционные игры в качестве одного из средств передачи этносом своего эколого-культурного опыта, заключает: «Эколого-педагогическая ценность народных игр состоит в том, что в них происходит передача конституирующих человеческих качеств, мотивации деятельности в условиях окружающего мира на основе рефлексии исторического опыта народа» [123, с. 62]. Имплицитно вписанные в народные игры ценностные ориентации этноэкологической культуры белорусов самым естественным образом становились основой формирования личной этноэкологической культуры ребенка.

Третьей группе методов стимулирования и мотивации эколого ориентированной деятельности и соответствующего поведения личности отводится особое место, ибо они не просто логически завершают процесс этноэкологического воспитания, а практически решают его задачи на протяжении всей человеческой жизни. Причем в народе наряду со стимулированием положительных тенденций природоохранного поведения не менее эффективно использовались всевозможные табу и запреты на недопустимые или нежелательные поступки человека в природной среде. Особенно убедительно все это отражают весьма распространенные методы **поощрения и наказания**. С их помощью корректируется поведение детей, складывается умение отличать хорошее от плохого, дозволенное от запретного, формируется у воспитанника готовность к активному послушанию.

Для активизации деятельности в определенном направлении в народе использовали различные формы поощрения: одобрение («*Добра рабі, і добра будзе*» [200, с. 83], «*Хто зямлі дае, таму і зямля дае*» [15, с. 122]), похвалу («*Кожны цыган сваю кабылу хваліць*» [18, с. 256], «*Конік маленькі, ды даражэнькі*» [18, с. 256]), материальное вознаграждение (игрушка, сладости, желаемый подарок и т. п.). Следует подчеркнуть, что метод поощрения и соответствующие ему средства традиционно использовались с достаточной сдержанностью. «Считалось, что лучше недохвалить, чем перехвалить, иначе будет создаваться благодатная почва для формирования таких качеств, как горделивость, чванство и др., поэтому характер воспита-

тельного воздействия был сдержанным и строгим» [208, с. 112], – утверждают исследователи народной педагогики белорусов.

Кроме того, народно-педагогическая мудрость ориентирует на активное использование **методов наказания** с внушительным арсеналом всевозможных средств и форм от осуждения, упреков и высмеивания недостатков до физического воздействия на воспитанников. Недвусмысленно ориентировали на это многие народные паремии: *«Хто на малага дубца шкадуе, той на сябе пятлю гатуе»* [147, с. 556], *«Дасі дзецям волю, адбярэш долю»* [19, с. 132], *«Прырода была для нас кнігай, а бізун – пяром»* [264]. Понимая, что при применении наказаний нужно также соблюдать меру и использовать их вдумчиво и избирательно: *«Не паможа кіў, не дапаможа і кій»* [265]. С этой целью чаще использовались предупреждения, предостережения, осуждения, угрозы и запугивания: *«Не плюй у агонь, перасцерагаюць дзяцей, – бо на том сьвеці будзеш лізаць гарачую сковараду»* [160, с. 300]. Особенно эффективными средствами этноэкологического воспитания при этом были народные приметы и поверья. Так, например, считалось: *«Хто разбурыць ластаўчына гняздо, у таго на твары будзе рабацінне»* [55, с. 118], *«Хто сякеть дуба, таму здароўя нялюба: извирня ни тсякеть и пястоў ни развядеть»* [248, с. 26]. Важно отметить, что народная педагогика предостерегала от злоупотребления всевозможными наказаниями, запугиваниями, страхами и недвусмысленно заключала: *«Не сілай бярэ, а розумам»* [200, с. 42].

Особенно действенным методом рассматриваемой группы является **метод общественного мнения**. Его влияние на воспитанника обусловлено рядом факторов. Во-первых, являясь совокупным выражением суждений, идей, взглядов окружающего социума, общественное мнение выступает эффективным элементом убеждения и психологического воздействия на личность; во-вторых, его влияние осуществляется постоянно, систематически, оперативно и непрерывно; в-третьих, объективность общественного мнения ни у кого не вызывает никаких сомнений, именно степень доверия к нему и порождает его эффективность как воспитательного метода.

Общественное мнение органично дополняло семейное воспитание и часто контролировало его: *«Добрае дзіця бацькоў думкі згадае»* [17, с. 118], *«З мамінае пэсні засмяўся, – як без галавы застаўся»* [17, с. 121], *«У харошай сям'і хто каваль, хто стругаль і няма няўмекі»* [17, с. 136]. Для народно-педагогической культуры белорусов характерно активное участие в воспитании детей кровных и названных родственников, соседей, односельчан: *«Не слухаў бацькі і маткі – няхай людзі вучаць»* [19, с. 136].

Следует отметить, что в этноэкологическом воспитании общественное мнение проявляется в трех функциях: директивной, консультативной и контрольной. Благодаря общественному мнению формировались традиционные стереотипы, охватывающие привычные каноны восприятия окружающей среды, мысли о природном мироустройстве и соответствующем поведении в социоприродной среде (*«Лес і вада – родныя брат і сястра»* [15, с. 70],

«Няма вярнейшага друга за сабаку» [160, с. 607], «Вадица – царица, красная дявица, слаўная свичарика» [248, с. 14]). Именно стереотипы этноэкологического сознания белорусов через устойчивость групповых экологических ценностей и норм, а также самобытной оценки эмоционального отношения к природе и ее объектам обуславливали особенности этноэкологической культуры нашего народа.

Этноэкологическое воспитание в народной педагогике белорусов достаточно широко опиралось на **метод требования**. В силу особого авторитета воспитателя, постоянной опоры воспитания на его указания этот метод в народной педагогике логично отнести к третьей группе. С помощью метода требований в максимально доходчивой форме детям доводилась суть, содержание и необходимость выполнения или торможения тех или иных действий с целью достижения оптимальных результатов экологосообразной деятельности. Как отмечает основоположник белорусской национальной историографии М. В. Довнар-Запольский, вообще в белорусской народной традиции требования, воля старших являются священным для всего семейства [266, с. 56]. Задействованные мотивационная и чувственная сферы деятельности, прямые («*Пі халодную воду, не будзеш хварэць да роду*» [19, с. 82], «*Хораіша ступай, не мні ягадкі, не вырывавай з корнем, а то ягадкі абідзяцца і на наступны год не вырастуць*» [267]) или косвенные требования («*Не карміў карову буракамі, не паішцеі за быкамі*» [268, с. 87], «*Ганарліваму котка на грудзі не ўскочыць*» [269], «*Белая зямля не народзіць тиана*» [268, с. 74]) в сочетании с доброжелательным отношением к воспитанникам развивают у детей волевые качества, позволяющие добиваться поставленных целей.

Эффективность этого метода также часто обосновывалась проведением аналогий с примерами из природного мира: «*Скрабло цвёрдае, а конь яго любіць – бацькава цвёрдае слова дзетак быць людзьмі вучыць*» [17, с. 133]. Как отмечено выше, ориентация народной педагогики на требовательность к детям не допускала чрезмерной, доходящей до пестования любви к детям, ибо белорусы твердо убеждены: «*З пястуна нічога не будзе*», «*Чым больш кошку гладзіш, тым больш горб падымае*» [15, с. 37]. Современный исследователь народно-воспитательных традиций Л. В. Ракова подчеркивает, что белорусы старались скрывать, прятать проявления любви к детям, «боясь нарушить воспитательный процесс» [225, с. 277], хотя в целом «основной заботой родителей с древности было доброе и «цнатлівае» воспитание детей в соответствии с идеалом» [270, с. 278].

Учитывая склонность детей к состязательной деятельности, народная педагогика белорусов активно использовала **метод соревнования** или его отдельные элементы для стимулирования и активизации эколого ориентированной деятельности воспитанников. Причем это в одинаковой степени касалось всех видов деятельности: от интеллектуально-познавательной до творчески-производительной. Соревноваться могли и в отгадывании народных

загадок, и в изготовлении кормушек для птиц. Благодаря этому методу у детей развивались инициатива и творчество, вырабатывалось стремление к приобретению новых знаний, умений и навыков, а также важных личностных черт и качеств. Особую ценность представляют коллективные соревнования, которые у воспитанников непосредственно формируют такие черты и качества личности, как общинность, коллективизм, взаимовыручка и др. Духом соперничества, соревновательности, стремления к первенству насыщены многие белорусские игры («Свіння» [257, с. 150], «Вяджэнне і пахаванне “стралы”» [257, с. 151–154], «У мядзвездзя на бару» [257, с. 183–184], «Гуські» [257, с. 257]). Количественные и качественные результаты трудовой деятельности детей часто сопоставлялись взрослыми и в среде сверстников, что являлось действенным стимулом дальнейшей активизации выполняемых дел.

Опираясь на материалы фольклорного архива студенческой научно-исследовательской лаборатории «Фольклористика и краеведение» Брестского государственного университет им. А. С. Пушкина, исследователи обогащают представления о методах этноэкологического воспитания белорусов. Обосновывая конкретно-личностную ориентированность народно-воспитательных методов, они подчеркивают, что, например, «все народные колыбельные песни адресны, и один из адресатов – ребенок, которого всегда называют по имени» [271, с. 112]. Авторы акцентируют внимание на самой тесной связи детского фольклора с миром природы и описывают применение метода поощрения у животных, когда лиса-мать одаряет своих деток-малюток сладостями [271, с. 110–111].

Анализ организации этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов показывает, что при всем многообразии воспитательных методов их эффективность виделась прежде всего в правильном их выборе: «За камаром не ганяйся з тапаром» [19, с. 450], а также (что еще важнее) в умелом использовании конкретного метода в зависимости от разных условий: «Каменем можна касу навастрыць, а можна і затупіць» [272]. Комбинированное, комплексное использование многочисленных взаимообогащающих методов, насыщенных разнообразными средствами народного воспитания, и создавали самобытную воспитательную систему, эффективность и результативность которой проверена жизнью и временем.

Особое своеобразие процессу этноэкологического воспитания придавали традиционные средства осуществления этого процесса (приложение Е). Их главный и неиссякаемый источник – это устное народное творчество. Не случайно народная педагогика – это во многом фольклорная педагогика. Нельзя не согласиться с выводами современных ученых, считающих, что «древнейшим и главнейшим средством воспитания, которое создала многовековая воспитательная практика народа, является родное слово» [251, с. 8–9].

Педагогический потенциал устного народного творчества белорусов выразительно раскрывается в **пословицах и поговорках**, в которых отражен

практически весь социально-исторический опыт народа, его мировоззрение, достижения экологической культуры, вся философия жизни. «У прыказкі праўда святая» [17, с. 158], «Без прымаўкі і прыказкі гаворка, што ежа без солі» [17, с. 158], «Прымаўкі і прыказкі – мудрай мовы прывязкі» [251, с. 10], – констатировала народная мудрость. Основанные на живом, разговорном языке, они очень метко и доходчиво передают этноэкологические и этнопедагогические идеи. В емкой, общедоступной форме приобщают к разнообразным народно-экологическим знаниям:

✓ о растительном мире – «Вясною лес адзенеца, а восенню нявесь годе падзенеца» [17, с. 77], «Дзе кветка, там і мёд» [17, с. 80], «Не было нас – быў ляс, і не будзе нас – будзе ляс» [15, с. 69];

✓ о животном мире – «Рак не рыба, кажан не птушка» [17, с. 65], «Воўк кожны год ліняе, але нораву не мяняе» [17, с. 61], «Усе птушкі крылі маюць, да не усе лятаюць» [17, с. 65], «І жывёла розум мае, дарма, што не гаворыць» [273, с. 44], «Сава не ўродзіць сакала» [147, с. 465], «Воўк сабаку не радня» [17, с. 53], «І жаба ў вадзе сядзіць, а не рыба» [17, с. 65];

✓ об общих природоведческих представлениях – «Ціхія воды глыбокі» [17, с. 57], «Агонь з вадю не дружыць» [17, с. 58], «Дзе вада, там і вярба» [15, с. 58], «Ад іскры і вада можа загарэцца» [15, с. 60];

✓ о здоровье человека – «Плюй на ўсё – беражы здароўе» [147, с. 439], «Здаровы багатаму варты» [200, с. 166], «Не той дужы, хто коней стрымлівае, а той хто, стрымлівае самога сябе» [18, с. 169];

✓ о традиционных сельскохозяйственных знаниях – «Калі ўлетку дождж рэдка бываець, тагды ў вулі мёд прыбываець» [17, с. 84], «Ранняя вясна – шмат вады» [17, с. 75], «Ні ў сакавіку вады, ні ў красавіку травы» [17, с. 77], «Красавік з вадю – май з травю» [17, с. 79], «Угноім зямліну – знімем пшаніцу» [15, с. 121].

Эффективность воспитательного потенциала пословиц и поговорок достигается использованием гипербола, литот, специальным преувеличением или преуменьшением отдельных моментов с целью концентрации внимания на определенных явлениях: «Мурашка невялікая, а горы капае» [15, с. 169]. С помощью иронии высмеиваются негативные качества: «Пакуль гром не загрыміць, мужык не перахрысціцца» [147, с. 417], «Тады чалавек памысліць мусіць, як свая вош укусіць» [274, с. 85], «Хутчэй бусел жарабя народзіць, як ён гэта зробіць» [268, с. 215].

Также посредством народных пословиц и поговорок животным приписываются многие общечеловеческие качества, что подчеркивает единство человека с окружающим природным миром: мудрость («Стары воўк знаець толк» [17, с. 64]), хитрость («Ліса семярых ваўкоў ашукае» [17, с. 64]), сдержанность («Верабейка па зярнятку клые – і сыты, а воўк авечак цягае – і галодны» [147, с. 114]), гордость («У гадзюкі свой нораў» [17, с. 64]), упертость («Воўк ліняе, ды нораву не мяняе» [147, с. 118]), трудолюбие («Ранняя птушка зубкі цярэбіць, а поздня вочы працірае» [147, с. 457]).

Яркость, образность и лаконичность белорусских народных пословиц и поговорок активно способствуют формированию у подрастающего поколения эмоционально-ценностного отношения к природе, что является фундаментом для развития экологической воспитанности как ключевого качества личности. Исторически для белорусского народа всегда были характерны глубокие чувственные отношения к природе родного края, что нашло отражение в таких выразительных пословицах, как «*Як слонка выгрэе, то аж сэрцу мілее*» [17, с. 52], «*Слонца грэе – душа млее*» [17, с. 52], «*Усякаму чалавеку слонка свеціць*», «*Дзе бусел вядзеца – там ічаслівае месца*» [17, с. 66], «*Свята вербніца сошкі правіць*» [17, с. 100], а также искренняя привязанность и верность родной земле, выраженная в мудрых изречениях: «*На добрай зямлі добра надзея*» [17, с. 51], «*У родным краю, як у раю*» [17, с. 60], «*Родная зямля – маці, чужая старонка – мачаха*» [15, с. 290], «*Няма смачнейшай вадзіцы, як з роднай крыніцы*» [15, с. 290], «*Зямелька – матка наша: і корміць, і поіць, і адзявае*» [17, с. 58]. Эти народные жемчужины мудрости не только отражают глубину связи белорусов с природой, но и служат действенным инструментом экологического воспитания, передавая из поколения в поколение трепетное отношение к родной земле и ее природным богатствам.

Белорусские пословицы и поговорки представляют собой ценнейший источник природоведческих знаний и экологически ориентированных установок, которые веками эффективно использовались в народной педагогике. Они выполняли две ключевые функции: во-первых, строго регламентировали правила поведения в природной среде, что отразилось в таких мудрых изречениях, как «*Не ведаеш броду – не сунься ў воду*» [17, с. 203], «*Вады бойся, як і агню*» [15, с. 58], «*З малой іскры бываець часам вялікі пажар*» [17, с. 58], «*Ад іскры і вада можа загарэцца*» [17, с. 58], «*Як у лесе гукнеш, так адазвецца*» [17, с. 70], «*Дай зямлі, яна табе дасць*» [17, с. 122], «*З агнём жартаў няма*» [15, с. 59], «*Агонь агня не гасіць*» [15, с. 60]; во-вторых, предписывали конкретную экологически ориентированную деятельность, о чем свидетельствуют следующие пословицы: «*Без дагляду зямля круглая сірата*» [17, с. 119], «*І да грыба трэба нагнуцца*» [147, с. 235], «*Добры чалавек і жывёлу шкадуе*» [15, с. 254], «*Добрая птушка ў сваё гняздо не паскудзіць*» [268, с. 56], «*Машина любіць догляд і змазку, а конь – авёс і ласку*» [147, с. 321], «*Добры чалавек і сабакі дражніць не будзе*» [15, с. 254], «*Добры гаспадар і сабаку з двара не выганіць у такую нягоду*» [147, с. 254], «*Адным канём усё поле не аб'едзеш*» [17, с. 139], «*Каб конь добра вёз – падавай яму авёс*» [17, с. 140]. Эти емкие народные изречения не только передавали практические знания о взаимодействии с природой, но и формировали экологическое сознание, воспитывая бережное отношение ко всем компонентам окружающей среды.

Белорусские пословицы и поговорки содержат богатейший природоведческий и экологически ориентированный материал, который умело использовался в народном воспитании:

✓ регламентировали правила поведения в окружающей природной среде – «*Не ведаеш броду – не сунься ў воду*» [17, с. 203], «*Вады бойся, як і агню*» [15, с. 58], «*З малой іскры бываець часам вялікі пажар*» [17, с. 58], «*Ад іскры і вада можа загарэцца*» [17, с. 58], «*Як у лесе гукнеш, так адазвецца*» [17, с. 70], «*Дай зямлі, яна табе дасць*» [17, с. 122], «*З агнём жартаў няма*» [15, с. 59], «*Агонь агня не гасіць*» [15, с. 60];

✓ предписывали разнообразную эколого ориентированную деятельность – «*Без дагляду зямля круглая сірата*» [17, с. 119], «*І да грыба трэба нагнуцца*» [147, с. 235], «*Добры чалавек і жывёлу шкадуе*» [15, с. 254], «*Добрая птушка ў сваё гняздо не паскудзіць*» [268, с. 56], «*Машына любіць догляд і змазку, а конь – авёс і ласку*» [147, с. 321], «*Добры чалавек і сабакі дражніць не будзе*» [15, с. 254], «*Добры гаспадар і сабаку з двара не выганіць у такую нягodu*» [147, с. 254], «*Адным канём усё поле не аб'едзеш*» [17, с. 139], «*Каб конь добра вёз – падавай яму авёс*» [17, с. 140].

Очень точно подметил В. А. Колесник: «Пословица не дает человеку готовых рецептов на универсальный смысл бытия, не раздает эликсир напрокат. Она втягивает человека в самостоятельный поиск, дразнит противоречиями, альтернативами, до тех пор, пока тот не втянется в познание самого себя, в самоанализ, в размышление о мире и о себе» [275, с. 11].

Формированию наблюдательности, любознательности, сообразительности, внимания, воображения и памяти способствовали **белорусские народные загадки**. В них отражается познавательный материал, который обогащал воспитанников сведениями о представителях растительного и животного мира, развивал наглядно-образное и логическое мышление, вызывал интерес к компонентам и явлениям природы, углублял экологические представления: «*Вышэй аблакоў чырвоная птушка лятае (сонца)*» [214, с. 21], «*Зароў вол на сем сёл (гром)*» [214, с. 36], «*Стукае, грукае – нідзе яго не знойдзеш (гром)*» [214, с. 37], «*Ляціць, а не птушка, вые, а не звер (вецер)*» [214, с. 37], «*І тонкі, і доўгі, а з травы не відаць (дождж)*» [214, с. 40], «*Ляцелі птушкі без крыл, а садзяцца без ног (снег)*» [214, с. 44]. «Через загадки народная мудрость преподносит воспитанникам богатство накопленного исторического опыта всех сторон жизни – от конкретной окружающей действительности до строения вселенной» [274, с. 86], – утверждают исследователи народной педагогики белорусов.

Разгадывая загадки, дети учились подмечать особенности живых объектов, изменения, происходящие с растениями во время их роста, а также приобретали навыки выявления закономерностей и взаимозависимости природных явлений в годовой цикличности: «*Стаіць певень над вадой з чырвонаю барадою, хто ні ідзе, за бараду ўшчыпне (каліна)*» [214, с. 64], «*Зялёная, а не луг, белая, а не снег, кучаравая, а без валасоў (бярoза)*» [214, с. 58], «*Дыхае, расце, а хадзіць не можа (расліна)*» [214, с. 57], «*Без рук, без ног на дрэва ўзлез (хмель)*» [214, с. 67], «*Летам апранаюцца, зімой раздзяваюцца (дрэвы)*» [214, с. 57].

Особый пласт народно-педагогической культуры создавали загадки, направленные на формирование природоведческих представлений о животном мире: изучение конкретных внешних признаков («*Даўганосы, даўганогі прыляцеў з далёкай дарогі*» (бусел) [214, с. 139], «*Паўзун паўзе і іголкі вязе*» (вожык) [214, с. 137]); особенностей приспособительных характеристик живых организмов к среде обитания («*Улетку шэранькі, узімку беленькі, доўгія вушы мае, хутка ў лесе уцякае*» (заяц) [214, с. 136], «*Не рыба, а плавае; не конь, а ходзіць; не пілка, а рэжа*» (бабёр) [214, с. 137]).

Многие загадки отражают тесную взаимосвязь человека с живой и неживой природой («*Рук многа, а нага адна*» (дрэва) [214, с. 57], «*Стаяць вілы, на вілах калуб, на калубе яліна, а ў яліне свіні рыюць*» (чалавек) [209, с. 498]), а также одобрительное отношение к природоохранной деятельности: «*Не доктар, а дрэвы лечыць*» (дзяцел) [214, с. 141].

Таким образом, белорусские загадки по праву считаются выдающимися памятниками народной педагогики, представляя собой своеобразную энциклопедию знаний о живой и неживой природе, окружающем мире и его мироздании, где в лаконичной поэтической форме закодированы многовековые наблюдения за природными явлениями, сезонными изменениями, поведением животных и свойствами растений, что превращает их в уникальное средство экологического воспитания, развивающее у детей не только познавательные способности и логическое мышление, но и формирующее целостное экологическое мировоззрение, эстетическое восприятие природы и глубокое понимание взаимосвязей в окружающем мире, что подтверждается исследованиями народной педагогики [274, с. 86], отмечающими их роль в передаче из поколения в поколение практических знаний о природе, навыков наблюдения и анализа, а также в воспитании бережного отношения ко всем компонентам природной среды.

Богатейший опыт этноэкологического воспитания в народной педагогике выразительно проявляется в **народных сказках**. А. К. Сержпутовский утверждал: «Под влиянием рассказов, сказок, пословиц и других продуктов устного народного творчества вырабатываются отчасти всё мировоззрение, житейская мудрость и все этические представления» [276, с. 2–3].

Народные сказки знакомят детей с видовым разнообразием местной фауны, с повадками зверей и птиц, особенностями их образа жизни. Среди сказочных персонажей встречались как дикие (лиса, волк, медведь, заяц, кабан, дятел, сова, воробей, голубь, дрозд и др.), так и домашние животные, птицы (баран, конь, собака, кот, козёл, петух, гусь и др.). Сказка «*Сава і дзяцел*» рассказывает о дневном и ночном образе жизни пернатых [262, с. 193], «*Пайшоў казёл за арэхамі*» раскрывает взаимосвязи и взаимоотношения между животными [209, с. 26]. Такие сказки в увлекательной и доступной форме способствуют пониманию законов природы, осознанию его универсальной ценности, формируют представления единого образа мира, пробуждают потребность в сохранении естественной среды обитания.

Народная сказка как один из способов познания окружающего мира включала и гуманно ориентированные примеры, порождала интерес к природе, активизировала мотивационную сферу личности. Например, в сказке «*Аб дурню і залатым птаху*» главный герой отправляется на поиски золотой птицы и пропавших братьев, по дороге он встречает волчицу, которая попала в яму. Человек спасает животное, и за это волчица помогает ему достичь цели [277, с. 73–74]. В сказке «*Чалавек і козы*» делается акцент на гуманном отношении к природным обитателям, тесном общении людей с окружающим миром, что приводит к приручению диких животных [209, с. 23–24]. Вообще многим героям сказок помогают реки, деревья, растения, животные, птицы, рыбы, насекомые и другие представители мира природы, которым человек однажды помог избежать гибели.

В белорусском сказочном эпосе животным приписывались многие общечеловеческие качества, что позволяло подчеркнуть единство мира. Так, к примеру, в сказках восхвалялись трудолюбие курочки, пчелы и коня («*Пчала і муха*», «*Зернятка*», «*Лёгкі хлеб*»), преданность и верность собаки («*Сабака і воўк*», «*Сабака, воўк, баран, кот і лісіца*»), смелость петушка, мышки, курочки и их готовность прийти на помощь («*Як курачка пеўніка ратавала*», «*Зайкіна хатка*»), мудрость и рассудительность котика и коня («*Стары конь*», «*Як кот і сабака дружбу з ваўком вадзілі*», «*Коцік і пеўнік*») [278, с. 20]. В сказке «*Бусел*» излишнее любопытство и непослушание человека привело к тому, что Бог наказал его, превратив в аиста [276, с. 22, 73]. Следует отметить, что сюжетная линия сказок эмоционально воздействовала на воспитанников, усиливала мотивацию совершать добрые дела и проявлять заботливое отношение к окружающему миру. Образцы природоохранного поведения и формирования основ этноэкологической культуры ярко представлены в сказках «*Чортава балота*» [276, с. 171–173], «*Коть Максимь, зайцы, волки*» [209, с. 11–15].

Следовательно, белорусские народные сказки представляют собой уникальный феномен историко-культурного наследия, являясь кладезем народной мудрости и педагогических идей. В их основе лежали фундаментальные экологические принципы: неразрывная связь человека с природой, воспитание детей в гармонии с окружающим миром, формирование гуманного и бережного отношения ко всему живому. Через борьбу добра со злом и торжество справедливости сказки утверждали идеалы сохранения и приумножения природных богатств, выступая тем самым первыми устными «законами» об охране окружающей среды и воплощая исконную этноэкологическую культуру белорусского народа.

Важную функцию в этноэкологическом воспитании белорусов выполняли и **народные мифы, легенды, предания**, которые приобщали подрастающее поколение к общечеловеческим, этническим и индивидуальным ценностям, способствовали формированию природоохранных стереотипов и экологосообразного поведения. Многие из них, одухотворяя природу,

показывали, что варварское к ней отношение наказывается. Так, легенда «Мядзведзь» повествует, что Бог обратил человека в медведя за наносимый вред пчелам, обитающим в дуплах деревьев [54, с. 268]. Согласно народным представлениям, создатель, хозяин и хранитель леса «лесавік» («лясун», «лясны дзядуля», «лешы») наказывал людей за плохое отношение к лесу и его обитателям [58, с. 274–281]. Г. В. Зубков отмечает, что миф содержит программу, своего рода код эволюции цивилизации. Каждый народ в ходе эволюции как бы «разворачивает» во времени собственную этнокультурную программу, ядерную позицию в которой занимает миф [279, с. 39]. Воспринимаемая святость земли, воды и других природных объектов создавала прочные основы в организации этноэкологического воспитания.

Белорусские мифы отличаются богатством содержания и сложной структурой организации. В мифологическом сознании народа природа и природные явления наделялись качествами живых существ, подвергаясь одушевлению и одухотворению: *«У шэце лістоў, свісце ветру, плёскаце хваляў, шуме вадаспадаў, трэску скал, якія распадаюцца, гуоленні насякомых, крыку і спяванні птушак, рове і мыканні жывёл – у кожным гучу, які раздаваўся ў прыродзе, сяляне хочуць пачуць таямнічую гаворку»* [58, с. 49]. Эта народная мудрость направляла воспитание подрастающего поколения, формируя чуткое и заботливое отношение к природе, способность различать подлинные ценности окружающего мира.

Анализ народных мифов, легенд и преданий выявляет их глубокую экологическую сущность, проявляющуюся в представлениях о единстве человека и природы, вере в сверхъестественные природные силы, концепции всеобщей взаимосвязи, а также в эмоционально-образном восприятии действительности. Эти воззрения не были простой фантазией, а составляли основу своеобразного морального кодекса, воспитывавшего у молодежи важнейшие нравственные качества: ответственность, доброжелательность, милосердие и бережливость. Через мифологические повествования устанавливались этические нормы взаимодействия с природой и формировались устойчивые модели природоохранного поведения.

Богатейшее этнопедагогическое наследие белорусов, содержащее весомый этноэкологический воспитательный потенциал, способствовавший формированию у подрастающего поколения осознанного и бережного отношения к природе, отражают **народные приметы**. Важно отметить, что в народном воспитании эффективно использовались как приметы, основывающиеся на реальных знаниях, так и приметы-суеверия [280, с. 116].

На протяжении многих веков погодные приметы играли ключевую роль в жизни белорусского народа. Современный исследователь Н. Н. Фаттахова трактует понятие «примета» следующим образом: «Это устойчивые конструкции, в которых запечатлён коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определенного этноса и построенный на основе данного опыта прогноз-предсказание» [281, с. 4]. Метеорологические приметы, пред-

сказывающие погоду, отличаются своей выразительностью, краткостью, четкостью и завершенностью. Каждая примета структурно состоит из двух взаимосвязанных частей: событийной и прогностической. В основе появления большинства погодных примет лежат глубинные причинно-следственные связи между различными природными явлениями. Событийная часть содержит конкретную причину или условие, выявляемые в ходе длительных наблюдений за природными объектами и их поведением, которые влекут за собой определенные последствия. Прогностическая же часть включает в себя ожидаемое следствие, конечный результат, а также практический вывод из наблюдений в виде точного метеопрогноза.

Постоянное стремление человека внимательно присматриваться к окружающей среде, глубокое созерцание естественной красоты природы способствовали постепенной выработке ценного умения подмечать малейшие особенности в природных явлениях, которые служили своеобразными сигналами о предстоящих погодных изменениях. Например, при детальном анализе народных примет мы видим, что носители традиционной культуры при предсказании погоды в событийной части обычно использовали наблюдения за явлениями неживой природы. Прогностическую же часть они формулировали в виде ожидаемых метеорологических проявлений. Так, появление сильного ветра летом предсказывали по характерному солнечному закату: *«Калі пры заходзе сонца неба пачырванее, то будзе вельмі ветрана»* [282, л. 18]. Возникновение кругов вокруг луны считалось верным предвестником ненастья: *«Калі месяц абгародзіцца кругам, то на трэці дзень будзе вецер, снег або дождж»* [160, с. 291]. Даже по особенностям мигания звезд опытные люди могли определить характер предстоящей погоды: *«Калі зоркі блішчаць ярка, то будзе мароз ці ясная пагода, а калі яны мігаюць, то чакай непагадзь»* [180, с. 46].

Таким образом, из поколения в поколение через систему метеорологических примет передавалась целостная система экологических знаний, содержащая глубокие сведения об объектах неживой природы, единстве мироздания, сложных взаимозависимостях между различными природными явлениями. Еще более значимым был практический аспект – формирование конкретных умений, а именно: умений видеть и выявлять основные природные законы, анализировать и обобщать полученную эмпирическую информацию. Развивалась природная память, позволявшая сохранять и воспроизводить в сознании людей четкие представления о природных закономерностях и взаимосвязях. Развивалось образное мышление и воображение, благодаря которым у крестьян формировалось наглядно-образное восприятие окружающего мира, необходимое для установления причинно-следственных отношений между явлениями неживой природы и конкретными погодными проявлениями.

Важно особо отметить, что познавательные отношения к природе, формирующиеся в процессе длительных систематических наблюдений,

обеспечивали постепенное накопление конкретных, чувственно-эмоциональных, экологически значимых знаний, приводящих к глубокому пониманию объективных закономерностей, существующих в природе. А познавательная деятельность человека, складывающаяся из сложного комплекса психических процессов (ощущения, восприятия, памяти и воображения), способствовала интенсивному развитию образного мышления. Многократные повторения и обращения в традиционном быту к проверенным погодным приметам, отражающим фундаментальную экологическую идею о всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости природных явлений, постепенно превращались в глубокие личные убеждения человека.

Практическое использование в повседневной жизни метеорологических примет активно содействовало становлению у подрастающего поколения рациональной составляющей экологического сознания, которая является важнейшей первоосновой в формировании полноценной экологической культуры личности. Яркость, живописность, изобилие окружающего природного мира и наглядность его внутренних связей обеспечивали сельским жителям доступность их непосредственного восприятия и оказывали существенное влияние на развитие у них эмоционально-чувственного отношения к природе. Белорусы постоянно предпринимали попытки определять природные циклы, стремились связать метеопрогноз с поведением объектов живой природы, то есть фактически учились делать самостоятельные открытия и на их основе логически рассуждать, объяснять наблюдаемые явления.

Так, примет, прогнозирующих погоду по поведению диких птиц, в народной традиции накопилось значительное количество, что красноречиво свидетельствует о высокоразвитом познавательном интересе к этому живому объекту. Обитатели наземно-воздушной среды особенно привлекали внимание своим неповторимым голосом, разнообразным пением, природным изяществом и грацией движений. Крестьянин внимательно всматривался в сложные формы поведения пернатых, детально изучал их внешний вид, особенности гнездования, характерные повадки, тщательно следил за сроками прилета и отлета в разные времена года. Эстетическое любование окружающим миром, умение образно выражать словом свое отношение к наиболее ярким и необычным природным явлениям помогали человеку точно фиксировать отличительные признаки птиц и выстраивать целостную картину мира, находить глубинные связи между образом жизни этих существ и погодными изменениями. Люди анализировали, осмысливали их взаимозависимость, что давало богатый материал для создания многочисленных примет, вобравших в себя крупницы народной мудрости.

Наши наблюдательные предки отмечали, что ухудшению погоды и приближению дождя предшествуют определенные изменения в поведении птиц: *«Калі воран лётае нізка і каркае, то пахаладае»* [282, л. 2] или *«Перад надыходам дажджоў зязюля так кукуе, нібыта смяецца»*. Характер предстоящего лета предсказывали по внешнему виду прилетающих аистов:

«Калі буслы прылятаюць увесну брудныя і прамокшыя, то лета будзе даждлівае, калі ж вернуцца сухія і худыя, то будзе сухое лета» – и по высоте расположения их гнезд: *«Калі дзікія качкі робяць свае гнёзды ля самой вады, то наступнае лета будзе сухое, а чым далей ад вад, тым лета будзе «мачлівейшае»* [55, с. 197, 204–205].

В народной традиции считалось, что достоверно предсказывать погоду можно и по состоянию леса. Лес как важнейшая составная часть природной среды был для крестьян основным источником получения разнообразных материальных благ. Кроме того, лес воспринимался и как неотъемлемая часть культурно-исторической среды, под непосредственным воздействием которой формировались народные устои, обычаи, обряды, фольклорные традиции. Сама природа позаботилась о гармоничном, сбалансированном развитии чувственных, познавательных и духовных отношений людей с окружающей средой. Этнопедагогические традиции бережно передавали из поколения в поколение важнейшие нормы и правила поведения в лесу, на водоемах, что способствовало воспитанию в каждом человеке таких ключевых черт экологической культуры, как доброта, трудолюбие, уважительное отношение к окружающему миру. Традиционный жизненный уклад крестьян позволял им постепенно накапливать обширные знания об обитателях леса, особенностях роста растений, сроках созревания плодов, периодах цветения и уникальных свойствах растительных сообществ. Эти знания существенно расширяли возможности экологического воспитания: обогащали кругозор людей, способствовали выработке умений объяснять природные факты и явления, углубляли понимание их взаимосвязей с погодными изменениями и укрепляли практические навыки природоохранной деятельности.

Белорусы внимательно прислушивались к шуму леса, наблюдали за движениями крон деревьев, сопоставляли замеченные особенности с происходящими изменениями в природе, анализировали и делали обоснованные выводы: *«Калі хвоі доўга стаяць ціха, а патам раптоўна зашумяць, да і сціхнуць, да й зноў зашумяць, то скоро будзе якаясь перамена, або дождж, вецер або мяцеліца»*. О приближении ненастья судили и по внезапному появлению сильных цветочных ароматов: *«Як лінавы цвет вельмі запахне, то будзе дождж»*. В основу народных долгосрочных прогнозов на лето были положены наблюдения за сроками распускания деревьев: *«Вясною, калі бяроза распусціцца раней за вольху – будзе сухое лета; у адваротным выпадку будзе непагадзь»*. А предстоящую зимнюю погоду определяли по урожаю плодов: *«Шмат жалудоў на дубах – будзе цёплая зіма»* [55, с. 213–215].

Многообразие представленных метеорологических примет убедительно свидетельствует, что в народной традиции наблюдения за природой и тесное общение с ней вызывали искреннее эстетическое удовольствие, которое, в свою очередь, формировало глубокое чувственно-оценочное отношение

к природным объектам, способствовало естественному, произвольному запоминанию их характерных признаков, служило прочной основой для приобретения экологических знаний. Это стимулировало развитие тонких эстетических чувств, проявляющихся в умении увидеть и прочувствовать скрытую красоту природы в самых обыденных и на первый взгляд непримечательных предметах, пробуждало искреннее сопереживание к растительному и животному миру, воспитывало милосердие и настоящую любовь к родному краю.

Примечательно, что многовековые наблюдения, подкрепленные проверенными знаниями, и богатый чувственный опыт, порожденный эмоциональным восприятием и реальными познавательными потребностями, выражающиеся в осознании единства природы и искреннем желании оберегать ее, в значительной степени определяли мировоззренческое отношение людей к окружающему миру, мотивировали их нести нравственную ответственность перед природой, бережно и заботливо относиться к ней. Именно таким путем происходило постепенное становление у человека эмоционального компонента экологического сознания, который вносил существенный вклад в формирование такого важного качества личности, как экологическая воспитанность.

Устное народное творчество, являющееся бесценным первоисточником традиционной культуры, дает уникальную возможность охарактеризовать и этнопсихологию народа, в частности его волевые национально-психологические особенности, отражающие специфику функционирования у этноса четко выраженных волевых качеств, от которых напрямую зависит результативность любой деятельности [283, с. 98].

Наиболее ярко и полно волевые качества личности формировались и проявлялись в процессе повседневной трудовой деятельности, планирование и эффективность которой во многом определялись точными знаниями о предстоящей погоде. В народном быту метеорологические приметы выступали одним из основных и наиболее достоверных источников получения информации о погодных изменениях. Глубокое понимание их практической значимости обуславливало активное использование примет в повседневной жизни. Поэтому белорусы сознательно и целенаправленно передавали подрастающему поколению свой многовековой опыт, побуждали молодежь строить свое поведение в соответствии с народными приметами, что стало важнейшим мотивом в развитии целеустремленности. Человек постепенно приобретал ценную способность осмысленно трансформировать и реализовывать свои устремления в систему конкретных целей, направлять усилия на достижение желаемого результата – правильного применения примет в повседневной практике. Реализация этих целей осуществлялась благодаря волевым усилиям, ориентированным на получение достоверных знаний о природе и формирование практических умений, корректирующих систему действий человека.

Погодные приметы использовались в народной практике непрерывно ежедневно, ежемесячно, в течение всего годового цикла, что способствовало выработке такого важного волевого качества, как настойчивость. Она проявлялась в демонстрации силы воли при стремлении человека из года в год достигать поставленной цели, несмотря на возможные неудачи и трудности. Так, в основу долгосрочных прогнозов зимней погоды были положены тщательные наблюдения за дикими животными, а именно за такими характерными признаками, как особенности запасаения ими корма «*Калі яўёрка (вавёрка) загатаўляе сабе арэхі, то будзе цяжкая зіма*» [55, с. 190] и изменениями во внешнем виде «*Калі заяц увосень вельмі тлусты, то зіма будзе доўга і цяжка*» [55, с. 190]).

Следует особо заметить, что степень настойчивости в значительной мере определялась силой мотивации. Чем больше наши предки стремились познать внутреннюю сущность природных явлений, отраженных в приметах, тем активнее они воспроизводили накопленный опыт, вырабатывая привычки к длительным наблюдениям за окружающим миром, умению концентрировать внимание на определенных природных явлениях и глубоко сосредотачиваться на отражении внешней среды.

Волевые качества личности, как специфические проявления воли в народной традиции характеризовались сложным синтезом врожденного и приобретенного компонентов [199, с. 148–149]. Врожденный компонент связан с базовым инстинктом самосохранения человека, а приобретенный формируется на основе жизненного опыта, строясь на рациональной и эмоциональной основах и включая сформированные мотивы достижения, составляющие сложную систему взаимосвязей. Эти волевые свойства оказывали существенное влияние на личность и активно содействовали формированию жизненных принципов, позволяющих передавать подрастающему поколению мудрые советы: как правильно взаимодействовать с окружающей средой, как относиться к природным богатствам, каким образом помогать природе и как оптимально организовывать свою трудовую деятельность. Проверенные и испытанные многовековой практикой народные приметы способствовали становлению важнейшего волевого компонента экологического сознания личности.

Таким образом, метеорологические приметы наряду со своей основной прогностической функцией, задачами накопления, хранения и передачи знаний об окружающей среде выполняли и глубокую воспитательную функцию. Она выражалась в наличии специфического механизма скрытого педагогического воздействия на сознание человека, пробуждающего формирование устойчивых моральных установок на сохранение природы и целенаправленных волевых действий, устремленных к приумножению природных богатств. Все это придавало существенный динамизм процессу трансформации народно-экологических знаний, практических умений, особого

мышления и культуры чувств в повседневные нормы природоохранного поведения.

Следовательно, представляя собой значимую часть этнодидактики белорусов, народные приметы выполняли важнейшие функции этноэкологического воспитания:

✓ пополняли, совершенствовали и закрепляли природоведческие знания (*«Галалёд бывае ад марозу, каторы схопіць зямлю, а на наветры яшчэ цёпла»* [180, с. 40], *«Калі много грыбоў, то мало мёду»* [180, с. 94], *«Калі жыто красуе, а йдзе дождж, то колас будзе пусты»* [55, с. 93], *«Вясною, калі бяроза распусціцца раней за вольху – будзе сухое лета; у адваротным выпадку будзе непагадзь»* [55, с. 213], *«Шмат жалудоў на дубах – будзе цёплая зіма»* [55, с. 214]);

✓ стимулировали либо запрещали соответствующую деятельность (*«Сей авёс калі на небе густыя крупістыя аблака»* [55, с. 293], *«Каб прынадзіць пчолаў, трэба рана прынесці вады ў дом, а мужчыну – запаліць печ»* [56, с. 366], *«Калі пчолы з ранку дружа ідуць у дэт – дзень будзе сонечным»* [284], *«Калі цвіце каліна – сей грэчку»*, *«Сей ячмень, як з'являцца майскія жукі»* [285, с. 96], *«У дзень Барыса і Глеба перастаюць купацца»* [56, с. 503]).

Благодаря частой употребляемости, одновременному воздействию на разум и чувства, непосредственной связи с природой приметы и поверья создавали прочный фундамент этноэкологической практической деятельности.

Весомым средством в этноэкологическом воспитании выступают **народные песни**, отличающиеся необыкновенной образностью и эмоциональной проникновенностью. Уникальность белорусских песен как богатейшего источника народной мудрости в этноэкологическом воспитании раскрывается посредством музыкально-поэтического оформления размышлений старших поколений о природосообразном устройстве жизни. С колыбели – через песни матери – ребенок приобщался к окружающей природной среде, углубляясь и осознавая по мере взросления ее значимости в жизни человека. Формируемая «калыханкамі» любовь к животному и растительному миру постепенно трансформировалась в прочные основы этноэкологической культуры.

Белорусские песни *«Купальскія»* [261, с. 215–221; 286, с. 299–303], *«Восеньскія»* [287, с. 59–352], *«Вэсною співалы»* [288, л. 98], *«Вясенняя»* [289, л. 46], *«Вярба, вярба, дзе ж ты расла»* [290, л. 8], *«Бярозка з лістком»* [291, л. 119], *«Зялёны дубочак»* [291, л. 137], *«Каліна-маліна»* [291, л. 157], *«Кукавала зязюля в садочку»* [292, л. 17] и многие другие обладают внушительным потенциалом возможностей для эколого-педагогического воздействия на воспитанников.

Основательно и убедительно раскрыл такой потенциал фольклорист-любитель, доктор физико-математических наук, профессор УО МГПУ им. И. П. Шамякина В. В. Шепелевич, собрав в единый сборник народные

песни своей малой Родины – «Песни деревни Ковнятин Пинского района» [148].

Особенно важное место в этноэкологическом воспитании занимали **народные традиции, обычаи, обряды и праздники**. Традиции, отражающие многовековой воспитательный опыт, самым естественным образом регулировали все стороны воспитательного процесса, придавая ему системную неповторимость и целостную устойчивость. Многие правила поведения в окружающей среде, общения с природой четко детализировались и регламентировались многочисленными народными обычаями и обрядами.

Совершенно точно подметил профессор И. В. Суханов, что «обычаи и традиции, будучи массовыми привычками, являются в то же время средствами формирования этих привычек у молодых поколений» [293, с. 173]. Практически все народные праздники белорусов («*Каляды*», «*Грамніцы*», «*Масленица*», «*Гуканне вясны*», «*Юр'я*», «*Сарокі*», «*Купалле*», «*Зажынкi*», «*Дажынкi*», «*Спас*» и др.) тем или иным образом связаны с природными явлениями, поэтому насыщали процесс этноэкологического воспитания эмоционально окрашенным колоритом и прогностически утилитарной направленностью.

Например, большое внимание в календарно-обрядовых празднованиях уделяется воде. Вода для наших предков представлялась космической стихией. Очистительная сила воды используется во многих обрядах. Так, в Чистый четверг нужно до рассвета помыться, чтобы избавиться от болезней: «*Мылам у чацвер да сонца мыюцца ў лазні, каб быць чыстым цэлы год*» [192, с. 212]. В Петров день принято освящать воду в источниках. Обряд заключался в окунании креста в бочку с водой и выливании этой воды в колодец, после чего вода становилось святой. «*Няма лучшага зелья за ключавую да крынічную воду, бо як нап'ешыся, то так зараз і палегчае*» [160, с. 302], – констатировала народная мудрость.

Экоориентированные традиции связаны и с музыкой, народными праздниками, различными видами декоративно-прикладного искусства. Так, в белорусской семье во время календарно-обрядовых празднований «*Саракі*» и «*Благовешчанне*» широко использовалась орнитоморфная тематика. Хозяйки приобщали своих дочерей к домашней выпечке из теста фигурок – «*жаваранкі*», «*бусневыя лапкі*», «*галёны*». Отцы знакомили и обучали своих сыновей разнообразным видам традиционного промысла из природных материалов (резьба по дереву, гончарное дело). При оформлении домашних принадлежностей (вилки, глиняные игрушки, деревянные черпаки, доски и др.) использовали различные образы: утка – символ доброты, петух – символ нового дня, восход солнца – исчезновение нечистой силы. Женщины занимались прядением, соломоплетением, ткачеством и шитьем. В качестве декора постельных принадлежностей и свадебных полотенец использовали орнамент с изображением голубей, которые символизируют семейное счастье и согласие [31, с. 377–378].

В этноэкологическом воспитании белорусов применялись и весьма специфические с современной точки зрения средства: **благословение, доброе или недоброе пожелание, заклинание, клятва, отречение** и др. С педагогической позиции объяснима их способность воздействовать на эмоционально-чувственную сферу для стимулирования активности воспитанника по совершенствованию своих черт и качеств и предупреждению негативной направленности их сознания и поведения. Многие из перечисленных средств были тесно связаны с природной тематикой и, вызывая суеверный страх, использовались для предотвращения нежелательных поступков и поведения, нарушающих природно-общественную гармонию: «*Каб цябе святая зямля не прыняла!*» [158, с. 226], «*Каб яго свет не свяціў і зямля не насіла*» [158, с. 228], «*Каб цябе сонейка не грэла!*» [158, с. 223]. «Страх перед проклятием корректировал поведение, устанавливал заслон перед негативными действиями и даже мыслями» [274, с. 87], — заключают современные исследователи традиционной педагогической культуры белорусского народа.

Таким образом, анализ процессуально-методического компонента этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов дает основание утверждать, что на протяжении многовекового воспитательного опыта была выработана целостная совокупность методов и средств экологического воспитания, созвучных с достижениями мирового эколого-педагогического процесса и имеющих свою этническую специфику, свой национальный колорит. Благодаря им осуществлялась и продолжает осуществляться реализация этноэкологических идей в реальном воспитательном процессе.

3.3. Педагогический потенциал белорусских народных примет

Сегодня общепризнана роль народной педагогики в развитии современной теории и практики образования, ее вклад в сохранение преемственности педагогических процессов для обеспечения прочности сущностно-содержательных основ цивилизационной эволюции перед нынешними вызовами глобализации. Интерес к народной копилке педагогического опыта подтверждается многочисленными исследованиями народной культуры и, в частности, народной педагогической культуры в странах ближнего и дальнего зарубежья. Исследователями доказано, что существенным воспитательным потенциалом владеют все виды и жанры устного народного творчества, которое и предстает в качестве оригинального хранилища народной мудрости. Но следует отметить, что не все аспекты и даже не все виды и жанры аутентичного фольклора глубоко и основательно исследованы, по крайней мере, с педагогической точки зрения. Так, незаслуженно обделены вниманием народные приметы, занимающие важное место среди малых фольклорных жанров. Одна из причин видится в том, что приметы

либо ставятся рядом с поверьями, или (что вообще не совсем верно) отождествляются. Хотя и провести строгую границу между ними совсем не просто. Поэтому правильным представляется деление примет на две группы: приметы-наблюдения и приметы-поверья. Не делая таких разграничений, во времена СССР отношение к ним в науке было отрицательным, как к суеверию, чепухе, нелепости.

В белорусской фольклористике внимание к народным приметам обозначено только в середине XIX в. в работах П. М. Шпилевского, А. Г. Киркора. Потом к ним обращались народоведы М. А. Дмитриев, П. В. Шейн, Е. Р. Романов, Н. Я. Никифоровский, А. Е. Богданович, А. К. Сержпутовский, А. Н. Афанасьев и другие. В середине 90-х годов XX в. среди белорусских исследователей возрождается научный интерес к рассматриваемому фольклорному жанру. В 1995 году издается справочник по восточнославянской мифологии гомельского ученого Н. И. Коваля – «Народные представления, приметы и поверья», где приметы рассматриваются достаточно косвенно. Наиболее объемно представлены белорусские народные приметы в 3-х книгах минского фольклориста В. А. Василевича: «Земля стоит посреди вселенной» (1996), «Жизни извечный лад» (1998 г.), «Земная дорога в теплые края» (1999 г.). Кстати, эти работы переизданы в 2010 г. Автор-составитель презентует крупнейший свод белорусских народных примет и поверий, собранных в разные времена пропагандистами традиционной этнической культуры белорусов. Приметам посвящен ряд научных статей и других трудов современных отечественных ученых Т. В. Володиной, Е. А. Кострицы, А. М. Ненадовца, В. С. Новак и других. Исследователи рассматривают жанровые особенности народных примет, проводят их филологический анализ, обосновывают вопросы систематизации и классификации примет и поверий, определяют их функциональные характеристики. Анализ указанных выше и других работ, где изучается очерченный пласт белорусского фольклора, дает основания утверждать, что хотя педагогический потенциал примет и упоминается отдельными белорусскими исследователями, специального его исследования пока не проводилось.

У всех народов, начиная с глубокой древности в процессе вербального общения доводы подкреплялись устойчивыми фразами, которые выполняли роль своеобразных маркеров ситуаций или отношений между реалиями бытия, так как они отражали подмеченные жизненным опытом соответствующие закономерности. Такие языковые образования, что передавались из поколения в поколение, характеризуются своей семантической емкостью и способностью к употреблению с разными целями в различных речевых ситуациях. Постепенно в народной культуре они образовали отдельное ответвление народного фольклора – паремии. Наиболее яркими их представителями являются пословицы и поговорки. Наиболее близки к ним по способности делать полезные для людей выводы являются народные приметы.

Приметы, как разновидность паремий, существенным образом отражают не только народный быт, но и историю народа, его менталитет, его самобытную духовную культуру. Они ценны как для хозяйственно-производственной практики, так и для социально-нравственной деятельности людей.

Народные приметы – это выверенные временем и народным опытом предсказания-суждения с оценочно-прагматической интерпретацией стереотипной ситуации, основанные на выявленных связях между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, сформулированные в лаконичной однозначной форме. Структурно примета состоит из двух обязательных частей: событие + прогноз. В фольклористике существует множество подходов к классификации примет. В одной из наиболее обобщенных предлагается делить их на три кластера: календарные, метеорологические и бытовые [294, с. 11]. Такое деление основывается на учете характера их содержательно-целевой направленности. А. Н. Афанасьев в основу классификации примет кладет методологические подходы их создания. Фольклорист делит приметы на два вида: а) выведенные из реальных жизненных наблюдений («точные» приметы); б) основанные на мифических представлениях («суеверные» приметы) [295, с. 63]. Первые подтверждаются опытом, практикой, они не только не противоречат науке, а, наоборот, часто признаются ею правильными: *«Як вясною стаіць сухавеіца, та ў садох усе прападзе»* [180, с. 93], *«Ячменю не сеюць да таго часу, пакуль не з'явіцца майскія жукі»* [55, с. 294]. Вторые обусловлены верой в существовании сверхъестественных сил, как правило, они отвергаются наукой, хотя ученые все больше сосредотачивают внимание на взвешенных, глубоких подходах к иррациональным явлениям, и в будущем возможны интересные открытия и, вероятно, определенное переосмысление отношений к народным приметам: *«Не трэба дазваляць дзіцяці глядзець у люстэрка, бо нячыстая сіла «зводзіць»»* [180, с. 159], *«Нельга хаты ставіць на тым месцы, дзе раней праходзіла дарога, бо па ёй цягаецца за некаторымі людзьмі і пакідае свае сляды д'ябал»* [55, с. 519].

Систему народных примет белорусов без преувеличения можно назвать основой национальных народно-энциклопедических знаний. Пожалуй, невозможно выделить ни одно явление, ни один процесс из жизни природы и общества, который бы не находил своего отражения в этих крупицах народной мудрости. В совокупности они создают концептуальную, часто наивную, но далеко не примитивную картину мира [296, с. 65]. Нельзя не согласиться с российским профессором М. А. Кульковой, которая констатирует: «Народные приметы являются национально-прецедентными феноменами, участвующими в создании национально-когнитивной базы этнокультурного общества» [297, с. 8]. Взяв за основу классификации такое прагматично-прогностическое назначение примет, исследователь делит их на три основные группы:

✓ дескриптивные, или описательные – носят репрезентативный характер, через описание окружающей действительности, стимулируют ментальную деятельность человека («*Як нярун смаліць, дык усё баіцца, дрыжыць, нават дождж спалыхваецца й пачне бы з вядра ліць*» [180, с. 33], «*Галалёд бывае ад марозу, каторы схопіць зямлю, а на наветры яшчэ цёпла*» [180, с. 40]);

✓ оценочные, или аксиологические – содержат информацию о том, что люди считают ценным, формируют убеждения человека («*Калі много грыбоў, та мало мёду*» [180, с. 94], «*Калі жыто красуе, а йдзе дождж, то колас будзе пусты*» [180, с. 93]);

✓ прескриптивные, или предписывающие – содержат побудительные высказывания, активизирующие ментальную и физическую деятельность человека; среди прескриптивных народных примет можно вычислить две подгруппы, содержащие высказывания с различными интенциональными оттенками:

а) стимулирование деятельности (наказ, совет, настаивание, предписание и т. д.): «*Сей авёс калі на небе густыя крупістыя аблака*» [55, с. 293], «*Каб прынадзіць пчолў, трэба рана прынесці вады ў дом, а мужчыну – запаліць печ*» [56, с. 366];

б) подавление деятельности (запрет, ограничение, предостережение и т. д.): «*У дзень Барыса і Глеба перастаюць купацца*» [56, с. 503], «*Нельга есці над гарышом – будзе пякотка*» [57, с. 306].

В такой совокупности народные приметы представляют собой существенную часть этнодидактики, эффективность которой была обусловлена естественностью обучения. Крестьянские дети получали от своих родителей, соседей знания, которые по своему объему и качеству в практико-ориентированном направлении не уступали знаниям, полученным интеллигенцией в университетах. Крестьяне знали почву и семена, знали сроки работ и наиболее благоприятные условия посевов, знали тонкости многочисленных ремесел. Дети воспитывались в обстановке традиционных праздников, которые почти всегда сочетались с теми или иными трудовыми обрядами. Это было многостороннее, нетрудное, оптимистичное, активизирующее, по сути, воспитывающее обучение. Многократно слыша, часто повторяя традиционные суждения, действовавшие в течение длительного времени в процессе регулярного их использования, воспитанники невольно углублялись в круг народных знаний, приобретали прочный фундамент осмысленной практической деятельности. У них проявлялась и совершенствовалась наблюдательность, любознательность, рефлексивность как важнейшие факторы интеллектуального развития. Все это приводило к тому, что на принципах преемственности, народности и природосообразности базировалась этнодидактика белорусов, а народные приметы занимали в ней одно из приоритетных мест.

Приметы как творение человеческого разума – явление полифункциональное. Само предназначение примет имеет прогностическую направленность, поэтому их прогностическая функция является основообразующей. Кроме нее, приметы обладают регулятивной, когнитивной, этической, экологической и другими функциями. Но, по нашему мнению, главнейшая из них – педагогическая, ведь приметы в совокупности содержат значительную часть социального опыта, который постоянно передается потомству.

Еще на начальных этапах эволюционного развития люди замечали устойчивые связи между явлениями, процессами окружающей жизни и часто без всякого объяснения их причин констатировали выявленные закономерности. Само появление примет в бытовой народной культуре свидетельствует о существенных творческих способностях и познавательных умениях наших пращуров. У людей развивалась наблюдательность, умение сопоставлять, анализировать и делать выводы. Профессор В. К. Харченко отмечает: «Примета поставляет щедрый материал, разнообразные и разноплановые результаты уже состоявшихся наблюдений, сформулированные в четкие языковые формулы, и тем самым становится средством воспитания наблюдательности» [296, с. 66]. Необходимость знания и использования примет в повседневной жизни выступала в качестве одного из факторов генезиса образовательной деятельности. Сами приметы являлись достаточно эффективным учебно-воспитательным средством в этнической педагогике.

Как отмечено выше, одни приметы стимулировали человека к определенной деятельности, другие, наоборот, запрещали, предупреждали о ее недопустимости. Нужно подчеркнуть, что в традиционной культуре система запретов была основой норм общественного поведения каждого индивида, во многом определяла его социально-нравственные характеристики. Благодаря им древний человек занимал соответствующее место среди соплеменников, формировал свое отношение к окружающей действительности. Относительно морального поведения, приметы как раз не указывали что есть хорошо, а отмечали, что есть плохо: «*Хто ў шапцы есць, таго людзі будуць лічыць дурнем*» [55, с. 582], «*Свістаць у доме грэх*» [55, с. 542].

Таким образом, приметы часто использовались в воспитании для выражения запрета, разрешения, предостережения, выступали в качестве увещевания, совета, также могли характеризовать определенные ситуации, которые осмысливаются воспитанниками для выстраивания своих поступков и поведения. Российский исследователь О. В. Христофорова подчеркивает важность роли примет в том, «что они акцентируют внимание человека на правильном объяснении полученной информации» [298, с. 13]. В народе к приметам – этим древним языковым конструкциям, которые нередко обладают глубоким мифологическим подтекстом, не всегда относились как к готовым рецептам, а советовали критически, творчески использовать их в жизни, опираясь на ассоциации и аналогии, которыми богаты и сами паремии.

Современные исследователи подчеркивают своеобразие языка примет: «Помимо олицетворений и эпитетов, метафор и сравнений, перифраз и гипербол, литот и метаморфоз примета характеризуется ярко выраженным фоновым символизмом, богатым набором рифм, яркими колоративами, эффектными диминутивными образованиями, обильными фактами словотворчества, в которых особую роль приобретают двукорневые слова, не столь характерные для иных фольклорных жанров» [294, с. 7]. Текст примет очень прост и легок для восприятия. Его краткость, вариативность, образность языкового оформления, помимо всего прочего, непосредственно служит образовательным целям. Благодаря этому приметы могут более эффективно выполнять свою дидактическую функцию через мнемонический способ запоминания.

Интересно отметить, что есть приметы, где прогнозируемый результат не зависит от человека («*Калі вострая зіма, дык будзе гарачае лета*») [55, с. 163], а есть такие, где определенные действия человека могут вызвать соответствующие последствия («*Калі выцяць цяжарную жанчыну, то ў дзіцяці на тым месцы будуць сляды ўдару*») [56, с. 68]. С педагогической точки зрения в первом случае знание ситуации помогает человеку подготовиться к ней должным образом. Осведомленность — это бесценное сокровище, которое в данном случае через народные пословицы дает человеку образование. Во втором случае, помимо этого, человек осмысливает ситуацию, принимает решение по поводу того или иного поведения. Человек формируется как творческая личность, где пересекаются рациональное и иррациональное, материальное и духовное. Прямое и косвенное воздействие примет на становление личности очевидно.

При оценке сегодняшней ценности народных примет, возможности их использования в современных условиях В. А. Василевич отмечает, что лишь незначительная их часть может представлять реальный интерес. А всё прочее, «не обещая явной утилитарной пользы, имеют несомненное научно-познавательное значение» [55, с. 6]. При самом глубоком уважении к замечательным работам минского коллеги, хотелось бы сделать небольшое уточнение, что многие из народных примет, которые, казалось бы, могут быть интересными только для науки, представляют собой существенную педагогическую ценность как в плане формирования этнонационального сознания, так и непосредственно в аспекте обогащения образовательных процессов. Вот как, например, народная педагогика белорусов воспитывала чувство уважения к другим людям с помощью примет: «*Злачынства — пляваць у твар чалавеку, бо на ім нязменна знаходзіцца рука Бога ці анёла-ахоўніка і пляўком можна абразіць іх, а не чалавека*» [55, с. 462]. Или аналогичная: «*Калі на чалавека плюнеш, на тым свеце будзеш гарачую патэльную лізаць*» [55, с. 463]. Здесь народные пословицы в качестве воспитательных средств достаточно эффективно воздействуют на мотивационную сферу личности во время выбора тех или иных поступков и формирования соответствующей линии поведения.

Или еще один личный: в детстве деревенские мальчишки-озорники могли разрушать птичьи гнезда, особенно доставалось воробьям, мол, за то, что истребляют урожай проса. Но и самый заядлый шалун никогда даже не прикасался к гнезду ласточки, ведь в народе существовало твердое убеждение, что тот, кто повредил ласточкино гнездо или яйца птицы, будет всю жизнь рябым, как те яйца. Педагогическая ценность многих паремий заключается не в возможности их непосредственного употребления в настоящем, хотя такое иногда допустимо, а в формировании определенного пласта убеждений, направленности нашей ментальности, преемственности, если не методических, то содержательно-целевых основ воспитания подрастающих поколений.

По сути, весь жизненный путь человека, начиная с периода его физического рождения (беременность женщины) и до смерти, обставлен необычным множеством народных примет, которые непосредственно или в достаточно скрытой форме помогали обществу осуществлять важнейшую его функцию – образовательно-воспитательную. *«Дзеці павінны шанаваць радзіцаў [бацькоў] і сцерагчыся, каб іх бацькі клялі, бо ніхто нікога так не пракляне, як бацькі сваё дзіця»* [55, с. 548], – недвусмысленно советовала народная мудрость. *«Няможна на дзіця гаварыць “жаба”, бо потым тры дні расці не будзе»* [56, с. 159], – здесь требование гуманного отношения к детям затушевано страхом перед возможным сбоем в его физическом развитии.

Таким образом, народные приметы в этнической педагогике белорусов являлись важными дидактическими средствами в приобретении многих жизненно необходимых знаний, умений и навыков, а также не менее важными воспитательными средствами формирования личности в нравственном, трудовом, экологическом, эстетическом и других направлениях, что обеспечивало гармоничность ее развития. Народные приметы не утратили своей социально-культурной, педагогической значимости и активно развиваются в современных условиях как средство формирования и определения сущности этнокультурного сознания. В них органично сочетаются универсальный характер и национальная специфика многовекового общественного опыта. Как и в других паремиях, в приметах проявляется богатство и самобытность родного языка, жизненно-хозяйственные и художественно-творческие способности белорусского народа. Приметы чрезвычайно ярко демонстрируют тесную связь народного языка и национальной педагогической культуры, а генезис этнодидактики, как никакая другая ветвь этнопедагогики, своим характером и динамикой обязан народным приметам. В развитии отечественной педагогической культуры они имеют неисчерпаемые возможности совершенствования как содержательно-целевых, так и процессуально-методических основ национального образования.

3.4. Воспитательная роль народных заговоров

Для каждого народа можно определить сферу духовной деятельности, в которой он наиболее полно проявляет свой внутренний потенциал, самоопределяется. Одни народы имеют склонность к философскому размышлению, другие не представляют жизни без самовыражения в танце, песни, мелодии, что накладывает отпечаток и на национальные системы образования и воспитания. Особенность мировосприятия белорусов видится в тонком ощущении слова, многогранности поэтических талантов, тесной связи с родным языком, что порой приобретает трагическое звучание и определяет судьбу человека и общества. Учитывая неблагоприятные условия социального развития, письменная традиция прежде всего проявилась в синкретичном литературном творчестве отечественных мыслителей, которое включает также философские и педагогические концепции, во многом опередив свое время. Устное народное творчество породило богатейший среди славянских народов фольклор – бездонный колодец памяти и традиций (в том числе и этнопедагогических), глубину которого мы не можем до конца постичь.

Одним из самых древних жанров устного народного творчества считаются заговоры, по времени создания их относят к ровесникам наскальной живописи как первого проявления эстетического творчества, нравственных традиций народа. Таким образом, заговоры представляют собой важную часть ментального кода, однако сложно поддаются дешифровке, пониманию современным человеком, скрываясь за однообразием тем и образов. Слово в этом фольклорном жанре приобретает чрезвычайную силу, способность воздействовать на физическую и нравственную природу человека, его мысли и поведение, корректировать взаимоотношения с коллективом, окружающей природой.

Широкое распространение заговоров и вообще мифологических представлений среди всего населения, а не только какой-то его части можно подтвердить наличием в отечественной истории такой неординарной фигуры, как полоцкий князь Всеслав Чародей, наделенной даром предвидения, волхования, способной превращаться в волка, о чем рассказывается в «Слове о полку Игореве». Сила и духовная энергия языческих традиций позже получили продолжение, воплотившись в подвижнической нравственно-просветительской деятельности внучки Всеслава, Прадславы – Евфросинии Полоцкой. На примере этой семьи видно, что на Беларуси христианство и язычество создали синтез, порой довольно неожиданно сочетаясь в мировоззрении, воспитании, деятельности знаменитых людей.

Несмотря на сакральность и ограниченное использование, заговоры бытуют в народе и сегодня. Мифологическое сознание, которое формировалось на протяжении тысячелетий, и теперь влияет на утверждение жизненных идеалов, морали, определяет многие наши поступки и поведение.

Этнопсихологи заметили, что белорусы охотно верят в суеверия, в поступках часто руководствуются приметами и поверьями. Определенную мистичность мировоззрения можно объяснить тем, что нашим предкам был свойственен восточный тип культуры, обусловленный преимущественным развитием правого полушария мозга, которое отвечает за образное мышление, ощущение ритма, тембра, мелодии, религиозные переживания, имеет центр гипноза [299, с. 161]. Можно полагать, что в значительной степени эти свойства продолжают сохраняться в менталитете народа, но в надлежащей степени не учитываются при организации воспитательного процесса. Подход к человеку, намеченный в заговорах, не устарел, спличности воздействия на психику не утратили своей значимости. Не случайно философы-структуралисты отмечают, что первобытное мышление по своей сути и логике принципиально не отличается от современного. А заговоры и отношение к ним стоит воспринимать не только как пережиток прошлого, но и как часть национальной культуры, учитывать при определении направлений нравственно-психологического и эстетического воспитания. Слово, по мнению современных ученых, имеет огромный, пока что глубоко не познанный энергетический потенциал, и как средству формирования души ему нет равных в воспитательном деле.

Белорусские заговоры можно назвать языческой молитвой за здоровье и психологическое равновесие отдельного человека, а через это – и всего народа. Физическое здоровье, душевное равновесие во все времена считались в народной педагогике фундаментом воспитания гармоничного человека: трудолюбивого, высоконравственного, способного преодолевать жизненные трудности, отстаивать интересы семьи и рода. Вопросам воспитания уделялось надлежащее внимание. Недаром значительная часть заговоров адресована матери и ребенку. Они использовались во время беременности, рождения, а затем непосредственно для лечения и профилактики детских болезней: «*Ад пярэпалаху*», «*Ад дзяцінцу*», «*На забяснячэнне здароўя дзіцяці*» и др.

Основной задачей этнопедагогики применительно к младенцам можно считать слова: «*Малым дзецям на спанне і прыбыванне*», которые часто повторяются в заговорах. Своевременное питание, спокойствие, здоровый сон – надежные профилактические и закаляющие средства в раннем возрасте.

Особенно важным считался сон. Ему придавалась даже мистическая значимость. Возможно, это связано с древними представлениями о том, что во время сна душа оставляет тело и в него может проникнуть болезнь или злой дух, особенно от испуга. До настоящего времени сохранились запреты укладывать детей спать на заходе солнца, резко будить их, позволять смотреть на спящих незнакомым людям. Существовали многочисленные ограничения, ритуалы при укладывании детей. Например, желательно сказать следующее: «*Я цябе, маё дзіцятка, спаць лажу, крыжам абгараджу. Ангелы на баках, а Прачыста Божа Маці ў галавах. Прачыста Божа Матка, беражы майго дзіцятка з вечара да ночы, а з ночы да свету і да ўсяго веку*»

[300]. Тут очевидно оптимистичное эмоциональное настроение, передающееся и матери, и ребенку, стремление воспитателей из народа заложить положительную программу на будущее.

Особую опасность для спокойного сна младенцев представляли злые духи ночи – «ночницы», «криксы», «плаксы». Согласно древним представлениям, *«катора кабета ніколі не мела дзіцяці праз сваё шэльмоўства, або яе людзі праклялі, то такая па смерці ходзіць Начніцаю: не дае дзецям спаць, шчыпле іх, дакучае, а дзіця ўсё плача ды плача ўсю ноч»* [301, с. 184]. Надежными средствами избавления от «ночниц» считались заговоры, дневной свет, домашний огонь, одаривание их хлебом-солью, которые ставили на окно. Тут одновременно проявляются внимание народа к физическому и психологическому состоянию младенцев, попытка воздействовать на них с помощью магического слова, а также строгие критерии нравственной оценки поведения женщины. Как видим, лишение способности иметь ребят, воспитывать их представлялось предком величайшим наказанием для женщины за аморальное поведение, от чего нет спасения даже после смерти.

Многие заговоры и приметы направлены на то, чтобы уберечь малых детей от нежелательных встреч, от злого слова или плохих глаз. В народной педагогике контакты между детьми в возрасте до года запрещались, так как считалось, что *«мацнейшае дзіця пераможа слабейшае і апошнія захварэе»* [202, с. 561]. Если встреча все же произошла, то детям необходимо поцеловаться, но следить, чтобы одного ребенка не поднимали выше другого. Это требование может показаться архаичным, но оно является общим для педагогических подходов разных народов. Поэтому должно восприниматься не только как барьер распространению инфекционных заболеваний, но и как предостережение от суетливости, торопливости, неоправданного стремления ускорить темпы психофизического развития детей. Такая тенденция в последнее время стала модной среди родителей, которые не устают хвалиться, чей ребенок раньше начал ходить, говорить, достиг других успехов, не используют ради этого даже принудительные средства, нарушая темпы индивидуального развития.

В творчестве педагогов-классиков неоднократно звучало предупреждение об опасности чрезмерного внешнего влияния на здоровье и самобытность личности, формирование волевых качеств и нравственного стержня. Народная педагогика, не боясь упреков в консерватизме, не спешила выводить ребенка за порог родного дома, пока не был выработан физический, психологический и нравственный иммунитет, сохранялся принцип «не навреди».

Наши предки хорошо осознавали силу слова. Существуют даже специальные заговоры *«Ад прымавак»*. С одной стороны, поговорка является эталоном народной мудрости и жизненной философии, с другой – это не простое высказывание, а выверенная жизнью и временем сконцентрированная мысль. Сказанная не в добрый час, она может ненароком причинить вред человеку.

Поговорки, заговоры, детские потешки и сказки составляли единый пласт народной культуры и одновременно выполняли защитные функции по отношению к детям. В них часто встречаешь «сороку-ворону», которая умеет не только кашу варить, но и имеет способность отгонять сглазы. Это свидетельствует о спаянности разных фольклорных жанров, их комплексном воздействии на юного слушателя.

Особое внимание придавалось защите и лечению от сглаза, приговоров. Считалось, что сглазить могут и мужчина, и женщина, и ребенок, и даже животное. Встречаются сглазы ветровые, вихревые, «з прыгавору, з падзіву, з напраснага слова» [202, с. 270]. Главными средствами лечения выступали заговоры, народная магия, которые широко использовали свойства воды и огня. Большое значение приобретало время (недобрый или хороший час) и слово: «*Першым разам, божым часам, Бог з помаччу, а я са словам!*» [202, с. 56]. Как и в заговорах, в народной педагогике вербальным методам придавалось первостепенное значение для воспитания человека, воздействия на духовно-эмоциональный мир личности. Можно сказать, что педагоги (и в определенной мере врачи) стали преемниками этих традиций, но отношение к слову изменилось, нивелировалось, что отрицательно отразилось на системе воспитания, нравственном состоянии общества.

Магия, знание заговоров было серьезным занятием, наравне с прядением, ткачеством, вышиванием – исконными женскими делами. В заговорах часто встречается образ трех сестер, которые сидят под дубом: «*адна шыла, другая нашывала, а трэцяя ўрокі, улёкі, спугі, пярэпалахі вымала*» [202, с. 266]. Народная педагогика и магия имеют множество средств для борьбы с детскими страхами, испугом. Этой деликатной проблеме уделялось должное внимание, детям разных возрастов оказывалась нравственно-психологическая поддержка. Детям, особенно плаксивым, с отклонениями в здоровье было принято регулярно «шаптаць ляк», выкатывать его из тела сырым яйцом, выполнять магические действия с огнем и водой. Считалось, что испуг может способствовать болезни или «нарушению души» – отклонению психического характера.

В заговорах так изображается образ уродины-ляка: «*У ляка васковая галава, трухлявае цела, канапляныя ногі. Васковая галава растопіцца, трухлявае цела рассыплецца, канапляныя ногі паломяцца*» [202, с. 321]. Если учесть популярность иностранных мультсериалов про привидения и карманных монстров-покемонов, то народное представление о детских страхах можно с успехом использовать в национальной мультипликации, при организации работы с дошкольниками и младшими школьниками.

В заговорах оживают персонажи белорусской мифологии: Лесовик, Домовой, Подвей, Мара, другие, злые и добрые, порой трагикомичные духи родной земли. Именно дети наиболее верят в их существование, ощущают страх в темноте, во сне, в одиночестве перед одушевленными и неодушевленными предметами. В народной мифологии Мара – богиня ночи, которая

насылает нехорошие сны, душит во сне. До нашего времени сохранилось выражение «адкасніся, мара», адресованное чрезмерно надоедливому человеку. Избавиться от этих негативных явлений помогали заговоры: «*На добры сон*», «*На збаўленне ад нуды*» и др.

Вера в злых духов имела и предостерегающее, воспитательное значение. Для формирования соответствующих нравственных качеств, корректировки поведения употреблялся метод устрашения. Детей пугали Домовым, Хлевником, Водяным, духом огня Жижалем, чтобы они не наделали вреда, не лезли без нужды в воду или огонь. Дети были не только объектом воспитания и воздействия народной магии. Они сами участвовали в обрядах, познавали особенности лечения, учились жить в согласии с природой. Так, существовало убеждение, что именно дети успешно лечат «грызь», болезни спины, а заговоры лучше помогают, если их прочитает тот, кто первым родился в семье.

Родная природа также являлась частью народного мировосприятия и педагогических традиций. Знахари, как к своим знакомым, обращались за помощью к творцам «*лесавога, баравога, палявога, лугавога*», «*пане маці маланкі-бліскулі*», «*вадзіцы-царыцы зямной і нябеснай*» и духу ветра – всемогущему Подвею. Заговоры, как и другие жанры фольклора, свидетельствуют, что лес, окружающая природа имели значительное влияние на воспитание детей, которые с самого детства собирали грибы и ягоды, приучались к традиционным ремеслам, пасли животных.

Интересен в этом плане заговор «*Ад лесуна*», где говорится: «*Цар лесавы, царыца-лесавіца! Прымі ты наш падарак і нізкі наклон, і прымі ты маіх малых рабят і адпусьці іх дамоў*» [202, с. 44].

Традиционный уклад жизни и исконные занятия изображены в бортнических, рыболовных, охотничьих заговорах. Заговор хозяйственного характера «*Для пчол*» обращен к молодому рою и звучит как наказ-поучение: «*... параней уставайце, сваіх дзетак пабуджайце і пасылайце іх у цёплыя лясы, у шчырыя бары. ...Да чужых пчол не лятайце і чужых да сябе не пускайце. Як маці зямлі, свайго месца пільнуйцеся*», а таксама «*чужога не бяры і свайго не кідай*» [202, с. 36]. Древний человек не отделял себя от природы, переносил на окружающие явления свое поведение и переживания, поэтому эти мысли можно адресовать и молодежи. Эпитеты же и понятия, которые употреблены, определяющие для народного мировосприятия, универсальные в системе ценностей.

Заговоры, поверья, многочисленные магические действия сопровождали человека от рождения до смерти, являясь элементами обрядов, традиционного уклада жизни и воспитания. Однако особое значение они приобретали в судьбоносные, переломные периоды. Временем испытаний всегда была и есть для человека любовь. С одной стороны, оно усиливает индивидуальное, творческое начало, с другой – вынуждает интенсивно усваивать общественные нормы и ценности, искать нравственную поддержку в опыте поколений,

частью которого па праву считаются заговоры. Любовь – это практически единственное чувство, которому в заговорах уделяется не меньшее внимание, чем болезням телесным.

Объединив физическую и духовную сущность личности, любовь приобретает неограниченную власть, сушит *«сушэй саламіны»* [202, с. 373], не дает возможности *«ні ў чыстым полі нагуляцца, ні ў парной бані парыцца, ні прэсным малаком пахлябацца, ні ў мягкай пасьцелі атаспацца»* [202, с. 371]. Согласно белорусским заговорам, которые также имели названия *«присмуты», «присушкі», «любжы», любовь – это щемящая боль, «нуда», «сухата», «таска кіпучая, гаручая, магучая»* [202, с. 373]. Она даже наделяется свойствами живого существа, имеет подобие с мифологическими персонажами: *«Плача таска, рыдае, белага свету дажыдае, радуецца і весяліцца»* [202, с. 373]. В разных вариантах она спрятана за морем, под камнем, под доской, словам, отделена от человека и поэтому неподвластна ему, а подчиняется только высшим силам, в том числе силе слова.

Не только магический, но и эстетический смысл несут образы солнца и месяца, трех заряниц или звезд, имеющих символические названия: *«адна прывара, друга прынуда, трэйця прысуша»* [202, с. 377]. Сила чувства сравнивается с жаром *«трыдзевяці кастроў дубовых дроў»* [202, с. 371] или *«трох печак – меднай, жалезнай, кірпічнай»* [202, с. 370]. Любовь наделяется преобразующей, жизненной силой огня – прообраза солнца, имеющего исключительно значение во всех обрядах. Основной сюжет присушек нередко разворачивается под дубом – священным для славян деревом, местом жертвоприношений.

В заговорах на взаимную любовь чаще обращаются не к христианским святым, а к ведьмам, знахарям, Бабе-яге, «окаянной силе», припоминаются также волк, «змья-самаверница», ворон. Возможно, тут отражен взгляд народной морали на несчастную любовь как на проклятие, болезнь, напасть злых сил, или наблюдается конфликт христианской и языческой традиций, которые имели отличие в трактовке взаимоотношений полов. Например, этнографы отмечают, что во время годовых праздников (Купалье, Святки) допускались и даже поощрялись свободные отношения между мужчинами и женщинами. Это не являлось аморальным, так как было частью обрядов, направленных на повышение плодородия земли и плодовитости животных, что ставилось в тесную зависимость с репродуктивной функцией человека. Конечно, имеется в виду не XIX в., когда нравы отличались строгостью, а более ранний период, время господства бога плодородия и чувственной любви Ярилы.

Как отмечают исследователи славянского мифологического пантеона, *«языческие браки и похищение жен сочетались с празднованием Ярилы»* [301, с. 7]. Такие уступки со стороны вообще строгих норм обычного права можно считать не только проявлением заботы общины о будущем урожае, но и о рождении как можно большего количества детей, продолжении рода,

когда семья по каким-то причинам не имела потомков, или они рождались с психическими или физическими отклонениями наследственного характера.

В современном понимании эти функции выполняют центры репродукции человека. Их количество увеличивается, что свидетельствует об актуальности проблемы. Однако медицина, имея значительные успехи, конечно, не может учитывать все нюансы появления новой жизни, невольно нарушая законы духовной и физической гармонии в природе. Поэтому и современные женщины, пусть подсознательно, но продолжают верить в магическую силу слова, целительные свойства родных источников и всемогущество любви.

В белорусских заговорах мы не встретим легкомысленного, неответственного отношения к любви. Скорее, подчеркивается её трагизм, провидение судьбы. Достоверно, что присушки были известны не только знахарям, но и являлись частью молодежной культуры и специальных обрядов, оказывали воздействие на духовный мир, взросление личности. В этом плане их можно считать средством эстетического и нравственного воспитания, прививкой против циничного, негативного восприятия взаимоотношений между мужчиной и женщиной, их чрезмерного физиологизма, что является отметкой современного мышления. Культурному человеку такой негативизм помогают преодолеть искусство, музыка, поэзия, лучшие традиции и обряды.

В народной педагогике, в частности, с успехом использовались заговоры. Их сакральное, мистическое начало заставляет обратить внимание на высшую сущность и красоту человеческих чувств, в значительной степени почувствовать трепетный страх перед неизведанным. Заговоры можно назвать уроком нравственности, репетицией признания в любви, устным посланием к избраннику. Они объясняли природу любви, ее особенности, направляли на поиск своего, единственного спутника жизни. Обращаясь к знахарям, самостоятельно повторяя слова заговоров, юноши и девушки получали психологическую помощь: увеличивалась вера в собственные силы, надежда на взаимность. Слово, мысль являлись в древности не просто звуком, а были равнозначны поступку, действию. Если же это был заговор – слово магическое, тайно нашептанное, обращенное к высшим силам, то оно имело свойство в несколько раз увеличивать духовный и физический потенциал человека, помогало ему достичь поставленной цели, подняться до вершин раскрытия внутренних возможностей.

Утверждают, что формула любви уже открыта в химической лаборатории, но она очень метко прописана в устном народном творчестве каждого отдельного народа, имеет общечеловеческое значение. *«Очы ў очы, сэрца ў сэрца, мыслі ў мыслі»* [202, с. 370], – звучит как нравственный завет всем поколениям влюбленных; *«Спалюбі мой дух»* [202, с. 375], – слышится на уровне подсознания.

В заговорах создан пример взаимоотношений между мужем и женой, семейного согласия. В народном понимании это материнская любовь, любовь

птицы к родному гнезду и своим птенцам, коровы – к теленку, ослицы – к осленку: *«Прыгорнемся адно к аднаму, як маці к грудзям»* [202, с. 377]; *«Штоб ён міне так любіў і жалеў, як маці малое дзіця»* [202, с. 379]. Так лирично звучит в белорусских заговорах признание в любви, на таких принципах должна строиться семья – основа для рождения и правильного воспитания детей.

Одновременно раскрывается сущность и противоречивость чувства, которое способно сделать так, *«штоб не было мілей яму ні род, ні племень, ні ацец, ні маці»* [202, с. 375], но в процессе своего становления оно должно привести к созданию новой семьи, где примером как раз и будет материнская любовь и взаимная забота. Символом семейного счастья влюбленных выступает в заговорах образ ключа и замка, которые спрятаны на дне моря, под Латыр-камнем, недоступны для чужих людей.

Одинокий, без семьи человек осуждается народной моралью. Недаром для того, чтобы расстроить свадьбу, использовался ряд ритуальных вещей, в том числе тех, что принадлежали вдовцу, вдове, бездетной женщине. Таким образом, предметам, волосам придается магическое значение, на них переносятся нравственные качества личности.

Прослеживается связь не только между живой и неживой природой, что вообще свойственно магии, но и поведением, семейным положением. Подчеркивается, что от человека, его поведения зависела не только личная жизнь, но и судьба близких, односельчан, будущее семейное счастье молодых. Наличие семьи, ребят считалось проявлением добродетельности, положительно воздействовало на окружающих. Из текста заговоров можно также полагать, что коллективная мораль осуждала незаконнорожденных детей, тех, кто дважды женился, даже вдов и вдовцов. Ряд заговоров направлен на сохранение семьи: *«Шоб вярнуўся бацька к дзіцяці»*, *«На ўмацаванне шлюб»*. Известны народные средства лечения и заговоры от пьянства, которое нередко являлось причиной несчастливого брака.

Очевидно, что свой нравственно-этический идеал, этнопедагогические традиции, заботу о физическом и психологическом здоровье детей и молодежи народ высказал в заговорах. Порой мы относимся к ним насмешливо, даже с презрением. Однако в критические моменты жизни, на границе между бытием и небытием и взрослые, серьезные люди обращаются к знахарям, используют народные способы лечения. Однозначного ответа об эффективности магического воздействия не существует, хотя высказывается мысль, что оно не уступает современной психотерапии. И совсем естественно, что, подобно легендарному Антею, дети всех народов ищут спасения в травах и цветах родной земли, в исконных традициях, верят в магические свойства родного языка, воспитательный потенциал которого не только не используется во всей полноте, но даже в значительной степени еще и неизведан.

ГЛАВА 4

ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА БЕЛОРУСОВ И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

4.1. Традиционные этноэкологические знания в современном образовании

Обоснование целесообразности опоры в воспитании на этнонациональный опыт имеет в педагогической науке давнюю традицию. В данном контексте уместно вспомнить ставшее хрестоматийным утверждение К. Д. Ушинского: «Как нельзя жить по образцу другого народа, как бы заманчив не был этот образец, точно также нельзя воспитать по чужой педагогической системе, как бы ни была она стройна и хорошо обдумана» [67, с. 166]. Вполне закономерно, что современные ученые и организаторы образовательных процессов поддерживают, развивают мысль о необходимости фундаментального включения народно-педагогического наследия в совершенствование педагогического процесса. Так, Н. С. Матюхина подчеркивает, что «использование этнопедагогических идей является важным аспектом в реформировании современной системы образования» [302, с. 182]. Исследуя народную педагогику белорусов, А. П. Орлова резюмировала: «Преемственность народной и научной педагогики мы понимаем как взаимосвязь и взаимодействие педагогических идей (эмпирическая теория) и воспитательного опыта, выработанных народом на протяжении многовековой истории, с основными положениями теории и практики научной педагогики» [303, с. 7].

Необходимость экологической направленности современного образования при доминантной ориентации на углубленное усвоение этноэкологической культуры априори предполагает наличие разработанности ее этнопедагогического аспекта, который, помимо решения основных задач, обеспечивает поликультурный вектор развития нынешних образовательных тенденций. Нельзя не согласиться с утверждением, что «традиционные ценности, обогащающие этнонациональную специфику материальной и духовной культуры народа в исторической социодинамике, имеют тенденции закрепления особенного и трансформации в универсальное» [304, с. 47]. Учитывая геополитическое расположение страны и наличие богатейшей, самобытной этноэкологической культуры нашего народа, этнокультурный подход в экологическом образовании должен стать одним из приоритетных в образовательной политике Республики Беларусь.

В целом необходимость использования этнокультурного опыта в образовательных процессах современности обусловлена рядом причин. Одну из важнейших определяют основоположные требования принципа культуросообразности, согласно которым результативность решения педагогических задач самым непосредственным образом зависит от социокультурных

условий их осуществления. Этнокультурный и этнопедагогический аспекты в этом процессе являются доминирующими. Они образуют базис, который «обеспечивает как оптимальную технологическую доступность и приемлемость этого процесса, так и максимальную содержательную прочность получаемых результатов» [305, с. 12].

Следующая причина порождена особенностями развития глобализирующегося мира, когда, как обосновано обществоведами, приобщение к общечеловеческим ценностям наиболее полно и эффективно возможно через постижение этнокультурных основ конкретного общества. В связи с этим А. Н. Леонтьев отмечал, что «этнокультура – средство развития и воспитания личности, овладения ценностями окружающей социоприродной среды, главное условие гармонизации отношений с окружающим миром и самим собой посредством присвоения социально-исторического опыта, фиксированного в форме исторически сложившихся предметов культуры, воплощенного в отобранных этносом духовно-нравственных идеях-ценностях и осваиваемого в деятельности. Эти ценности, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности субъекта, входят в психологическую структуру личности в форме личностных ценностей, являющихся одним из источников мотивации ее поведения, ее отношения к миру» [306, с. 101]. Синтез и взаимообогащение национально-этнических, поликультурных основ и особенностей в контексте глобализации и интеграции характерны для многих сторон устойчивого развития современной цивилизации.

Многие белорусские ученые (В. С. Болбас, Л. Н. Воронецкая, И. И. Калачёва, А. Ю. Лозко, Е. Л. Михайлова, Л. М. Ракова, Н. С. Старжинская, В. П. Тарантей, Л. М. Тарантей и др.) акцентируют внимание на этнокультурном аспекте содержания образования. Исследователи констатируют, что результативность современных образовательных процессов в частности, как и устойчивое развитие государства в целом, во многом зависят от глубины преемственности происходящих культурно-исторических процессов. «Решение задачи построения в нашей стране системы национального образования не может обойтись без основательного исследования ее этнонациональных основ, значительную часть которых представляет отшлифованный жизнью и временем многовековой народно-воспитательный опыт», – подчеркивают они [307, с. 9]. Этноэкологический компонент в образовании способствует сохранению и развитию белорусской национальной культуры в целом. В Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи (2015 г.) отмечается: «Важно использование традиций народной педагогики по отношению к природе» [308, с. 16].

Обоснование необходимости опоры на народно-педагогическое наследие подкрепляют многие факторы: преемственность, традиционализм, менталитет, естественность, доступность, опора на рациональные и иррациональные основы, тесная связь с реальной жизнью и др. Вместе с тем современные ученые отмечают: «К сожалению, немного современных педагогических

исследований посвящено опыту формирования экологической культуры учащихся на основе этнопедагогики. Мало и научно обоснованных трудов, где получили бы разрешение основные методологические и теоретические проблемы формирования экологической культуры учащихся на субстрате этнопедагогики» [102, с. 3]. Заметим, что сложившаяся ситуация адресована Российской Федерации, однако аналогичное наблюдается и в Республике Беларусь. Вышесказанное обуславливает изучение проблемы использования этноэкологических идей народной педагогики белорусов в настоящее время.

Выявленная, структурированная и систематизированная в результате настоящего исследования совокупность идей этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов представляет собой выверенную жизнью и временем концептуальную основу передачи-приобретения из поколения в поколение накопленного опыта гармоничного сосуществования человека, общества и природы. Опираясь на данную основу, традиционная система воспитания у нашего народа в исторической ретроспективе характеризуется естественностью и значительной результативностью. Само же системно-структурное образование, сформировавшееся таким образом на базе обобщенного этноэкологического опыта, с полным основанием можно назвать этноэкологической педагогикой белорусов.

В соответствии с приведенными выше дефинициями из тезауруса исследования, **этноэкологическая педагогика** – это целостная совокупность эмпирических знаний, устойчивых взглядов, характерных идей этноса об экологическом воспитании [134, с. 123]. Следовательно, накопленный этноэкологический потенциал педагогического наследия белорусского народа может и должен быть использован в современном образовании.

Во-первых, уточним: под образованием мы понимаем процесс и результат обучения и воспитания в системной их совокупности, что соответствует достаточно устоявшимся подходам его осмысления в педагогической науке. Так, например, в большинстве учебников и учебных пособий по педагогике «образование трактуют как процесс и результат освоения человеком опыта поколений в виде системы знаний, умений, навыков, способов творческой деятельности, отношений» [309, с. 41]. В статье 1.18 Кодекса Республики Беларусь об образовании констатируется, что образование – это обучение и воспитание... [310]. Более того, в педагогической культуре белорусов, как и вообще восточных славян, духовно-нравственный компонент образования всегда был приоритетным, что также аргументирует его «расширенную» трактовку. Исходя из этого, при исследовании формирования идей этноэкологического воспитания мы опирались на понимание воспитания в широком смысле, куда непосредственно включаются и обучение как процесс передачи-приобретения знаний, умений и навыков, и воспитание (в узком смысле) как процесс формирования черт и качеств личности.

Во-вторых, понятие «потенциал» обычно интерпретируется как «средства, запасы, источники, возможности, которые имеются в наличии и могут

быть использованы для достижения определенной цели, осуществления плана, решения какой-либо задачи» [311, с. 1015]. Определяя потенциал в качестве совокупности всех имеющихся возможностей, мы невольно подчеркиваем их неиспользуемость в настоящее время. М. А. Романова справедливо указывает на «то, что в данный момент времени практически реализуется, в содержание потенциального не включается» [312, с. 114]. Исходя из того, что совокупность идей этноэкологического воспитания, разработанных в народной педагогике белорусов, как показано выше, используется в педагогической науке и практике недостаточно, то их вполне обоснованно можно относить к потенциалу развития современного экологического образования.

Результаты изучения этноэкологических идей народной педагогики белорусов позволяют **укрепить и пополнить методологические основы экологического образования в целом**. Экологизация, обусловившая стратегию и характер развития всех сфер жизни общества, постепенно занимает приоритетное место в совершенствовании современной педагогической науки и практики. Во многом она определяет стратегию формирования национальных систем образования, где «на концептуально-методологическом уровне понимается как системная согласованность целей, задач, функций, содержания, структуры и методов образования с основными принципами экологии» [313, с. 4].

Российский ученый Л. В. Моисеева констатирует: «Мировоззренческие и философские аспекты современной научной картины мира опираются на экологическую философию, а методология экологического образования должна определяться экологической педагогикой» [314, с. 68]. Продолжая эту мысль, можно утверждать, что этнической педагогике в методологии экологического образования должно быть отведено важнейшее, системообразующее место. Этноэкологические идеи белорусов опираются на народную философию, формирующую методологические ориентиры взаимодействия человека с природой, которые способствуют развитию целостной эколого-мировоззренческой позиции и активной экологосообразной деятельности. Построенная на эмпирических подходах изучения действительности народная педагогика содействует актуализации эмпирических методов в методологии современного экологического образования. **Используя этноэкологические идеи народной педагогики белорусов, представляется возможность обогатить культурологический подход к решению проблем современного экологического образования, соотнося его положения с положениями этноэкологической культуры прежде всего через категории духовности и нравственности.** Подобное в полной мере относится к аксиологическому, личностно ориентированному, деятельностному, контекстному и технологическому методологическим подходам. Также продуктивным будет синтез идей коэволюционного и генетического подходов, являющихся одними из основных в методологии экологического образования.

Важно отметить возможность **использования этноэкологических идей** не только при разработке методологических основ экологического образования, но и **при разработке методологических основ исследования проблем современного экологического образования**. Несмотря на то, что эти процессы взаимосвязаны и взаимозависимы, они имеют существенные различия. В Концепции развития национального культурного пространства во всех сферах жизни общества на 2024–2026 годы отмечается, что «образовательный процесс должен осуществляться на основе культурных традиций и ценностей белорусского народа» и важнейшим механизмом его реализации является «поддержка научных исследований, направленных на изучение и сохранение культурного наследия, включая национальные ценности, язык, традиции, обычаи...» [315, с. 7]. На этом акцентируют внимание исследователи народной педагогики белорусов [316; 317]. Так, использование культурологического подхода и эмпирических методов с характерными этнонациональными особенностями обогатят современные методологические основы исследования проблем экологического образования. Определенный вклад вносит использование этноэкологических идей белорусов в обогащение методологических подходов (герменевтического, эволюционно-эпистемологического и антропоэкологического), помогая исследователю глубже осмыслить, систематизировать и концептуализировать достижения народного опыта, сопоставляя и интегрируя его с достижениями современной педагогической и экологической наук.

Опираясь на определение «народная педагогика – это целостная совокупность эмпирических знаний, устойчивых взглядов, характерных идей народа о воспитании» [5, с. 20], приходим к выводу о непосредственной ее связи с теоретическим аспектом педагогической науки. Очевидно, что народная педагогика является фундаментом академической педагогики, и в то же время она обогащает педагогическую науку на протяжении всего периода её развития. В своем исследовании, посвященном взаимоотношению научной педагогики и народной в прошлом веке, А. П. Орлова отмечала: «В 70-е годы академическая педагогика официально признает народную педагогику в качестве источника педагогических идей и ставит цель использовать народную педагогику в интересах решения современных педагогических задач» [317, с. 5]. Поэтому **важнейшим направлением использования этноэкологических идей народной педагогики белорусов в настоящее время является обогащение теории экологического образования**. Причем такое насыщение происходит через переосмысление самой сути экологического образования, что придаёт ему приоритетное и системообразующее значение в контексте всего образовательного процесса, в том числе и за счет приращения и углубления всех его компонентов: содержательно-целевого, ценностно-мотивационного, процессуально-методического, оценочно-результативного.

Этноэкологическое наследие белорусов помогает раскрыть роль природы в формировании личности, влияние экологической деятельности на различные стороны ее воспитания, в первую очередь в нравственном аспекте [318], поэтому экологическое воспитание необходимо рассматривать не только как обязательный компонент формирования природоохранной системы, но и как важнейший фактор становления личности, способной решать современные и будущие задачи цивилизационного развития, основанного на новой культуре взаимоотношений с природой. В значительной степени благодаря ему глубже и основательнее осмысливается роль экологического образования в обеспечении устойчивого развития общества.

Л. В. Моисеева отмечает, что «экологическая культура становится ведущим компонентом общей культуры, развития материальных и духовных ценностей» [319, с. 104]. Этнонациональные особенности сущностно-содержательных сторон экологического воспитания белорусов акцентируют внимание на отдельных важных вопросах, дополняют и расширяют многие положения теории современного экологического образования. Они будут активно содействовать трансформации гуманистической модели образования вообще в экогуманистическую.

Подчеркивая важность и перспективность развития данного направления, белорусские ученые заключают: «Сегодняшняя этнокультурная ситуация позволяет привести в действие наиболее эффективные движущие силы, стимулирующие осуществление преемственности народной и научной педагогики» [317, с. 30–31]. Анализируя возможности применения народно-педагогического наследия белорусов в современной действительности, В. С. Болбас подчеркивает, что «основным направлением использования идей этнопедагогики нашего народа должна быть в первую очередь разработка такой педагогической теории, которая бы исходила из достижений современной науки, но обязательно опиралась на национальный опыт и собственные приобретения» [320, с. 24].

Выявленные идеи этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов способствуют определению особенностей функционирования в современных условиях с учетом исторического аспекта их становления. В целом народная педагогика в теории экологического воспитания играет ключевую роль. С одной стороны, вобрав в себя идеи, проверенные многовековым опытом, она является прочной основой современной теории экологического воспитания. С другой стороны, народно-педагогическое наследие является самостоятельным структурным компонентом этой теории.

Обоснование **использования этноэкологических идей народной педагогики белорусов** в обогащении теоретических и методологических основ экологического образования обуславливают следующее направление их использования в современности: **организацию научно-педагогических исследований**, предусматривающих решение многочисленных задач теоретического и практического характера по осуществлению экологического

образования в Республике Беларусь. К сожалению, в данном направлении мы имеем серьезные недоработки. В то время как экологическая направленность является одним из основных принципов государственной политики в сфере образования, за последние годы в стране, как отмечено выше, не проведено ни одного специального научно-педагогического исследования по данной проблематике. А ведь народно-педагогический опыт учит, что практическое решение любых проблем, в том числе и экологических, начинается с их изучения, осмысления: «Вучэнне без умення не карысць, а бяда» [18, с. 178], «Ад навукі галава не баліць, ад работы рукі не сохнуць» [15, с. 169], «Сем разоў адмерай, а раз адрэж» [219, с. 352].

Особо важный и ощутимый результат прослеживается при **использовании этноэкологических идей народной педагогики белорусов в практической организации экологического образования** [321]. Причем это относится как к определению его целей и содержания, так и в использовании выверенных многовековым опытом принципов, методов, приемов, средств и форм организации этого процесса. Уместно отметить, что такое обогащение практических основ современного экологического образования происходит двумя путями. Первый, опосредованный, реализуется через опору на современную теорию экологического образования, в которой уже учтены достижения народной педагогики. Второй характеризуется непосредственным использованием отдельных элементов народного этноэкологического воспитания в организации образовательного процесса. Естественно, что первый путь базируется на вопросах общей педагогики, обогащая основные направления её этноэкологическими идеями народной педагогики белорусов, что рассмотрено выше, поэтому подробнее остановимся на втором пути.

Следует отметить, что результаты практической организации экологического образования подытоживают весь экообразовательный процесс и являются объективной оценкой его эффективности. Вообще развитие экологического образования в СССР восходит к 60-м годам XX в. как ответная реакция на ухудшение состояния окружающей среды. Характеризуя его результативность в России к началу XXI в., Л. П. Викторова в докторской диссертации отмечает, что «основная ориентация на формирование экологических знаний учащихся не привела к позитивным изменениям в практике природопользования, в улучшении экологической ситуации территорий страны» [322, с. 5]. Обобщая результаты исследований многих ученых, она констатирует, что в последние годы существенно вырос уровень теоретических знаний обучающихся, а их уровень экологической культуры, проявляющийся в реальной экоориентированной деятельности, требует значительного улучшения.

Подобная характеристика применима и к ситуации в Беларуси. Е. А. Хмеленок указывает, что «много вопросов возникает при оценке состояния экологического образования в средней школе. ... недостатки

в системе экологического образования также характерны для высшей школы» [323, с. 45–46].

Компетентностный подход в образовании, практико-ориентированная его направленность помогут в определенной степени исправить сложившуюся ситуацию. Одним из факторов как раз и является использование с этой целью традиционного народно-воспитательного опыта предшествующих поколений. Также важнейшей особенностью народной педагогики выступает ориентация на деятельность, а не на знания. «*Адзін добры вопыт важней сямі мудрых навучанняў*» [17, с. 246], «*Не сілаю, то спосабам чалавек усяму на свеце дарадзіць*» [268, с. 146], «*Мени гавары, ды больш рабі*» [324, с. 234], – подчеркивает мудрость белорусского народа. В связи с этим Е. Г. Шаронова утверждает: «Соединение в экологическом воспитании собственно экологического и этнокультурного компонентов способствует формированию социальной активности личности по отношению к природной среде» [325, с. 191]. Опора на народно-педагогический опыт позволит более успешно устранить существующее сегодня несоответствие между декларативностью экокультурных установок содержания экологического образования и реальным отношением к окружающей среде в повседневной жизни.

Анализ практической организации экологического образования в Республике Беларусь и в других странах показывает, что в целом народно-педагогический опыт используется недостаточно. Изучая направление деятельности учебных заведений Республики Беларусь по применению идей народной педагогики белорусов, исследователи акцентируют внимание на том, что «их практическое использование часто носит хаотический, эпизодический и поверхностный характер» [320, с. 24]. Подобное отмечается и в других странах. Российский ученый Г. Ф. Массова констатирует, что «анализ диссертационных исследований, историко-педагогической, этнопсихологической литературы, а также анализ педагогической практики учреждений образования позволили установить, что при построении воспитательного процесса на традициях народной педагогики не используется системный подход» [326, с. 4]. Поэтому, руководствуясь принципом региональности, опираясь на этнонациональные особенности народно-педагогической культуры белорусов, творчески используя системообразующий потенциал ее этноэкологических идей, результаты данного исследования будут способствовать приданию целостности и системности современному экологическому образованию.

Ключевой особенностью народной педагогики является ее традиционализм. «Традиции народной педагогики как устоявшаяся система ценностей, адаптированная к современным условиям, – отмечает Г. Ф. Массова, – могут выступать как духовно-нравственные каноны поведения, оказывать существенное влияние на процесс формирования личности, способствовать

воспитанию ценностного отношения к семье, человеку, Отечеству, природе» [326, с. 10]. Еще более категорична в своих заключениях Е. Г. Шаронова: «Экологическая культура немыслима вне исторически сложившихся традиций народа в отношении к природе, поэтому в ее формировании огромна роль народной педагогики» [327, с. 180]. Традиции в этноэкологическом воспитании белорусов как сложившиеся на протяжении многих веков взаимоотношения в системе «человек – природа», отражающие особенности национального менталитета и передающиеся из поколения в поколение, могут и должны стать основой современных эколого-образовательных процессов. Экологические традиции и обычаи представляют собой наиболее устойчивые нормы и принципы поведения людей, организации их жизнедеятельности, поэтому они эффективно выполняют воспитательную функцию. Благодаря преемственности, повторяемости, тесной связи с жизнью экологические традиции, представляющие неотъемлемый элемент этнического экологического сознания, способствуют переводу знаний природосообразного поведения в окружающей среде в устойчивые качества личности.

Особый эффект достигается при **использовании этноэкологических идей народной педагогики белорусов в организации экологического воспитания дошкольников и младших школьников**. Это связано с тем, что акцент народного воспитания на эмоциональной сфере личности гармонично сочетается с психологическими особенностями детей этого возраста, который характеризуется высокой эмоциональностью, образным восприятием и преобладанием чувств над разумом. Тем более, что именно экологическое воспитание в большей мере воздействует на сознание и чувства личности через эмоциональное восприятие природы, нравственно-эстетическое отношение к ней.

Использовать этноэкологическое наследие белорусов можно как в учебном процессе посредством этноэкологизации содержания учебных предметов и организации дополнительных, факультативных занятий, кружков с углубленным изучением этноэкологической культуры, так и при осуществлении внеучебной воспитательной деятельности путем создания соответствующих объединений обучающихся этноэкологической направленности, а также проведения всевозможных воспитательных мероприятий, построенных на этноэкологическом материале. Эколого ориентированная насыщенность изучаемого учебного материала с элементами этноэкологического характера будет содействовать решению задач экологического образования и повышению активности познавательной деятельности учащихся. Важно отметить, что укрепление экокультурного потенциала касается как содержания гуманитарных дисциплин, так и предметов естественно-научного профиля.

Значительные возможности в процессе обогащения содержательно-целевых основ экологического воспитания имеет этноэкологический мате-

риал. Во многом благодаря таким подходам и происходит трансформация содержания экологического образования: «от изучения экологии природных систем – к экологии человека и социальной экологии; от охраны окружающей среды и рационального природопользования – к моделированию устойчивого, гармоничного развития общества и природы; от естественнонаучных оснований конструирования экологического образования – к гуманитарно-естественнонаучным; от объектной конструкции («что это?») – к проблемной («почему?», «как?»); от изучения опыта решения экологических проблем в прошлом и настоящем – к его использованию для проектирования элементов будущего» [328, с. 10].

Существенно повысит эффективность современных подходов к организации экологического воспитания использование народно-воспитательных методов и приемов (убеждение, приучение, пример, просьба, совет, намек, уговор, требование, приказ, разъяснение, показ, одобрение, поощрение, наказание, упрек, показ умений, внушение и др.), средств (загадки, пословицы, поговорки, притчи, песни, игры, сказки, легенды и др.), форм народного воспитания (народные праздники, традиции, обычаи, обряды, ритуалы, семейное воспитание, совместная деятельность со взрослыми и др.) [329]. В данном контексте стоит согласиться с мнением Т. С. Тугутовой, которая утверждает: «Значительный вклад в образование и воспитание детей можно внести, разработав и внедрив педагогические программы с применением этнопедагогических идей и этноэкологических составляющих, опирающихся на региональные особенности» [330, с. 76]. Безусловно, опора на прошлый опыт не должна быть прямой его экстраполяцией в сегодняшнюю реальность. Его идеи и конкретные элементы должны быть соотнесены с современностью, адаптированы к нынешним условиям.

Во внеклассной и внешкольной работе мероприятия, проведенные с опорой на этноэкологическое наследие белорусов, – школьные праздники, тематические вечера, экскурсии, походы, экспедиции, экологические акции, беседы, диспуты, викторины, конкурсы, игры, КВН, встречи с экологами и др. – формируют устойчивую активность учащихся в конкретной природоохранной деятельности. Отдельно следует выделить практическую природоохранную деятельность по месту проживания, а также научно-исследовательскую работу, направленную на охрану природы своей местности. В свою очередь, З. М. Куршаева отмечает: «Проблема использования опыта народной педагогики в экологическом воспитании в современных условиях представлена как этноэкологический аспект воспитания, который предполагает понимание, принятие традиционных этноэкологических воззрений и соединение их с современной экологической культурой» [331, с. 128]. Следует подчеркнуть, что использование экологических знаний в реальной жизни целиком зависит от особенностей конкретного региона, что, несомненно, повышает роль этноэкологического аспекта формирования

современной экологической культуры. В целом специфика этноэкологической культуры белорусского народа создает прочные основы для отказа от утилитарно-прагматического отношения к природе и наполнения этих отношений нравственно-духовной ориентацией.

Основываясь на выявленных роли и значении традиционной этноэкологической культуры белорусов в организации жизнедеятельности на протяжении всех периодов человеческого существования, учитывая стратегические особенности характера дальнейшего цивилизационного развития, актуальным становится вопрос об организации непрерывного экологического образования. Вполне оправданно в последнее время понятие «экологическое образование» часто трактуется как «непрерывный процесс обучения, воспитания и развития личности, направленный на формирование системы научных и практических знаний и умений, ценностных ориентаций, поведения и деятельности, обеспечивающих ответственное отношение к окружающей социально-природной среде и здоровью» [332, с. 10]. Безусловно, этноэкологический компонент в нем занимает важнейшее место, причем непрерывность понимается не только как постоянство процесса во времени, но и как обязательное обогащение этноэкологической компетентности.

Актуальность изучаемой проблемы дает основание утверждать, что в содержании общего и профессионального образования экологическое образование, а вместе с ним и этноэкологическое, будут увеличивать свое присутствие. Опираясь на народную мудрость: «Жалеза куй, як гарачае, вучыся як вучыцца» [56, с. 178], «Век жыўі, век вучыся» [268, с. 144], «Навука вочы адчыняе» [268, с. 145], «Навука – лепшае багацце» [268, с. 146], сегодня вполне закономерно ставить вопрос о непрерывном экологическом образовании. Основываясь на этноэкологическом наследии, перманентность этого процесса надо понимать следующим образом: человек не обособлен от природы, он её часть, а следовательно, как люди воздействуют на природу, изменяя её, так и природа воздействует на людей, изменяя не только жизненные условия, но и их самих.

Построение современного процесса экологического образования на этноэкологических идеях не только наполняет его новыми, но и усиливает имеющиеся особенности:

- ✓ экологизация образовательного процесса как такового, модернизирующегося в метапредметном направлении для устойчивого развития;
- ✓ преемственность новых методологических подходов и аксиологических ориентаций с предшествующим этноэкологическим опытом;
- ✓ опережающий характер, обуславливающий направленность в будущее, формирование готовности жить в быстро меняющихся экологических и социально-экономических условиях;
- ✓ интегративность, синтезирующая в единое целое разрозненные элементы экологической культуры, имеющиеся во всех компонентах учебного и воспитательного процессов;

- ✓ гражданско-патриотическая направленность, отражающая ответственность за состояние окружающей среды и здоровья людей;
- ✓ нацеленность на деятельностный характер экологически грамотного поведения;
- ✓ всеобщность, комплексность и непрерывность экологического образования;
- ✓ опора на региональные природно-экологические, физико-географические, этнокультурные, исторические условия общественного развития.

В полном соответствии с воспитательными подходами народной педагогики белорусов, характеризующимися комплексностью и синкретизмом, экологическую деятельность можно и нужно трактовать более расширенно, а именно, включать в ее сферу не только отношение к непосредственно биоприродным объектам и явлениям, но и к социокультурной составляющей человеческой жизнедеятельности как к «второй природе», производимой из материала первичной природы. В этом в первую очередь проявляется универсализм, основополагающий и системообразующий характер современного экологического образования, сопровождающегося углублением его переориентации с природоохранного на образование для устойчивого развития. Поэтому собственно экологическое образование вполне обоснованно можно рассматривать в качестве особого вида экологической деятельности. Ее базирование на традиционном мировоззрении белорусов, ориентированном на гармонию мира, отвечает современному пониманию развития цивилизации в контексте антропоэкологии.

Особо значимым направлением использования народно-педагогического наследия в современном экологическом образовании является **этнокультурное обогащение образовательной среды**, которую следует рассматривать как систему специально организованных педагогических условий развития личности. Опора на этноэкологические ценности белорусского народа как основы экологической воспитанности многих поколений является важным фактором формирования образовательной среды прежде всего на региональном и локальном уровнях. Этноэкологически насыщенная образовательная среда во многом восполняет недостаточность этнической специфики основных образовательных процессов, возвращая к целостности духовно-нравственных основ традиционной педагогической культуры наших предков. Раскрытие сущности, структуры, специфики и моделирования пространства этнокультурного воспитания детей изучено в диссертационной работе современным белорусским исследователем А. В. Кохановской [333]. В полном соответствии с положениями народной педагогики белорусов к воспитанию в этом случае подключаются учителя, родители, сверстники, общественность, различные организации и учреждения. Благодаря такой образовательной среде создаются условия выполнения требований ключевого принципа народной педагогики – органической связи воспитания с реальной жизнью.

Использование этноэкологических идей традиционной культуры белорусского народа для повышения качества современного экологического образования возможно и эффективно осуществимо **через подготовку и переподготовку учителей**. Этнопедагогические постулаты белорусов всегда подчеркивали ведущую роль учителя в организации образовательных процессов: *«Калі б можна было без настаўніка, то бараны б читалі кніжкі»* [17, с. 147], *«Шануй настаўніка лепей, як крамніка, болей, чым мельніка»* [17, с. 257]. Этноэкологическая компетентность представляет собой одну из субкомпетентностей профессиональной подготовленности педагога. Этноэкологизация педагогического образования не только повышает профессиональную компетентность учителя, но и создает прочные основы формирования ноосферного эколого-гуманистического мировоззрения с более сложным отношением к природе, определяющим дальнейшие направления развития экологического образования.

Таким образом, в настоящее время наиболее важными направлениями в использовании этноэкологических идей белорусов являются:

- ✓ обогащение методологических основ экологического образования как ключевого элемента устойчивого развития и разработка вследствие этого современных концептуальных подходов его реализации;
- ✓ расширение методологических основ исследования экологического образования и организация соответствующей научно-исследовательской деятельности;
- ✓ обогащение теоретических и методических основ экологического образования с последующим созданием концепции его реализации, учитывая региональные особенности;
- ✓ практическое использование адаптированных к современности элементов этноэкологического воспитания белорусов в организации экообразовательных процессов;
- ✓ создание и усовершенствование этноэкологической спецификой образовательной среды, в которой происходит формирование экологической культуры обучающихся;
- ✓ этноэкологизация педагогического образования в процессе подготовки учителей и дальнейшем повышении их квалификации.

В целом опора современных экологообразовательных процессов на этнопедагогическое наследие нашего народа значительно повысит их результативность, будет существенным образом способствовать гармонизации отношений с окружающей средой для сохранения и улучшения биосферы при экологически оправданном природопользовании и проявлять заботу о настоящем и будущем человеческой цивилизации.

4.2. Этноэкологический патриотизм: сущность, структура и значение для устойчивого развития

Национальная стратегия устойчивого развития Беларуси до 2035 года выделяет экологическую безопасность в качестве одной из ключевых задач государственной политики. В этом контексте образование рассматривается как стратегический инструмент формирования экологической культуры, способствующей сохранению и приумножению природных ресурсов. Эффективность данной работы значительно возрастает при опоре на этнопедагогическое и этноэкологическое наследие белорусского народа, которое является прочной основой воспитания современной молодежи. Этноэкологичность, выступая онтологическим условием коэволюции человека и природной среды, не только оптимизирует процессы формирования экологической культуры, но и повышает общую эффективность воспитательного процесса благодаря реализации принципа культуросообразности. А относительно роли природы в формировании любви к Родине К. Д. Ушинский писал: «Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога» [334, с. 51–52]. Более того, формирование экологической культуры трансформируется в воспитание этноэкологического патриотизма – осознанной приверженности сохранению природного наследия как основы национальной идентичности. Актуальность этого направления делает его одним из важнейших образовательных векторов современности.

Вопросам экологического образования отведено значительное место в работах таких белорусских ученых, как З. Я. Андриевская, А. Р. Борисевич, В. С. Варивода, Л. А. Довнар, О. М. Дорошко, Г. Н. Казаручик, Т. Г. Каленикова, Г. Н. Каропа, Н. К. Катович, С. С. Кашлев, Т. А. Ковальчук, А. С. Метелица, В. М. Минаева, А. И. Новицкая, А. А. Петрикевич, О. О. Прокофьева, В. К. Слабин, Н. В. Самерсова, И. А. Старовойтов, Е. А. Стреха, И. А. Шаропова и др. Специально исследованием традиционной экопедагогической культуры белорусского народа занимается молодой ученый И. М. Шиманская, а изучение этого направления с позиций этноэкологического патриотизма пока не осуществлялось. Поэтому с точки зрения постановки проблемы и привлечения внимания к ее актуальности хотелось бы остановиться на раскрытии сущности и содержания самого понятия «этноэкологический патриотизм белорусов».

Любое понятие отображает единство существенных признаков обозначаемого предмета, поэтому этноэкологический патриотизм белорусов структурно можно рассматривать как по вертикали, так и по горизонтали. По вертикали он состоит из трех образующих компонентов: этничность, экологичность и патриотизм. Во-первых, хотелось бы подчеркнуть устойчи-

вость, прочность и простоту любых трехэлементных образований. Во-вторых, перечисленные компоненты весьма актуальны для устойчивого развития, что отмечено выше. В-третьих, эта триада образует гармоничную систему взаимодополняющих ценностей, где каждый компонент усиливает и раскрывает другие. Этничность связывает патриотизм с культурно-историческим наследием белорусов, обеспечивая преемственность традиций и национальную идентичность народа. Экологичность добавляет ответственность за природное окружение, подчеркивая, что любовь к Родине неотделима от заботы о её земле, лесах и ресурсах. Патриотизм же объединяет эти аспекты в активную гражданскую позицию, направленную на сохранение и развитие страны в единстве с её природным и культурным богатством.

Таким образом, этноэкологический патриотизм белорусов – это не просто сумма этничности, экологичности и патриотизма, а их синтез, создающий надежную основу для развития национального самосознания в условиях глобальных вызовов, определяющий разумное отношение к природе в настоящем и стремление к процветанию в будущем, что способствует устойчивому развитию.

По горизонтали также четко просматриваются три компонента изучаемого феномена: когнитивно-мировоззренческий – знание экологических традиций и особенностей родного края; эмоционально-ценностный – чувство связи с природным наследием и гордость за него; деятельностно-практический – конкретные действия по сохранению окружающей среды и традиционных практик природопользования.

Когнитивный компонент этноэкологического патриотизма – это система знаний, представлений и осознанных убеждений о природно-культурном наследии Беларуси, понимание и приверженность природосберегающим традициям, осознание экологических угроз и проблем региона проживания. Знания о природном богатстве своего края всегда характеризовали настоящего белоруса. Подчеркивая системность и преемственность традиционных этноэкологических знаний нашего народа К. А. Шумский обосновывает практическую значимость их и определяет как «комплекс накопленных на протяжении многих веков результатов эмпирических наблюдений за природными процессами и явлениями и сделанных на этом основании выводов, которые использовались нашими предками в их ежедневной практической деятельности и были закреплены в традиции, передаваясь из поколения в поколение» [61, с. 32]. Народные знания о природе, ее объектах и явлениях, месте и роли человека в природной среде, характере и способах деятельности в природном окружении и др. создавали прочную основу жизнедеятельности наших предков, поэтому народная мудрость достаточно категорично подчеркивает их роль в жизни общества: «*Чалавек без ведаў, што птушка без крылаў*» [335].

Этноэкологические представления белорусов органично сочетают рациональные и мифопоэтические элементы, формируя целостную систему

природопознания. В их структуре выделяются астрономические знания (взаимосвязь космических и земных процессов), медицинские знания (представления о заболеваниях и методах исцеления, о сохранении здоровья), метеорологические приметы, агротехнические традиции, а также фундаментальные концепции о сущности природных явлений, антропоэкологическом взаимодействии и принципах природопользования. Эта синкретичная система знаний, кристаллизовавшаяся в многовековом опыте, находит выражение в ритуально-обрядовых практиках, устном народном творчестве и хозяйственных занятиях, демонстрируя уникальный механизм экологической адаптации белорусского народа. Знание экологического опыта предков, представленного методами землепользования, народными природоохранными традициями, народной экологической этикой и многими другими элементами этноэкологической культуры белорусов, образует прочную основу как когнитивного компонента, так и этноэкологического патриотизма в целом.

Современное его наполнение обогащается за счет осведомлённости о биологическом разнообразии (Беловежская пуша, Припятские болота, Березинский заповедник и др.); понимания роли экосистем (например, значение болот как «лёгких Европы»); знание эндемичных видов растений и животных. Белорусы гордятся тем, что Беловежская пуша – последний реликтовый лес Европы, внесённый в список ЮНЕСКО и многие другие. Особо важным представляется понимание взаимосвязи природных и культурных ландшафтов (Полесье, Нарочанские озёра, Беловежская пуша – часть национального самосознания); восприятие природных образов как части национального кода (аист – символ Беларуси, лён – «золото» белорусов); отождествление родины с её природой («край синих озёр и зелёных дубрав»).

Проектируясь в научно-экологическую грамотность в национальном контексте, когнитивный компонент подразумевает знание экологических проблем Беларуси (радиоактивное загрязнение после Чернобыля, осушение болот, вырубка лесов) и путей их решения; понимание государственных природоохранных программ (восстановление болот, развитие заповедников, поддержка зелёного туризма); осведомлённость о международных экологических инициативах с участием Беларуси (например, сохранение миграционных путей птиц).

Эмоционально-ценностный компонент этноэкологического патриотизма белорусов – это система ценностных ориентаций, эмоциональных и волевых качеств личности, определяющих любовь человека к природному окружению и готовность его сберечь и защищать. Он включает в себя эмоциональное восприятие природы (восхищение, умиротворение, ностальгия по родным местам), чувство гордости за природное богатство Беларуси, осознание себя частью белорусской земли, её ландшафтов, традиций, чувство долга перед природой, унаследованное от предков, убеждение о важности сохранения природы. Благодаря этому компоненту формируется личная

экзистенциальная связь с родной землёй, где национальная природа – не «ресурс», а основа этнонациональной идентичности личности. Уникальная красота белорусской природы способствовала сосредоточенности человека на внутренних переживаниях, содействовала развитию повышенной чувствительности, утонченной эмоциональной восприимчивости, привязанности к родным местам. По этому поводу В. А. Сухомлинский писал: «В красоте родной земли содержится большая патриотическая сила» [336, с. 516]. Эмоционально-ценностный компонент этноэкологического патриотизма белорусов закладывает фундамент любви к Родине через любовь к её природе, где мотивы отношения не внешние нормы, а глубинные эмоции и самоощущение индивида.

В эмоционально-ценностном компоненте выразительно проявляются три его основные аспекта: ценностно-смысловой, эмоционально-личностный и субъектно-волевой. Ценностно-смысловой аспект раскрывается через присущее менталитету белорусов сакральное отношение к природе как к живому, одухотворённому пространству, приводящее к единению природы и человека: *«Беларусы прыроду абагаўлялі і накланяліся ёй»*, – подчеркивает белорусский этнограф и фольклорист Е. Р. Романов [190, с. 35].

Эмоционально-личностный аспект проявляется в глубокой привязанности, эстетическом переживании, вызванном красотой белорусской природы, тревоге за утрату природного наследия. Субъектно-волевой аспект определяет активную позицию личности в сохранении природы, опираясь на волю и ответственность. Опираясь на содержательное наполнение когнитивного компонента, эти аспекты, объединяя человека с природой через эмоции, веру и волю, создают прочные основы этноэкологического сознания, где ценностные установки, эмоциональная глубина и воля к действию образуют единую систему – сплав уважения, любви и заботы о природе. В целом же ценностные этноэкологические ориентации, усиленные эмоциональной составляющей, служат основным стимулом для экологически значимой деятельности.

Чувственно-смысловая составляющая этноэкологического патриотизма белорусов, представляющая собой синтез любви к родной природе и культурному наследию, выражается в осознанной ответственности за сохранение экологического и этнического своеобразия Беларуси. В традиционной педагогической культуре она закреплена через традиции и фольклор, а в современной концептуализирована как основа устойчивого развития и национальной идентичности. Изначально слияние экологического и патриотического сознания происходило на уровне анимистического мировоззрения, где природа и этнос воспринимались как единое целое. В настоящее время осознанное единство экологических и патриотических ценностей, опирается на научную картину мира и социальные нормы.

Таким образом, эмоционально-ценностный компонент этноэкологического патриотизма белорусов, отражающий глубокое духовное переживание

связи человека с природой, делает патриотизм не абстрактным, а личным, живым, органичным качеством человека, способствующим трансформации его эмоционально-чувственного состояния в реальные дела природоохранной направленности.

Деятельностно-практический компонент этноэкологического патриотизма белорусов представляет собой органичное единство традиционных и современных практик, действий и поведенческих норм, направленных на гармонизацию отношений человека с природой, сохранение этнокультурного наследия и воспитание экологической ответственности как неотъемлемой составляющей любви к Родине. Его фундамент образуют этноэкологические умения и навыки, включающие умственные, перцептивные и практические аспекты взаимодействия с окружающей средой. Эти навыки, опираясь на глубинные знания и многовековой опыт, формируют особый тип экологического сознания, где рациональное познание природы неразрывно связано с ее эмоциональным восприятием и практическим освоением.

Белорусская народная мудрость «*У ўмелага і долата рыбу ловіць*» [337] метко отражает суть этого феномена, подчеркивая значение гибкости мышления и адаптивности практических навыков в гармоничном взаимодействии с природной средой. Умственные навыки здесь выступают основой формирования этноэкологического мышления, перцептивные обеспечивают целостное чувственное восприятие природных объектов и явлений, а практические направлены на конкретные действия по сохранению и восстановлению экологического баланса. В своем единстве они создают целостную систему, придающую этноэкологическому патриотизму завершенность и практическую направленность, проявляющуюся в широком спектре деятельности — от следования традиционным нормам природопользования до реализации творческих инициатив в сфере экологии.

В традиционной культуре белорусов этот компонент нашел яркое выражение в многовековом опыте устойчивого природопользования, включающем рациональные методы земледелия, бережное отношение к лесным и водным ресурсам, экологичные технологии в ремеслах и повседневном быту. В современном контексте он проявляется как в сохранении этноэкологической преемственности через возрождение традиционных природоохранных практик, так и в новых формах экологически ориентированной деятельности — волонтерских акциях, образовательных проектах, развитии экотуризма и внедрении «зеленых» технологий. Эта диалектика традиционного и современного придает белорусскому этноэкологическому патриотизму динамичность и актуальность, превращая его в действенный инструмент формирования экологически ответственного общества, где любовь к родной земле естественным образом воплощается в повседневной заботе о ее природном богатстве и устойчивом развитии.

Раскрытие сущности этноэкологического патриотизма белорусов требует всестороннего рассмотрения его функций, которые определяют

значение этого феномена в организации жизнедеятельности этноса, обеспечении экологической безопасности и устойчивого развития общества. Каждая из функций отражает многогранную роль этноэкологического патриотизма в формировании мировоззрения, сохранении природного наследия, укреплении культурной идентичности и социальной сплоченности. Важнейшими из них являются:

- ✓ мировоззренческая – формирует систему ценностей, основанную на гармоничном взаимодействии человека и природы, где окружающая среда воспринимается как неотъемлемая часть национального самосознания и духовно-культурного наследия;

- ✓ природоохранная – способствует сохранению биологического разнообразия, рациональному природопользованию и защите уникальных экосистем Беларуси через традиционные и современные экологические практики;

- ✓ культурно-идентификационная – укрепляет связь между этнической культурой и природной средой, сохраняя традиции, обряды и фольклор, отражающие единство народа с родной землей;

- ✓ познавательно-образовательная – обеспечивает передачу экологических знаний и традиционного опыта взаимодействия с природой через образовательные программы, научные исследования и популяризацию этноэкологических традиций;

- ✓ воспитательная – формирует экологическую ответственность и патриотическое отношение к природе с раннего возраста, воспитывая уважение к окружающей среде как к общенациональному достоянию;

- ✓ социально-адаптивная – помогает обществу адаптироваться к современным экологическим вызовам, сочетая традиционные подходы с инновационными решениями в области устойчивого развития;

- ✓ консолидирующая – объединяет граждан вокруг идеи сохранения природного наследия, создавая основу для межпоколенческого диалога, общественных инициатив и коллективных действий по защите окружающей среды.

Следует отметить, что этноэкологический патриотизм гораздо ближе к традиционному пониманию патриотизма, чем экологический. Хотя экологический патриотизм изначально направлен на защиту природы родной местности или страны, его содержание нередко расширяется до планетарного масштаба – вплоть до идеи «глобального экпатриотизма». В отличие от него, этноэкологический патриотизм остаётся в рамках родной природы, что позволяет гармонично включить его в систему ценностей национального и гражданского патриотизма.

В этой связи стоит согласиться с исследователями, отмечающими: «Патриотизм, как правило, представляет собой привязанность к стране, в которой человек живет или родился, в то время как защита окружающей среды может охватывать гораздо более широкий круг целей в заботе о себе,

других, своем жизненном пространстве, конкретной стране, мире, следующем поколении, других видах или целых экосистемах» [338, с. 36]. Исходя из этого, рассматривая уровни этноэкологического патриотизма через призму принятой в современной науке градации [339, с. 40], можно выделить три основных: микроуровень – отношение к природной среде родного дома и семейным экологическим традициям; мезоуровень – отношение к природе малой родины и её региональным экологическим традициям; макроуровень – отношение к природе всей страны и национальным экологическим традициям своего народа.

Таким образом, этноэкологический патриотизм белорусов выступает как многофункциональный социально-культурный феномен, интегрирующий экологические, исторические и духовные аспекты в единую систему ценностей, что способствует динамичному развитию общества и сохранению уникального природно-культурного наследия Беларуси. В нем любовь к Родине неразрывно связана с бережным отношением к природной среде как основе культурной и исторической идентичности, что выражается в сохранении традиционных экологических знаний, гармоничном взаимодействии с окружающей средой и ответственности за ее сохранение. Этот тип патриотизма подразумевает не только эмоциональную привязанность к родной земле, но и активную практическую деятельность, направленную на защиту природного наследия. В его основе лежит сакральное восприятие природы как ключевого наследия предков, которое необходимо передать будущим поколениям в целостности и многообразии. Благодаря этому этноэкологический патриотизм становится важным элементом устойчивого развития, соединяющим прошлое, настоящее и будущее белорусского народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этноэкологическая педагогика белорусов представляет собой уникальную систему воспитания, в которой гармонично переплетаются многовековой опыт взаимодействия с природой, традиционные экологические знания и глубокие нравственно-этические принципы. На протяжении столетий белорусский народ формировал и передавал из поколения в поколение особое отношение к окружающему миру, основанное на уважении, бережливости и осознании неразрывной связи человека с природой. В основе этой педагогической традиции лежали не только практические навыки природопользования, но и целостное мировоззрение, в котором экологическое сознание выступало неотъемлемой частью духовной культуры этноса. Исследование этого феномена позволило внести определенный вклад в осмысление педагогической мысли Беларуси в целом и ее использовании в развитии образования.

1. Уточнено содержание концепта «идеи этноэкологического воспитания» как системы народно-педагогических взглядов, понятий и представлений о передаче и освоении накопленных знаний, умений и навыков гармоничного взаимодействия человека с окружающей средой, а также формировании личностных качеств, обуславливающих отношение к природе в соответствии с этнокультурой.

Раскрыта сущность системно-структурного анализа идей этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов как аналитическая сторона их объединения, через выявление взаимосвязей между ключевыми компонентами системы: целями, содержанием, принципами, методами и средствами, что обеспечивает ее устойчивость и целостность. Основными критериями такого анализа выступают: системность (рассмотрение всех элементов как единого комплекса), структурность (выделение содержательно-целевого и процессуально-методического блоков), функциональность (устойчивые связи между элементами), открытость (взаимодействие с социоэкологической средой), эмерджентность (возникновение новых качеств системы) и результативность (практическая эффективность). В результате анализа в научный оборот введены понятие «этноэкологическая педагогика белорусов» как целостная система идей этноэкологического воспитания; комплекс ранее неиспользованных фольклорных материалов из архивных и полевых исследований.

2. Раскрыты аксиологические основы содержательно-целевого компонента этноэкологического воспитания, включающие ценности любви к природе, её охраны, рационального природопользования, сохранения здоровья человека и поддержания благоприятного состояния окружающей среды, детерминированы ключевыми социокультурными факторами. К ним относятся традиционный образ жизни, языческая мифология славян, христианская идеология и национальный менталитет. Данные основы направлены

на обеспечение гармоничного сосуществования человека и природы, которое, в соответствии с традиционными воззрениями, изначально заложено в мироустройстве. Любое нарушение этой гармонии оказывает разрушительное воздействие как на природу, так и на человека. Ведущей целью этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов является совершенный человек с наивысшим уровнем этноэкологической культуры, заключающимся в глубоких знаниях о природе, образцовых умениях экологически целесообразного взаимодействия с окружающей средой, обладающий уникальными качествами, определяющими бережное отношение к природе.

Ведущая цель детально раскрывается в его содержании, систематизирующемся через интеграцию четырех ключевых компонентов: знаниявого (усвоение народной мудрости о природе и взаимодействии с ней), эмоционально-ценностного (формирование экологически ориентированных чувств и ценностей), навыкового (развитие умений и навыков гармоничного сосуществования с окружающей средой) и практико-деятельностного (вовлечение в разнообразную природосберегающую деятельность), что в совокупности обеспечивает становление ответственного и осознанного отношения к природной среде.

3. Установлены и систематизированы принципы этноэкологического воспитания, отражающие закономерности передачи экологического опыта в народной педагогике белорусов. Авторская классификация разделяет их на четыре группы: метапринципы (природосообразности, культуросообразности, связи с жизнью, этнической природосообразности) – регулируют все компоненты воспитательного процесса; универсальные принципы (доступности, цикличности, непрерывности, единства рационального и иррационального) – охватывают часть элементов этноэкологического воспитания; процессуально-методические принципы (приоритетности семейного воспитания, экопедагогизации окружающей среды, деятельностной организации) – определяют практическую реализацию процесса; личностно ориентированные принципы (единства сознания, переживания и действия, формирования положительных привычек, активности воспитанников, требовательности) – направлены непосредственно на личность воспитанника.

Выявлено этнонациональное наполнение содержания всех принципов. При этом специфические принципы – этнической природосообразности, цикличности, приоритетности семейного воспитания, экопедагогизации окружающей среды, единства рационального и иррационального – отражают своеобразие народной педагогики и обуславливают характерные черты этноэкологического воспитания: построение эколого-воспитательных подходов на основе синкретизма человека и природы; эстетизацию отношений человека к природе; антропологические и духовно-нравственные основы взаимодействия человека и природы; признание самоценности живой и неживой природы; опору на рационально-умственные и иррационально-чувственные познавательные начала.

4. Определены методы этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов как целенаправленные способы формирования экологического сознания и поведения в соответствии с этнокультурными традициями. На основе деятельностного подхода разработана их классификация: методы развития экологического сознания (внушение, убеждение, наблюдение и др.), воздействующие на когнитивную, эмоциональную и волевую сферы личности; методы формирования природоохранного опыта (игры, труд, упражнения, приучения), направленные на практическое взаимодействие с природой; методы стимулирования экоориентированной деятельности (поощрения, наказания, соревнования, общественное мнение), способствующие поддержанию и развитию этноэкологической культуры на всех этапах воспитательного процесса.

Выявлены и детально охарактеризованы основные средства этноэкологического воспитания, включающие фольклорные формы (сказки, легенды, пословицы, поговорки, песни, загадки), природоориентированные приметы, а также обрядово-ритуальные практики (обычаи, обряды, традиции и праздники). Особый интерес представляют специфические, с современной точки зрения, воспитательные средства этноэкологического характера: сакрально-вербальные (благословения, молитвы) и социально-регулятивные практики (наставления, клятвы, пожелания), которые отражают глубокую взаимосвязь между экологическим сознанием, духовными ценностями и нормами поведения в традиционной культуре.

5. Установлено, что выявленная, структурированная и систематизированная совокупность идей этноэкологического воспитания как целостная система прогностической значимости – этноэкологическая педагогика белорусов является существенным этноэкологическим потенциалом педагогического наследия, представляющего ключевую ценность для педагогической науки и практики. Ее востребованность обусловлена способностью гармонизировать национально-этнические и поликультурные аспекты образования через такие ключевые принципы, как преемственность, традиционализм, естественность и тесная связь с реальной жизнью. Реализация данного потенциала возможна по четырем основным направлениям: обогащение теоретико-методологических основ экологического образования через признание гармонии человека и природы как базовой ценности; интеграция в современное образование адаптированных к нему элементов традиционного этноэкологического воспитания (народных праздников, обрядов, фольклора); формирование эколого-образовательной среды на основе реконструированных природоохранных практик; системная этноэкологизация педагогического образования через обновление содержания подготовки и повышения квалификации педагогов.

ГЛОССАРИЙ

В настоящей монографии применяются следующие термины с соответствующими определениями:

Воспитание – процесс всестороннего развития личности, включающий обучение и специальную воспитательную работу по формированию у нее социальных и разнообразных духовных отношений [129, с. 55].

Идеал – недостижимый образец совершенного воспитания, то, к чему стремится воспитание и никогда не достигает [143, с. 82].

Идея этноэкологического воспитания – это эмпирическая целостность совокупности народно-педагогических взглядов, понятий и представлений о передаче и освоении накопленных знаний, умений и навыков построения взаимоотношений человека с окружающей средой, а также формирования соответствующих черт и качеств личности, обуславливающих отношение к природе, соответствующее этнической культуре [134, с. 122–123].

Закономерности воспитания – устойчивые, повторяющиеся и существенные связи в воспитательном процессе, реализация которых позволяет добиваться эффективных результатов в развитии и формировании личности [215, с. 91].

Культура – совокупность материальных, художественных и духовных ценностей, которые сотворены в процессе общественно-исторической практики людей [340, с. 405].

Методы воспитания – это способы воздействия на сознание, волю, чувства и поведение воспитанников с целью выработки у них заданных качеств личности [143, с. 270–271].

Народная педагогика – это целостная совокупность эмпирических знаний, устойчивых взглядов, характерных идей народа о воспитании [5, с. 20].

Образование – процесс и результат освоения человеком опыта поколений в виде системы знаний, умений, навыков, способов творческой деятельности, отношений [341, с. 41].

Образование – обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, направленные на интеллектуальное, духовно-нравственное, творческое, физическое и профессиональное развитие личности, удовлетворение ее образовательных потребностей и интересов, а также совокупность приобретенных знаний, умений, навыков и компетенций определенного объема и сложности [310].

Педагогический принцип – теоретическое положение, отражающее устоявшиеся и проверенные практикой ориентиры общественных отношений, закономерные связи, зависимости организации учебно-воспитательного процесса, а также педагогического руководства познавательной, трудовой, творческой, художественной, физической деятельностью детей [342, с. 91].

Потенциал – средства, запасы, источники, возможности, которые имеются в наличии и могут быть использованы для достижения определенной цели, осуществления плана, решения какой-либо задачи [343, с. 1015].

Содержание воспитания – система знаний, убеждений, навыков, качеств и черт личности, устойчивых привычек поведения, которыми должны овладеть учащиеся в соответствии с поставленными целями и задачами [232, с. 27].

Формирование – результат развития личности и обозначает ее становление, приобретение совокупности устойчивых свойств и качеств [215, с. 66].

Формироваться – складываться, образовывать, приобретать законченность, зрелость [344, с. 552].

Цель воспитания – 1) в глобальном выражении – идеал совершенного человека (идеал достижения) с точки зрения данного общества, семьи, воспитателя, на реализацию которого направлено воспитание;

2) в локальном плане – предвосхищаемый результат воспитательной деятельности [146, с. 124].

Экологическое воспитание – систематическая педагогическая деятельность, направленная на развитие экологической образованности и воспитанности детей; накопление экологических знаний, формирование умений и навыков деятельности в природе, пробуждение высоких нравственно-эстетических чувств, приобретение высоконравственных качеств и твердой воли в осуществлении природоохранной работы [133, с. 350].

Экологическая культура – совокупность опыта взаимодействия людей с природной средой, выраженная в виде теоретических знаний, нравственных норм, ценностей и культурных традиций, обеспечивающая формирование экологического сознания, способы практического взаимодействия с этой средой [344, с. 28].

Экологическая культура – это обобщенная характеристика личностных качеств, которая отражает процесс и результат формирования экологического сознания личности и предполагает неразрывное единство между совокупностью знаний, представлений о природе, эмоционально-чувственного и ценностного отношения к ней и соответствующих умений, навыков, потребностей взаимодействия с ней, основанных на гармонизации взаимосвязей в системе «природа–человек» [346, с. 139].

Экологическое образование – непрерывный процесс обучения, воспитания и развития личности, направленный на формирование системы научных и практических знаний и умений, ценностных ориентаций, поведения и деятельности, обеспечивающих ответственное отношение к окружающей социально-природной среде и здоровью [332, с. 10].

Этико-педагогические идеи – когнитивная целостность определённой совокупности взглядов, понятий и представлений о содержательно-сущност-

ном наполнении и методико-технологическом обеспечении нравственно-воспитательного процесса [348, с. 15].

Этническая экология – особое направление этнографии, изучающее формы взаимоотношений этнических общностей с окружающей средой, связанные с освоением этой среды, – как материальным, так и духовным – и использованием ее ресурсов [40, с. 14].

Этнокультура – это совокупность материальных и духовных ценностей, созданных для удовлетворения разнообразных потребностей и интересов людей, принадлежащих к определенной этнической группе, носители которой имеют общность происхождения, расовые антропологические особенности, язык общения, верования, традиции и обычаи [349, с. 193].

Этнопедагогика – 1) целостная совокупность эмпирических знаний, устойчивых взглядов, характерных идей этноса о воспитании (иначе: народная педагогика определенного этнического сообщества);

2) наука, которая изучает народную педагогику и народное воспитание, а также особенности воспитания, характерные для этнического сообщества [5, с. 21–23].

Этноэкологическое воспитание – это специально организованный процесс формирования основ экологической культуры личности, опирающийся на изучение системы народных знаний о природе, на усвоение особенностей взаимодействия этнических общностей с естественной средой обитания, на овладение опытом рационально-прагматического, нравственно-эстетического и эмоционально-волевого отношения к окружающему миру, характерных для природоохранного поведения представителей этноса [141, 66–68].

Этноэкологическая педагогика – целостная совокупность эмпирических знаний, устойчивых взглядов, характерных идей этноса об экологическом воспитании [134, с. 123].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Касаткин, П. И. Глобализация культуры: проблемы и перспективы / П. И. Касаткин // Власть. – 2017. – № 8. – С. 40–48.
2. Волков, Г. Н. Этнопедагогика как педагогика национального спасения / Г. Н. Волков // Сибирский педагогический журнал. – 2004. – № 1. – С. 194–198.
3. Полонский, В. М. Понятийно-терминологический аппарат педагогики и образования / В. П. Полонский // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2017. – Том 3, № 2. – С. 54–60.
4. Галагузова, М. А. О роли понятийно-терминологического аппарата педагогических исследований / М. А. Галагузова // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 1. – С. 86–91.
5. Болбас, В. С. Этнопедагогический тезаурус: разведение понятий / В. С. Болбас // Педагогика. – 2014. – № 5. – С. 17–26.
6. Виноградов, Г. С. Народная педагогика : [Отрывки и наброски] / Г. С. Виноградов. – Иркутск : Изд. Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества, 1926. – 30 с.
7. Волков, Г. Н. Этнопедагогика / Г. Н. Волков. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1974. – 376 с.
8. Нездемковская, Г. В. Зарождение и развитие этнопедагогики России : моногр. / Г. В. Нездемковская. – М. : Эдитус, 2011. – 307 с.
9. Хакимов, Э. Р. Этнопедагогика как наука: предмет, функции, основные категории / Э. Р. Хакимов // Вестник Удмуртского университета. – 2007. – № 9. – С. 39–51.
10. Нездемковская, Г. В. Актуальные проблемы развития этнопедагогики на современном этапе / Г. В. Нездемковская // Мир образования – образование в мире. – 2010. – № 1. – С. 66–73.
11. Панькин, А. Б. Формирование этнокультурной личности : учеб. пособие / А. Б. Панькин. – М. : Изд-во Московского психолого-социального института ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. – 279 с.
12. Волков, Г. Н. Этнопедагогика: предмет, проблемы, современные поиски / Г. Н. Волков // Становление этнопедагогики как отрасли педагогической науки : материалы междунар. науч. конф. (6–7 декабря 2001 г.). – Элиста : АПП «Джангар», 2003. – С. 22–40.
13. Морозов, С. Б. Этнопедагогика и концепция национального образования : тезисы / С. Б. Морозов // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России, 21 дек. 2001 г. : материалы II Всероссийских. Кемерово, 2002. – С. 78–80.
14. Гумилев, Л. Н. Конец и вновь начало / сост. и общ. ред. А. М. Куркич. – М. : Ин-т «Дидик», 1997. – 554 с.
15. Прыва́зкі і прываўкі : у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблата ; рэд. А. С. Фядосік. – Мн. : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 560 с.

16. Дубянецкі, Э. С. Беларускі нацыянальны характар: Спроба даследавання // Адукацыя і выхаванне. – 1995. – № 5. – С. 29–39.
17. Беларускія прыказкі, прымаўкі і фразеалагізмы / склаў Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мн. : Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
18. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / склаў Я. Рапановіч. – Мн. : Дзярж. выд-ва БССР, 1958. – 380 с.
19. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат ; рэд. А. С. Фядосік. – Мн. : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2. – 616 с.
20. Сычева, И. С. Принцип цикличности в белорусской народной педагогике / И. С. Сычева // Педагогика. – 2006. – № 7. – С. 105–109.
21. Бойко, І. Становлення етнекологіі та її перспективи в українській науці / І. Бойко // Народознавчі зошити. – 2013. – № 2 (110). – С. 256–265.
22. Некрасова, Н. А. Взаимоотношения человека и природы: историко-методологический анализ / Н. А. Некрасова, Л. И. Карпова // Лесной вестник. – 2011. – № 2. – С. 52–57.
23. Лихачёв, Д. С. Земля родная : [кн. для учащихся] / Д. С. Лихачёв. – М. : Просвещение, 1983. – 256 с.
24. Кесарийский, Прокопий. Война с готами / Прокопий Кесарийский // Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия : [в 5 т.] / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2010. – Т. 2 : Византийские источники / сост. М. В. Бибилов. – С. 66–93.
25. Златоструй: Древняя Русь X–XIII веков / сост., авт. текста, коммент. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 303 с.
26. Гусоўскі, М. Песня пра зубра на лацінскай, беларускай, рускай мовах / М. Гусоўскі. – Мн. : Маст. літ., 1980. – 192 с.
27. Можейко, М. А. Белорусская экологическая культура в пространстве диалога восточной и западной традиций / М. А. Можейко // Чалавек. Грамадства. Свет. – 2006. – № 1. – С. 24–30.
28. Дубянецкі, Э. С. Роля культурнай спадчыны Беларусі ў духоўнай жыццядзейнасці грамадства / Э. С. Дубянецкі // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтва : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. (28–29 лістап. 2013 г., г. Мінск) : у 2 ч. / уклад. Н. С. Бункевіч [і інш.] ; гал. рэд. А. І. Лакотка ; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мн. : Права і эканіміка, 2014. – Ч. 1. – С. 29–32.
29. Скарына, Ф. Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Ф. Скарына ; уступ. арт., падрыхт. тэкстаў, камент., слоўн. А. Ф. Коршунава ; паказ. А. Ф. Коршунава, В. А. Чамярыцкага. – Мн. : Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.
30. Экологическая мысль восточных славян : антология / А. И. Зеленков, М. А. Можейко, В. В. Анохина [и др.] ; науч. ред., вступ. ст. и заключение А. И. Зеленков ; ред.-сост. М. А. Можейко. – Мн. : Красико-принт, 1995. – 800 с.

31. Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад.: І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд.: Т. Валодзіна, С. Санько. – Мн. : Беларусь, 2011. – 607 с.

32. Лисниченко, В. В. Основы педагогической экологии / В. В. Лисниченко, Н. Б. Лисниченко. – Северодвинск : Северодвинская городская типография, 2015. – 167 с.

33. Козлов, В. И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблем / В. И. Козлов. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. – 230 с.

34. Крупник, И. И. Арктическая этноэкология / И. И. Крупник. – М. : Наука, 1989. – 272 с.

35. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 527 с.

36. Ямсков, А. Н. История становления и развития отечественной этноэкологии / А. Н. Ямсков // Этнографическое обозрение. – № 4. – 2013. – С. 49–64.

37. Козлов, В. И. Основные проблемы этнической экологии / В. И. Козлов // Советская этнография. – 1983. – № 1. – С. 3–16.

38. Козлов, В. И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты / В. И. Козлов // Этническая экология: теория и практика. – М., 1991. – С. 14–43.

39. Крупник, И. И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: к методике изучения этноэкологических систем : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. И. Крупник – М., 1977. – 23 с.

40. Крупник, И. И. Арктическая этноэкология: модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии / И. И. Крупник. – М. : Наука, 1989. – 272 с.

41. Намзалов, Б.-Ц. Б. Этноэкология и традиционное природопользование на рубеже веков: история вопроса и перспективы исследований / Б.-Ц. Б. Намзалов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 14. – С. 179–184.

42. Этноэкологические аспекты духовной культуры / ред.: В. И. Козлов, А. Н. Ямсков, Н. И. Григулевич. – М. : ИЭР РАН, 2005. – 324 с.

43. Болбас, В. С. Этноэкологические основы педагогической мысли восточных славян: на примере Беларуси и Украины / В. С. Болбас, Г. С. Тарасенко // Адукацыя і выхаванне. – 2018. – № 6. – С. 54–62.

44. Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы : ежегодник / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Наука, 1971 – 2009. Вып. 34 / [отв. ред. Н. А. Дубова, Л. Т. Соловьева ; сост. Н. А. Дубова]. – 420 с.

45. Локотко, А. И. Белорусское народное зодчество: середина XIX–XX в. / А. И. Локотко. – Мн. : Навука і тэхніка, 1991. – 287 с.

46. Локотко, А. И. Историко-культурные регионы Беларуси / А. И. Локотко. – Мн. : ЕГУ, 2002. – 228 с.
47. Цітоў, В. С. Народная спадчына: матэрыяльная культура ў лакальна-тыпалагічнай разнастайнасці / В. С. Цітоў. – Мн. : Навука і тэхніка, 1994. – 300 с.
48. Минько, Л. И. Суеверия и приметы / Л. И. Минько. – Мн. : Наука и техника, 1975. – 192 с.
49. Мінько, Л. І. Народныя веды / Л. І. Мінько // Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі / В. К. Бандарчык [і інш.] ; пад рэд.: В. К. Бандарчыка. – Мн., 1993. – С. 103–133.
50. Минько, Л. И. Народная медицина Белоруссии : (краткий исторический очерк) / Л. И. Минько ; под науч. ред. Г. Р. Крючка. – Мн. : Наука и техника, 1969. – 108 с.
51. Трошкі бліжэй да Сонца, трошкі далей ад Месяца: беларуская народная філасофія / Т. В. Валодзіна, І. М. Дубянецкая, В. Б. Евароўскі [і інш.] ; уклад. і агул. рэд.: І. М. Дубянецкая, С. І. Санько ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – 2-е выд. – Мн. : Беларус. навука, 2022. – 481 с.
52. Кастрыца, А. А. Асаблівасці светапогляду жыхароў Брагіншчыны ў прыкметах, павер'ях, магічных дзеяннях / А. А. Кастрыца // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі : зб. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Дзярж. навук. установа «Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літаратуры», філ. «Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы». – Мн., 2020. – Вып. 27. – С. 276–283.
53. Міфалагічныя ўяўленні беларусаў / уклад. В. С. Новак. – Мн. : Права і эканоміка, 2010. – 533 с.
54. Народная міфалогія Гомельшчыны : фальклор.-этнагр. зб. / уклад., сістэматызацыя, тэксталь. праца, уступ. арт., рэд.: І. Ф. Штэйнер, В. С. Новак. – Мн. : ЛМФ «Нёман», 2003. – 320 с.
55. Беларускія народныя прыкметы і павер'і : у 3 кн. / уклад., прадм., пер. і паказ. У. А. Васілевіча. – Мн. : Беларусь, 2010. – Кн. 1 : Зямля стаіць пасярод свету. – 574 с.
56. Беларускія народныя прыкметы і павер'і : у 3 кн. / уклад., прадм., пер. і паказ. У. А. Васілевіча. – Мн. : Беларусь, 2010. – Кн. 2 : Жыцця адвечны лад. – 614 с.
57. Беларускія народныя прыкметы і павер'і : у 3 кн. / уклад., прадм., пер. і паказ. У. А. Васілевіча. – Мн. : Беларусь, 2010. – Кн. 3 : Зямная дарога ў вырай. – 717 с.
58. Ненадавец, А. М. Міфалогія роднага краю / А. М. Ненадавец. – Мн. : Беларусь, 2018. – 399 с.
59. Лобач, У. А. Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у сяміятычнай перспектыве / У. А. Лобач. – Мн. : Тэхналогія, 2013. – 510 с.

60. Лобач, У. А. Традиційныя лекавыя сродкі расліннага паходжання ў беларусаў Падзвіння / У. А. Лобач // Полацкі этнаграфічны зборнік / Установа адукацыі “Полац. дзярж. ун-т” ; склад.: У. А. Лобач, У. С. Філіпенка. – Наваполацк, 2006. – Вып. 1: Народная медыцына беларусаў Падзвіння : у 2 ч., ч. 1. – С. 26–30.

61. Шумскі, К. А. Традиційныя экалагічныя веды беларусаў у XIX ст. – пачатку XXI ст. : манагр. / К. А. Шумскі. – Мн. : БДАТУ, 2011. – 191 с.

62. Антология экологической мысли. Восточные славяне / А. И. Зеленков, В. В. Анохина, А. П. Ждановский [и др.] ; науч. ред. А. И. Зеленков. – Мн. : Харвест, 2003. – 656 с.

63. Водопьянов, П. А. Устойчивость и динамика биосферы / П. А. Водопьянов. – Мн. : Наука и техника, 1981. – 245 с.

64. Коменский, Я. А. Материнская школа / Я. А. Коменский. – М. : Учпедгиз, 1947. – 104 с.

65. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой ; под общ. ред. В. Г. Черткова. – М. : Худож. лит., 1935. – Т. 1 : Детство. Юношеские опыты. – 358 с.

66. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой ; под общ. ред. В. Г. Черткова. – М. : Худож. лит., 1935. – Т. 2 : Отрочество. Юность. – 418 с.

67. Ушинский, К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. / К. Д. Ушинский ; Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики ; редкол.: А. М. Еголин (гл. ред.), Е. Н. Медынский, В. Я. Струминский ; [сост. и подгот. к печати В. Я. Струминский]. – М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948. – Т. 2 : Педагогические статьи 1857–1861 гг. – 655 с.

68. Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – М. : Политиздат, 1973. – 273 с.

69. Сухомлинский, В. А. Как воспитать настоящего человека / В. А. Сухомлинский. – Киев : Рад. шк., 1978. – 288 с.

70. Long, D. A. Vision of the heart: Canadian aboriginal issues / D. A. Long, O. P. Dickason. – Toronto : Harcourt Brace, 1996. – 399 p.

71. Battiste, M. Maintaining aboriginal identity, language, and culture in modern society / M. Battiste // Reclaiming indigenous voice and vision / M. Battiste. – Toronto, 2000. – P. 192–208.

72. Blaut, J. M. The colonizer's model of the world: Geographical diffusionism and Eurocentric history / J. M. Blaut. – New York : Guilford Press, 1993. – 246 p.

73. Cajete, G. Look to the mountain: an ecology of indigenous education / G. Cajete. – Durango : Kivaki Press, 1994. – 243 p.

74. Mattson, L. Barriers to equal education for aboriginal learners: A review of the literature. A BC Human Rights Commission report / L. Mattson,

L. Caffrey. – Vancouver : British Columbia Human Rights Commission, 2001. – 72 p.

75. Singh, U. K. Tribal education / U. K. Singh. – New Delhi : Common Wealth, 1997. – 264 p.

76. Smith, D. Educating inner-city aboriginal students: The significance of culturally appropriate instruction and parental support / D. Smith // McGill Journal of Education. – 1999. – Vol. 34 (2). – P. 155–171.

77. Smith, G. A. Place-based education: Learning to be where we are / G. A. Smith // Phi Delta Kappan. – 2002. – Vol. 83, iss. 8. – P. 584–594.

78. Абаев, Н. В. Культурные традиции народов Востока и современное экологическое сознание / Н. В. Абаев, Ю. А. Асоян // Методологические аспекты изучения истории духовной культуры Востока. – Улан-Удэ, 1998. – С. 12–34.

79. Ахмедова, А. М. Использование опыта народной педагогики в формировании экологической культуры подростка / А. М. Ахмедова, Ф. А. Махмудова // Вестник университета. – 2013. – № 23. – С. 188–193.

80. Будаева, Ц. Б. Этноэкологические традиции: история и современность / Ц. Б. Будаева. – Улан-Удэ : ВСГТУ, 2003. – 186 с.

81. Куршаева, З. М. Этноэкологический аспект формирования экологической культуры учащихся / З. М. Куршаева // Человек и образование. – 2014. – № 3 (40). – С. 66–68.

82. Кондратьева, Т. Н. Актуальные тенденции развития экологического воспитания в этнопедагогике коренных народов / Т. Н. Кондратьева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 9. – С. 156–160.

83. Хусаинов, З. А. Региональная модель формирования экологической культуры учащихся : моногр. / З. А. Хусаинов. – Казань : Экоцентр, 2002. – 160 с.

84. Якунчев, М. А. Этноэкологические традиции в педагогической культуре народа / М. А. Якунчев, С. Н. Горшенина // Педагогика. – 2011. – № 1. – С. 25–29.

85. Иванова, Н. Н. Народная педагогика как средство экологического воспитания подростков в условиях обновления современного образования : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Н. Н. Иванова. – Чебоксары, 1998. – 229 с.

86. Хажин, А. В. Экологическое воспитание учащихся 6–7 классов на основе прогрессивных идеалов башкирской народной педагогики : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / А. В. Хажин ; Урал. гос. акад. физ. культуры. – Челябинск, 2000. – 21 с.

87. Черябкина, С. Н. Экологическое воспитание младших школьников средствами народной педагогики: на материале Республики Мордовия : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / С. Н. Черябкина ; Ин-т молодежи, каф. психологии личности и педагогики. – М., 2000. – 26 с.

88. Хатагова, Е. Р. Экологическая направленность народной педагогики Северного Кавказа и ее использование в воспитании младших школьников: (на примере Республики Северная Осетия-Алания) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Е. Р. Хатагова ; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2004. – 22 с.

89. Астраханова, Н. Р. Формирование у школьников ответственного отношения к природе средствами народной экологии : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Н. Р. Астраханова. – Махачкала, 2004. – 222 с.

90. Лайпанов, Р. А. Экологическое воспитание старшеклассников средствами народной педагогики : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Р. А. Лайпанов ; Карачаево-Черкес. гос. ун-т. – Карачаевск, 2005. – 22 с.

91. Пазова, Р. И. Формирование экологической культуры младших школьников средствами абазинской народной педагогики : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Р. И. Пазова ; Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2010. – 22 с.

92. Джанзакова, Ш. И. Этнопедагогизация экологического воспитания младших учащихся в казахской школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Ш. И. Джанзакова. – М., 1998. – 19 с.

93. Узденова, З. К. Этнорегиональный компонент в экологическом воспитании младшего школьника : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / З. К. Узденова ; Карачаево-Черкес. гос. ун-т. – Карачаевск, 2005. – 22 с.

94. Виноградов, Ю. Ф. Народные традиции в формировании экологической культуры старшеклассников в процессе трудового воспитания: на материале Ханты-мансийского автономного округа : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Ю. Ф. Виноградов ; Tobol. пед. ин-т им. Д. И. Менделеева. – М., 2000. – 19 с.

95. Мургаева, С. И. Народные традиции в экологическом воспитании старшеклассников: на материале республики Калмыкия : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / С. И. Мургаева ; Ин-т нац. пробл. образования М-ва образования РФ и Минфедерации России. – М., 2000. – 25 с.

96. Наранова, Л. В. Становление экологической культуры старшего школьника в контексте бурятских национальных традиций : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Л. В. Наранова ; Краснояр. гос. пед. ун-т. – Красноярск, 2004. – 24 с.

97. Шовгенова, Л. М. Психолого-педагогические основы экологического воспитания сельских школьников в контексте этнокультурных ценностей (в условиях полиэтнической среды) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Л. М. Шовгенова ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2004. – 26 с.

98. Лебедева, Н. Н. Этнопедагогические условия формирования экологического сознания у детей старшего дошкольного возраста: на примере народов, проживающих в арктической зоне Якутии : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Н. Н. Лебедева. – М., 2003. – 213 с.

99. Гилемшин, И. М. Этнопедагогические традиции экологического воспитания учащихся (на материале школ Республики Башкортостан) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / И. М. Гилемшин ; Башкир. гос. пед. ун-т. – Уфа, 2004. – 26 с.

100. Мингалеева, М. Т. Формирование этноэкологической культуры подростков в современной общеобразовательной школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / М. Т. Мингалеева ; Моск. гос. гуманит. ун-т им. М. А. Шолохова. – М., 2015. – 22 с.

101. Лиджиева, М. А. Формирование экологического сознания будущего учителя начальных классов на основе этнокультурных традиций: на материале Республики Калмыкия : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / М. А. Лиджиева. – Элиста, 2005. – 183 с.

102. Бычкова, Т. Н. Формирование экологических ценностных ориентаций у старшеклассников на основе традиций природопользования коренных малочисленных народов Севера : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Т. Н. Бычкова ; Юж.-Урал. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Челябинск, 2017. – 27 с.

103. Хусаинов, З. А. Концептуальные основы формирования экологической культуры школьников: этнопедагогический аспект : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / З. А. Хусаинов ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2006. – 40 с.

104. Терехова, О. П. Проблема экологического образования в истории чувашской школы и педагогики : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / О. П. Терехова ; Марийс. гос. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. – Чебоксары, 2007. – 26 с.

105. Кондратьева, Т. Н. Этноэкологическое образование детей старшего дошкольного возраста (на материале Республики Мордовия) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.07 / Т. Н. Кондратьева ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2006. – 18 с.

106. Джегистаева, Л. И. Этнокультурный подход в подготовке педагога к экологическому образованию детей старшего дошкольного возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 5.8.7 / Л. И. Джегистаева ; ФГБОУ ВО «Чечен. гос. пед. ун-т». – Грозный, 2022. – 25 с.

107. Каропа, Г. Н. Экологическое образование и воспитание учащихся 6–8 классов сельских школ (на материале предметов естественно-научного цикла) : автореф. дис. ... канд. пед. наук 13.00.01 / Г. Н. Каропа. – Мн., 1990. – 19 с.

108. Никитенко, Г. Ю. Организационно-педагогическая модель экологического образования и воспитания учащихся младших классов сельской школы : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Г. Ю. Никитенко ; Белорус. гос. ун-т. – Мн., 2001. – 20 с.

109. Шарапова, И. А. Экологическое воспитание детей старшего дошкольного возраста в процессе познания ими окружающей природы :

автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / И. А. Шарапова. – Витебск, 1996. – 17 с.

110. Самерсова, Н. В. Оптимизация экологического образования и воспитания подростков в условиях социокультурной сферы : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.05 / Н. В. Самерсова. – Мн., 1997. – 18 с.

111. Котловский, О. А. Подготовка будущих учителей к радиоэкологическому воспитанию школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / О. А. Котловский ; Белорус. гос. ун-т. – Мн., 1999. – 21 с.

112. Терещенко, Е. В. Педагогические основы экологического воспитания подростков в условиях гуманитарной гимназии : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Е. В. Терещенко ; Белорус. гос. ун-т. – Мн., 2002. – 19 с.

113. Казаручик, Г. Н. Экологическое воспитание детей старшего дошкольного возраста в процессе дидактических игр : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.07 / Г. Н. Казаручик ; Учреждение образования «Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка». – Мн., 2003. – 21 с.

114. Кошман, Е. Е. Формирование экологической культуры старшеклассников в процессе игрового проектирования (на материале изучения естественнонаучных дисциплин) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Е. Е. Кошман ; Учреждение образования «Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка». – Мн., 2011. – 26 с.

115. Оглоблина, И. Ю. Формирование знаний о неживой природе у детей старшего дошкольного возраста с церебральным параличом : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.03 / И. Ю. Оглоблина ; Науч.-метод. учреждение «Нац. ин-т образования». – Мн., 2010. – 27 с.

116. Чубаро, С. В. Формирование эмоционально-ценностного отношения младших подростков к природе (на материале внеклассной эколого-краеведческой работы) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / С. В. Чубаро ; Учреждение образования «Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка». – Мн., 2003. – 20 с.

117. Каленникова, Т. Г. Межпредметные связи как фактор экологического образования и воспитания учащихся : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Т. Г. Каленникова. – Мн., 1991. – 191 с.

118. Слабін, У. К. Педагагічныя ўмовы распрацоўкі і выкарыстання камп'ютэрных праграм як сродка экалагічнага выхавання старшакласнікаў (на матэрыяле прыродазнаўчых дысцыплін) : аўтарэф. дыс. ... канд. пед. навук : 13.00.01 / У. К. Слабін ; Віцеб. дзярж. ун-т імя П. М. Машэрава. – Віцебск, 2000. – 21 с.

119. Прокофьева, О. О. Формирование экологической направленности студентов в процессе профессиональной подготовки специалистов дошкольных учреждений : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / О. О. Прокофьева ; Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Мн., 1999. – 19 с.

120. Борисевич, А. Р. Подготовка будущих учителей в педагогическом колледже к экологическому воспитанию младших школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / А. Р. Борисевич ; Белорус. гос. ун-т. – Мн., 2000. – 20 с.

121. Старовойтова, И. А. Проектирование содержания экологического образования будущего учителя начальных классов на интегративной основе : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / И. А. Старовойтова ; Учреждение образования «Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка». – Мн., 2007. – 20 с.

122. Катович, Н. К. Воспитание средствами природы в народной педагогике белорусов / Н. К. Катович // Актуальные проблемы экологического образования и воспитания : сб. ст. – Мн., 1999. – С. 25–29.

123. Самерсова, Н. В. Экологическая культура личности: социокультурный аспект / Н. В. Самерсова. – Мн. : Белорус. гос. ун-т культуры и искусств, 2011. – 284 с.

124. Болбас, В. С. Народная педагогіка Мазырскага Палесся / В. С. Болбас, І. С. Сычова. – Мазыр : Белы Вецер, 2012. – 246 с.

125. Сычова, І. С. Народная педагогіка Мазырскага Палесся ў традыцыйнай культуры рэгіёна : аўтарэф. дыс. канд. пед. навук : 13.00.01 / І. С. Сычова ; Установа адукацыі “Віцеб. дзярж. ун-т імя П. М. Машэрава”. – Віцебск, 2011. – 23 с.

126. Болбас, В. С. Этноэкологические основы педагогической мысли восточных славян: на примере Беларуси и Украины / В. С. Болбас, Г. С. Тарасенко // Адукацыя і выхаванне. – 2018. – № 7. – С. 3–8.

127. Белорусская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / редкол.: Н. П. Баранова [и др.] ; науч. ред.: С. П. Самуэль, З. И. Малейко, А. П. Чернякова. – Мн. : Адукацыя і выхаванне, 2015. – Т. 1 : А–М. – 735 с.

128. Сластенин, В. А. Педагогика : учебник для студ. учреждений высш. образования / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под ред. В. А. Сластенин. – 12-е изд., стер. – М. : «Академия», 2014. – 608 с.

129. Харламов, И. Ф. Педагогика / И. Ф. Харламов. – М. : Гардарики, 1999. – 520 с.

130. Зверев, И. Д. Экология в школьном обучении: новый аспект образования / И. Д. Зверев. – М. : Знание, 1980. – 96 с.

131. Лисниченко, В. В. Основы педагогической экологии / В. В. Лисниченко, Н. Б. Лисниченко ; Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т судостроения и морской арктич. техники (ИСМАРТ). – Северодвинск : ОАО «Северодв. гор. тип.», 2014. – 95 с.

132. Катовіч, Н. К. Экалагічнае выхаванне – адзін з напрамкаў аздараўлення экалагічнай абстаноўкі ў рэспубліцы / Н. К. Катовіч // Адукацыя і выхаванне. – 1995. – № 3. – С. 102–104.

133. Лихачёв, Б. Т. Педагогика : курс лекций / Б. Т. Лихачёв ; под общ. ред. В. А. Сластёнина. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2010. – 647 с.

134. Шыманская, І. М. Тэарэтычныя асновы даследавання ідэй этнаэкалагічнага выхавання народнай педагогікі беларусаў / І. М. Шыманская // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2024. – № 1 (63). – С. 119–124.

135. Болбас, В. С. О понятиях и терминах этнопедагогике / В. С. Болбас // Педагогика. – 2001. – № 1. – С. 41–45.

136. Бобрышов, С. В. Методология историко-педагогического исследования развития педагогического знания : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / С. В. Бобрышов ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2007. – 45 с.

137. Опарин, Р. В. Педагогические основания методологии экологического культуротворчества / Р. В. Опарин, А. В. Петров // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 6 (25). – С. 196–199.

138. Пригожин, И. Р. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Р. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.

139. Косихина, О. С. Системно-структурный подход к усвоению знаний в средней школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / О. С. Косихина ; Барнаул. гос. пед. ун-т. – Барнаул, 2006. – 22 с.

140. Анашкина, Н. А. Структурно-смысловое содержание рекламного образа / Н. А. Анашкина // Омский научный вестник. – 2008. – № 6. – С. 88–92.

141. Шиманская, И. М. К определению понятия «этноэкологическое воспитание» / И. М. Шиманская // Мир образования – образование в мире. – 2022. – № 2. – С. 62–69.

142. Опарин, Р. В. Методология педагогического исследования экологического образования в контексте социально-культурной деятельности / Р. В. Опарин // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4 (29). – С. 174–180.

143. Подласый, И. П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов : учеб. пособие для вузов / И. П. Подласый. – М. : ВЛАДОС-пресс, 2004. – 365 с.

144. Орлова, А. П. Этнопедагогика : учеб. пособие / А. П. Орлова. – Мн. : РИВШ, 2014. – 408 с.

145. Болбас, В. С. Этычная педагогіка беларусаў / В. С. Болбас. – Мн. : Беларус. навука, 2004. – 175 с.

146. Воронин, А. С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике / А. С. Воронин. – Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. – 135 с.

147. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. Я. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.

148. Шепелевич, В. В. Песни деревни Ковнятин Пинского района / В. В. Шепелевич. – Пинск : ИРА «Паляшук», 2014. – 159 с.

149. Кулиев, З. А. Социоприродное развитие: роль ценностных факторов / З. А. Кулиев // Социология власти. – 2011. – № 5. – С. 75–81.

150. Болбас, В. С. 3 мінулага – у сучаснасць: прынцыпы маральнага выхавання ў народнай педагогіцы беларусаў / В. С. Болбас // Народная асвета. – 2000. – № 6. – С. 144–152.

151. Сержпутоўскі, А. К. Казкі і аповяданні Беларускага Палесся : са зборнікаў А. К. Сержпутоўскага / А. К. Сержпутоўскі ; [склад., падрыхт. тэксту і паказ. да казак А. С. Фядосіка ; рэд. В. К. Бандарчык ; прадм. В. К. Бандарчыка, А. С. Фядосіка]. – Мінск : Беларусь, 1965. – 323 с.

152. Беларускія народныя казкі : (са зборнікаў Е. Р. Раманава) / склад., падрыхт. тэксту, прадм. В. К. Бандарчыка. – Мн. : Дзяржвыд БССР, 1962. – 340 с.

153. Казкі пра жывёл і чарадзейныя казкі / склад., аўт. прадм. К. П. Кабашнікаў ; рэд. В. К. Бандарчык. – Мн. : Навука і тэхніка, 1971. – 496 с.

154. Болбас, В. С. Принципы нравственного воспитания в народной педагогике белорусов / В. С. Болбас // Педагогика. – 2009. – № 10. – С. 86–95.

155. Болбас, В. С. Природосообразность воспитания в народной педагогике белорусов / В. С. Болбас // Педагогика. – 2007. – № 3. – С. 79–83.

156. Кузьмина, Р. И. Культура как внутренняя потребность ребенка в контексте рассмотрения подходов художественно-эстетического воспитания / Р. И. Кузьмина // Перспективы Науки и Образования. – 2016. – № 4 (22). – С. 32–38.

157. Шиманская, И. М. Ценностно-целевые основы этноэкологического воспитания народной педагогики белорусов / И. М. Шиманская // Проблемы современного образования. – 2023. – № 1. – С. 242–251. – DOI: 10.31862/2218-8711-2023-1-242-251.

158. Выслоўі / склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. арт. і камент. М. Я. Грынבלата, С. Т. Асташэвіч ; рэд. тома А. С. Фядосік. – Мн. : Навука і тэхніка, 1979. – 519 с.

159. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі ; прадм. Д. Я. Бугаёва. – Мн. : Беларус. навука, 2004. – 494 с.

160. Пяткевіч, Ч. Рэчыцкае Палессе / Ч. Пяткевіч ; уклад., прадм. У. Васілевіча ; пер. з пол. Л. Салавей, У. Васілевіча. – Мн. : Беларус. кнігазбор, 2004. – 672 с.

161. Волков, Г. Н. Этнопедагогика : учеб. для студентов сред. и высш. пед. учеб. заведений / Г. Н. Волков. – М. : Академия, 1999. – 168 с.

162. Петухова, Н. В. Фарміраванне эстэтычнага ўспрымання прыроды ў падлеткаў – удзельнікаў аматарскіх фальклорных калектываў : аўтарэф. дыс. ... канд. пед. навук : 13.00.05 / Н. В. Петухова. – Мн., 2012. – 23 с.

163. Болбас, В. С. Эстэтычная педагогіка беларусаў / В. С. Болбас, І. С. Сычова. – Мазыр : Белы Вецер, 2011. – 197 с.

164. Туболец, С. Р. Традыцыі эстэтычнага выхавання ў беларускай народнай педагогіцы канца XIX – пачатку XX стагоддзяў: аўтарэф. дыс. ... канд. пед. навук : 13.00.01 / С. Р. Туболец. – Віцебск, 2015. – 26 с.

165. Міхайлава, А. Л. Фарміраванне маральнага і фізічнага здароўя асобы ў беларускай народнай педагогіцы канца XIX – пачатку XX стагоддзя : аўтарэф. дыс. ... канд. пед. навук : 13.00.01 / А. Л. Міхайлава. – Мн., 2009. – 23 с.
166. Тютюкова, И. А. Педагогический тезаурус / И. А. Тютюкова. – М. : Секачев В. Ю., 2016. – 160 с.
167. Щуркова, Н. Е. Прикладная педагогика воспитания : учеб. пособие / Н. Е. Щуркова. – СПб. : Питер, 2005. – 366 с.
168. Маленкова, Л. И. Теория и методика воспитания : учеб. пособие / Л. И. Маленкова. – М. : Пед. о-во России, 2002. – 480 с.
169. Гавриловец, К. В. Воспитание человечности : кн. для учителя / К. В. Гавриловец. – Мн. : Нар. асвета, 1985. – 183 с.
170. Кадол, Ф. В. Честь и личное достоинство старших школьников: теория и методика формирования / Ф. В. Кадол ; Учреждение образования «Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины». – Гомель : ГГУ, 2002. – 282 с.
171. Коротов, В. М. Развитие воспитательных функций коллектива / В. М. Коротов. – М. : Педагогика, 1974. – 280 с.
172. Кочетов, А. И. Работа с трудными детьми / А. И. Кочетов, Н. Н. Верцинская. – Мн. : Нар. асвета, 1986. – 167 с.
173. Харламов, И. Ф. Теория нравственного воспитания: историческая и современная проблематика и основные педагогические идеи / И. Ф. Харламов. – Мн. : Изд-во БГУ, 1972. – 362 с.
174. Чекина, Е. В. К вопросу об определении понятия «содержание воспитания» в педагогике / Е. В. Чекина // Педагогика и психология детства: современное состояние, перспективы развития : сб. науч. ст. / Учреждение образования «Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы» ; под науч. ред. В. Т. Чепикова ; редкол.: С. А. Сергейко [и др.]. – Гродно, 2011. – С. 176–180.
175. Чепиков, В. Т. Личностные качества школьников, механизмы их формирования и интеграции / В. Т. Чепиков // Адукацыя і выхаванне. – 2002. – № 2. – С. 33–41.
176. Коняева, Е. А. Готовимся к экзамену! : учеб. пособие / Е. А. Коняева. – Челябинск : Изд-во ЗАО «Б-ка А. Миллера», 2018. – Ч. 2. – 40 с.
177. Белорусская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / редкол.: Н. П. Баранова [и др.] ; науч. ред.: С. П. Самуэль, З. И. Малейко. – Мн. : Адукацыя і выхаванне, 2015. – Т. 2 : Н–Я. – 726 с.
178. Шиманская, И. М. Познавательно-знаниевый компонент этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов / И. М. Шиманская // Адукацыя і выхаванне. – 2024. – № 9. – С. 48–54.
179. Виноградов, Г. С. Народная педагогика / Г. С. Виноградов // Сибирская живая старина : этногр. сб. / Вост.-Сиб. отд-ние Рус. геогр. о-ва ; [под ред. М. К. Азадовского, Г. С. Виноградова]. – Иркутск, 1926. – Вып. 1 (5). – С. 1–28.
180. Сержпудоўскі, А. К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпудоўскі ; навук. рэд. А. С. Фядосік ; прадм. У. К. Касько ; маст. В. Р. Мішчанка. – Мн. : Універсітэцкае, 1998. – 301 с.

181. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях, с двумя картами губернии и 17 резанными на дереве гравюрами видов и типов : в 3 кн. / сост. по прогр. и под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев на Днепре : Тип. Губерн. правл., 1884. – Кн. 2. – [6], 1000, [2] с.

182. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях, с двумя картами губернии и 17 резанными на дереве гравюрами видов и типов : в 3 кн. / сост. по прогр. и под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев на Днепре : Тип. Губерн. правл., 1882. – Кн. 1. – [6], 782, [2] с.

183. Этнологія Беларусі: традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве : вучэб.-метада. дапам. / Т. А. Наваградскі, У. І. Медзянік, П. У. Церашковіч [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2009. – 335 с.

184. Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья. – Минск : Наука и техника, 1987. – 376 с.

185. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору (АІМЭФ). – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 35, 58, 60.

186. Шаўчэнка, Я. С. Народныя веды пра дзікарослыя расліны ў традыцыях беларусаў (канец XIX – пачатак XXI ст.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.07 / Я. С. Шаўчэнка ; Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. НАН Беларусі. – Мн., 2023. – 31 с.

187. Шумскі, К. А. Народныя веды беларусаў як сродак выхавання / К. А. Шумскі // Актуальныя праблемы развіцця аграрна-тэхнічнага адукацыі : сб. ст. 5-й Міжнарод. навука.-практ. канф., Мінск, 8–9 чэрвеня 2006 г. / Беларус. гос. аграр. тэхн. ун-т. – Мн., 2006. – С. 252–254.

188. Санько, З. Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мн. : Навука і тэхніка, 1991. – 218 с.

189. Сержпутоўскі, А. К. Русальная нядзеля: прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі ; склад., уступ. арт., паслясл., навука. рэд., літ. апрац. У. К. Касько. – Мн. : Выш. шк., 2009. – 478 с.

190. Матэрыялы па этнаграфіі Гродненскай губерні : [в 2 вып.] / Управл. Вілен. учеб. окр. ; ред. Е. Романов. – Вільно : Тип. «Рус. почин», 1911. – Вып. 1. – [2], 238 с.

191. Славянская мифология : энцикл. слов. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; [редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) и др.]. – 2-изд., испр. и доп. – М. : Международ. отношения, 2002. – 510 с.

192. Катовіч, А. Веснавыя святы : нарысы : у 2 кн. / А. Катовіч, Я. Крук. – Мн. : Маст. літ., 2005. – Кн. 1. – 359 с.

193. Славянские древности : этнолингв. слов. : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международ. отношения, 2009. – Т. 4 : П (Переправа через воду) – С (Сито). – 649 с.

194. Булгаковский, Д. Г. Пинчуки : этногр. сб. : песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь / собрал в Пинском уезде Минской губернии Д. Г. Булгаковский. — СПб. : Тип. В. Безобразова и К^о, 1890. — [2], VI, 200 с. — (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии ; т. 13, вып. 3).

195. Легенды і паданні / склад.: М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі ; рэд. тома А. С. Фядосік. — Мн. : Навука і тэхніка, 1983. — 544 с.

196. Дмитриев, М. А. Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-западного края / М. А. Дмитриев. — Вильня : Печатня Сыркина, 1869. — 266 с.

197. Романов, Е. Сборник белорусских заговоров начала XIX века / Е. Романов // Могилевская старина : сб. ст. «Могилев. губерн. ведомостей» / под ред. Е. Р. Романова. — Могилев, 1901. — Вып. II : 1900 и 1901 годы. — С. 5–12.

198. Журавлев, А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян : этногр. и этнолингв. очерки / А. Ф. Журавлев. — М. : Индрик, 1994. — 256 с.

199. Ильин, Е. П. Психология воли / Е. П. Ильин. — 2-е изд. — СПб. : Питер, 2009. — 368 с.

200. Proverbia et dicta : шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / Н. А. Ганчарова, І. М. Шчарбакова, Л. Г. Каляда [і інш.] ; пад рэд. Н. А. Ганчаровай. — Мінск : Універсітэцкае, 1993. — 255 с.

201. Никифоровский, Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / собрал в Витеб. Белоруссии Н. Я. Никифоровский. — Витебск : Губерн. типо-литогр., 1897. — [2], X, 307, 30 с.

202. Замавы / уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г. А. Барташэвіч. — 2-е выд. ; рэдкал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) і [і інш.]. — Мн. : Беларус. навука, 2000. — 597 с.

203. Белорусы / отв. ред.: В. К. Бондарчик, Р. А. Григорьева, М. Ф. Пилипенко. — М. : Наука, 1998. — 503 с.

204. Крук, Я. Колесо времени: традиции и современность / Я. Крук, О. Котович. — Мн. : Беларусь, 2003. — 350 с.

205. Беларускі народны каляндар / аўт.-уклад. А. Ю. Лозка ; маст. А. Т. Дашкевіч. — Мн. : Полымя, 1993. — 205 с.

206. Матэрыялы па традыцыйных экалагічных ведах беларусаў / уклад. К. А. Шумскі // АІМЭФ. — Ф. 6. Воп. 14. Спр. 135. Л. 37.

207. Мазыр, 850 год : у 3 т. / Мазыр. гар. выкан. кам., Установа адукацыі “Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны” ; В. С. Новак, Л. В. Мельнікава, С. А. Вяргеенка [і інш.] ; пад агул. рэд. І. Ф. Штэйнера. — Гомель : КВПУП «Сож», 2005. — Т. 3 : Спрадвечнай мудрасці скарбонка: сучасны стан традыцыйнай культуры г. Мазыра. — 296 с.

208. Болбас, В. С. Традиции и обычаи белорусского народа как фактор воспитания / В. С. Болбас // Педагогика. – 2010. – № 7. – С. 106–114.

209. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П. В. Шейн. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1893. – Т. II : Сказки, анекдоты, легенды, предания, воспоминания, пословицы, загадки, приветствия, пожелания, божба, проклятия, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. – XXII, 715 с.

210. Давгулевич Мария Филипповна, 01.01.1932 г. р., д. Яжевки, Лунинецкий район, Брестская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.

211. Борейко, В. Е. Введение в природоохранную эстетику. – Изд-е четвертое, дополненное / В. Е. Борейко. – Киев : Киевский эколого-культурный центр, 2005. – 104 с.

212. Куликова, А. Е. Эстетика природы и ее роль в формировании личности / А. Е. Куликова // Молодой ученый. – 2012. – № 4. – С. 209–212. – URL <https://moluch.ru/archive/39/4451/> (дата обращения: 17.09.2018).

213. Бичко, І. В. Філософія: курс лекцій / І. В. Бичко, В. І. Табачковський, В. І. Горак. – К. : Либідь, 1993. – 576 с.

214. Загадкі / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы ; склад.: М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі ; рэд. тома А. С. Фядосік. – 2-е выд., выпр. і дапрац. – Мн. : Беларус. навука, 2004. – 363 с.

215. Харламов, И. Ф. Педагогика : учеб. пособие / И. Ф. Харламов. – 4- изд., перераб. и доп. – М. : Гардарики, 2003. – 519 с.

216. Орлова, А. П. Принципы белорусской народной педагогики / А. П. Орлова // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава. – 2014. – № 3. – С. 49–56.

217. Шиманская, И. М. Классификация принципов этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов / И. М. Шиманская // Адукацыя і выхаванне. – 2024. – № 10. – С. 44–52.

218. Болбас, В. С. Базавыя прынцыпы маральнага выхавання ў этыка-педагагічнай думцы Беларусі Х–XVIII стагоддзяў / В. С. Болбас // Педагогическая наука и образование. – 2015. – № 1. – С. 39–46.

219. Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мн. : Беларус. навука, 2002. – 511 с.

220. Шумскі, К. А. Народныя экалагічныя веды ў справе папулярызацыі традыцыйнай культуры беларускай вёскі / К. А. Шумскі // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Нац. акад. навук Беларусі, Дзярж. навук. установа “Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы” ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мн., 2007. – Вып. 3, ч. 2. – С. 304–309.

221. Шыманская, І. М. Асаблівасці выкарыстання прынцыпу прыродазгоднасці этнаэкалагічнага выхавання ў народнай педагогіцы беларусаў / І. М. Шыманская // Веснік адукацыі. – 2022. – № 7. – С. 49–55.

222. Ялалов, Ф. Г. Этнодидактика : моногр. / Ф. Г. Ялалов. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – 150 с.
223. Фахрутдинова, Г. Ж. Этнопедагогика : учеб.-метод. пособие / Г. Ж. Фахрутдинова, А. В. Фахрутдинова. – Казань : Отечество, 2019. – 100 с.
224. Калачова, І. І. Сямейныя традыцыі і этнапедагагічная спадчына беларусаў / І. І. Калачова. – Мн. : РІВШ, 2018. – 121 с.
225. Ракава, Л. В. Эвалюцыя традыцый сямейнага выхавання беларусаў у XIX–XX стст. / Л. В. Ракава. – Мн. : Беларус. навука, 2009. – 311 с.
226. Янкоўскі, Ф. Беларуская фразеалогія : фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне / Ф. Янкоўскі ; [рэд.: М. Яўневіч, А. Баханькоў]. – Мн. : Выш. шк., 1968. – 448 с.
227. Леонович Феня Николаевна, 1930 г. р., д. Жаховичи, Мозырский район, Гомельская обл. Записала в 2009 г. студ. 2 курса 3 гр. филол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Леонович Ольга.
228. Вітка, В. Азбука душы: традыцыя, пошук, эксперымент / В. Вітка. – Мн. : Маст. літ., 1998. – 366 с.
229. Фальклорна-этнаграфічная і літаратурная спадчына Рэчыцкага раёна / уклад. І. Ф. Штэйнера, В. С. Новак. – Мн. : ЛМФ «Нёман», 2002. – 384 с.
230. Болбас, В. С. Метады і сродкі маральнага выхавання ў народнай педагогіцы беларусаў / В. С. Болбас // Адукацыя і выхаванне. – 2000. – № 10. – С. 14–19.
231. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. : Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
232. Подласый, И. П. Педагогика : новый курс : учеб. для студентов высш. учеб. заведений : в 2 кн. / И. П. Подласый. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Кн. 2 : Процесс воспитания. – 256 с.
233. Мирзоев, Ш. А. Народная педагогика Дагестана: (содержание, формы и методы воспитания) / Ш. А. Мирзоев ; НИИ шк. им. А. А. Тахо-Годи. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1986. – 123 с.
234. Баймурзина, В. И. Прогрессивные традиции нравственного и трудового воспитания башкир и их использование в практике учебно-воспитательной работы : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / В. И. Баймурзина ; Казан. гос. пед. ин-т. – Казань, 1992. – 18 с.
235. Шоров, И. А. Адыгская народная педагогика : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / И. А. Шоров ; Казан. гос. пед. ин-т. – Казань, 1994. – 47 с.
236. Нездемковская, Г. В. Методы и приемы народного воспитания (на примере традиций русского народа) / Г. В. Нездемковская // Социальное воспитание. – 2016. – № 1. – URL: <https://s.esrae.ru/soc-vospitanie/pdf/2016/1/82.pdf> (дата обращения: 26.02.2022).
237. Крываносава, Е. Э. Асноўныя сродкі і метады маральнага выхавання ў народнай педагогіцы беларусаў / Е. Э. Крываносава // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 1998. – № 3. – С. 24–29.

238. Міхайлава, А. Л. Фарміраванне маральнага і фізічнага здароўя асобы ў беларускай народнай педагогіцы канца XIX – пачатку XX ст. : манар. / А. Л. Міхайлава. – Віцебск : Віцеб. дзярж. ун-т, 2007. – 153 с.

239. Туболец, С. Р. Інтравертаваныя і экстравертаваныя метады эстэтычнага выхавання ў беларускай народнай педагогіцы / С. Р. Туболец // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е, Педагогические науки. – 2012. – № 7. – С. 17–23.

240. Шиманская, И. М. Методы формирования экологического сознания в этнической педагогике белорусов / И. М. Шиманская // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2023. – № 1 (61). – С. 106–112.

241. Воспитательная деятельность в общеобразовательной организации : учеб. пособие для студентов направления подготовки «Пед. образование» / под ред. А. И. Тимонина. – Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2017. – 229 с.

242. Родионова, Е. Л. Теория и методика воспитания : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений пед. спец. и направлений / Е. Л. Родионова, Е. Ю. Илалтдинова ; под ред. Г. А. Папутковой. – Н. Новгород : Минин. ун-т, 2017. – 86 с.

243. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору (АІМЭФ). – Ф. 8. Воп. 1. Спр. 1. Л. 66.

244. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору (АІМЭФ). – Ф. 8. Воп. 1. Спр. 1. Л. 71.

245. Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. / склад. І. Я. Клімковіч ; рэдкал.: С. І. Санько [і інш.]. – Мн. : Беларусь, 2004. – 591 с.

246. Беларускі фальклор у сучасных запісах: традыцыйныя жанры : Гомельская вобласць / уклад.: В. А. Захарава, Р. М. Кавалёва, В. Д. Ліцвінка. – Мн. : Універсітэцкае, 1989. – 384 с.

247. Титов, В. С. Этнография и экология (традиционное земледелие: народные знания, обычаи, обряды) / В. С. Титов // Экопедагогика: состояние, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 25 сент., 1994 г. – Мн., 1995. – С. 122–125.

248. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. – СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1894. – Ч. 3 : Пословицы. – [2], IV, 137 с. – (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии ; т. 23, вып. 2).

249. Федотов, В. А. Традиции и этнос : моногр. / В. А. Федотов, Э. З. Феизов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – 244 с.

250. Кулінковіч, К. А. Этнічная педагогіка беларусаў : вучэб.-метадапам. / К. А. Кулінковіч. – Мінск : МДПІ імя А. М. Горкага, 1993. – 30 с.

251. Арлова, Г. П. Беларуская народная педагогіка / Г. П. Арлова. – Мн. : Нар. асвета, 1993. – 120 с.

252. Семья и личность : пособие / Учреждение образования «Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова» ; Е. И. Сермяжко, Ж. А. Барсукова, Ю. М. Бубнов [и др.]. – Могилев : МГУ, 2003. – 110 с.

253. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору (АІМЭФ). – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 59–61, 63, 65–67. Л. 35.

254. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору (АІМЭФ). – Ф. 6. Воп. 3. Спр. 59–61, 63, 65–67. Л. 58.

255. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі. – Выд. 2-е. – Мінск : Выд-ва Акадэміі навук БССР, 1962. – 556 с.

256. Орлова, Н. П. Народная игра как средство воспитания основ патриотизма младших школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Н. П. Орлова. – Киров, 2006. – 20 с.

257. Гульні, забавы, ігрышчы / склад. А. Ю. Лозка. – 3-е выд. – Мн. : Беларус. навука, 2003. – 534 с.

258. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору (АІМЭФ). – Ф. 8. Воп. 1. Спр. 8. Л. 11.

259. Козлова Тамара Фоминична, 08.01.1938 г. р., д. Сидоровка, Краснополяский район, Могилевская обл. Записала в 2011 г. студ. 2 курса 4 гр. биол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Мартинович Ирина.

260. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края : [в 3 т.] / П. В. Шейн. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1902. – Т. 3 : Описание жилища, одежды, пищи, занятий; препровождение времени; игры, верования, обычное право; чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверья, приметы. – IV, 535 с.

261. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. – М. : Тип. А. В. Васильева, 1903. – Ч. 4. – XVI, 720 с. – (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии ; т. 27).

262. Беларускі дзіцячы фальклор / склад.: А. М. Аляхновіч, М. В. Рахчэў, А. С. Фядосік, У. Д. Каструлёў. – Мн. : Беларусь, 1994. – 271 с.

263. Сазонова Вера Адамовна, 30.10.1934 г. р., г. Бобруйск, Могилевская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.

264. Гончарова Татьяна Сергеевна, 10.02.1941 г. р., г. Наровля, Гомельская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.

265. Анучкина Надежда Акимовна, 1933 г. р., д. Тидов, Калининский район, Гомельская обл. Записала в 2009 г. студ. 2 курса 3 гр. филол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Савицкая Ольга.

266. Довнар-Запольский, М. В. Очерки семейственного права крестьян Минской губернии / М. В. Довнар-Запольский. – М. : Типо-литогр. К. Ф. Александрова, 1897. – 79 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=82022> (дата обращения: 10.02.2024).

267. Косяк Лидия Николаевна, 20.12.1935 г. р., аг. Липники, Дрогичинский район, Брестская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.
268. Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі / склаў Ф. Янкоўскі. – Мн. : Акад. навук БССР, 1957. – 452 с.
269. Санцевич Полина Герасимовна, 1925 г. р., д. Протасы, Октябрьский район, Гомельская обл. Записала в 2008 г. студ. 2 курса 1 гр. филол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Акулич Елена.
270. Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем / А. В. Гурко, Т. И. Кухаронак, В. С. Новак [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т искусствоведения этнографии и фольклора им. К. Крапивы. – Мн. : Беларус. навука, 2010. – 466 с.
271. Ковалевич, М. С. Народная педагогика в семейном воспитании детей (на материале Брестчины) / М. С. Ковалевич, И. А. Швед // Славянская традиционная культура и современный мир. – 2020. – № 1. – С. 105–118.
272. Козел Анна Максимовна, 1927 г. р., д. Рыловичи, Ивановский район, Брестская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.
273. Даніловіч, М. А. Малыя жанры фальклору Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2017. – 253 с.
274. Болбас, В. С. Афарыстычная этнапедагогіка беларусаў / В. С. Болбас // Народная асвета. – 2011. – № 10. – С. 85–87.
275. Калеснік, У. Руплівец у матачніках роднага слова / У. Калеснік // Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склаў Ф. Янкоўскі. – Мн., 1992. – С. 3–14.
276. Сержпутовский, А. К. Сказки и рассказы белорусов-полешуков : (материалы к изучению творчества белорусов и их говора) / А. К. Сержпутовский. – СПб. : Типо-Литогр. К. Л. Центковского, 1911. – [4], VIII, 185, [3] с.
277. Народныя казкі-байкі, аповяданні і мудраслоўі / уклад. і рэд. Н. С. Гілевіча. – Мн. : Выд-ва БДУ, 1983. – 350 с.
278. Міхайлава, А. Л. Педагагічная значнасць казачнага эпасу беларусаў / А. Л. Міхайлава // Пачатковая школа. – 2002. – № 4. – С. 20–22.
279. Зубко, Г. В. Миф в мировосприятии человека и в духовной культуре человечества / Г. В. Зубко // Мир психологии. – 2003. – № 3. – С. 24–42.
280. Болбас, В. С. Педагогический потенциал белорусских народных примет / В. С. Болбас // Педагогика. – 2022. – № 7. – С. 115–120.
281. Фаттахова, Н. Н. Народные приметы: принципы классификации, структурирования и функционирования / Н. Н. Фаттанова. – Казань : Печать-Сервис, 2012. – С. 176.
282. АІМЭФ. – Фонд 6. – Воп. 14. – Спр. 134. Матэрыялы па традыцыйных экалагічных ведаў беларусаў, сабраныя К. А. Шумскім. 2004 г.
283. В. Крысько, Словарь-справочник по социальной психологии / В. Крысько. – СПб. : Питер, 2003. – 416 с.

284. Виноград (Самайлович) Екатерина Дмитриевна, 07.01.1929 г. р., д. Волевка, Новогрудский район, Гродненская обл. Записала в 2011 г. студ. 2 курса 5 гр. биол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Федасюк Ольга.

285. Крачковский, Юл. Ф. Быт западно-русского селянина / соч. Юл. Ф. Крачковского. – М. : Унив. тип. (Катков и К0), 1874. – 213 с.

286. Беларускі фальклор : матэрыялы і даследаванні : зб. навук. пр. / [рэдкал.: Т. В. Валодзіна (гал. рэд.) і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – Вып. 1. – 463 с.

287. Восеньскія і талочныя песні / Акадэмія навук Беларускай ССР, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мн. : Навука і тэхніка, 1981. – 677.

288. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору (АІМЭФ). – Ф. 8. Воп. 1. Спр. 22. Сш. 1. Л. 42.

289. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору (АІМЭФ). – Ф. 8. Воп. 2. Спр. 58. Л. 46.

290. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору (АІМЭФ). – Ф. 20. Воп. 74. Спр. 2. Л. 8.

291. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору (АІМЭФ). – Ф. 8. Воп. 74. Спр. 2. Сш. 1. Л. 119, 137, 157.

292. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору (АІМЭФ). – Ф. 8. Воп. 1. Спр. 51. Сш. 1. Л. 17.

293. Суханов, И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений / И. В. Суханов. – М. : Политиздат, 1976. – 216 с.

294. Тонкова, Е. Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. Е. Тонкова ; [Белгородский государственный университет]. – Белгород, 2007. – 19 с.

295. Живая вода и вещее слово : [Избр. ст. по фольклору и мифологии] / А. Н. Афанасьев ; сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Баландин. – М. : Советская Россия, 1988. – 510 с.

296. Харченко, В. К. Скрытые концепты народных примет / В. К. Харченко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Гуманитарные науки : Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – 2010. – № 18. – Выпуск 7. – С. 65–72.

297. Кулькова, М. А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / М. А. Кулькова. – Казань, 2011 – 52 с.

298. Христофорова, О. Б. Логика толкований. Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах / О. Б. Христофорова. – М. : РГГУ, 1998. – 114 с.

299. Шамякіна, Т. Раннія формы мастацтва / Т. Шамякіна // Роднае слова. – 1996. – № 9. – С. 160–170.

300. Записано от Н. С. Лаўда, 1914 г.р.
301. Беларуская міфалогія : дапам. / уклад. У. А. Васілевіч. – Мн. : Універсітэцкае, 2001. – 208 с.
302. Матюхина, Н. С. Использование этнопедагогических идей в реформировании современной системы образования: историко-ретроспективный анализ / Н. С. Матюхина // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 3. – С. 182–183.
303. Орлова, А. П. Взаимосвязь и взаимодействие народной и научной педагогики в системе профессиональной подготовки учителя : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 / А. П. Орлова. – Витебск, 1997. – 402 с.
304. Болбас, В. С. Этнокультурный подход в социально-педагогической деятельности белорусов / В. С. Болбас // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (23–24 сент. 2021 г.), посвящ. 30-летию соц. работы в России / отв. ред. Ю. Ю. Шурыгина. – Улан-Удэ, 2021. – С. 47–48.
305. Болбас, В. С. Основные направления подготовки учителей к осуществлению этнокультурного обучения и воспитания / В. С. Болбас // Актуальные проблемы науки : сб. ст. по материалам XVIII Междунар. науч.-практ. конф., Кузнецк, 03 июня 2022 года. – Пенза, 2022. – С. 12–16.
306. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 1. – 392 с.
307. Болбас, В. С. Этнадыдактыка беларусаў: пастаноўка праблем / В. С. Болбас, Г. У. Болбас // Адукацыя і выхаванне. – 2020. – № 8. – С. 3–9.
308. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи : постановление Министерства образования Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 82 // Национальный образовательный портал. – URL: <https://vosпитание.adu.by/organizatsiya-vospitaniya/normativnye-pravovye-dokumenty.html> (дата обращения: 15.02.2023).
309. Основы педагогики : учеб. пособие / А. И. Жук, И. И. Казимирская, О. Л. Жук, Е. А. Коновальчик ; под общ. ред. А. И. Жука. – Мн. : Аверсэв, 2003. – 349 с.
310. Кодекс Республики Беларусь об образовании : 13 января 2011 г. № 243-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (дата обращения: 10.02.2021).
311. Новейший энциклопедический словарь : 20000 статей. – М. : Астрель : Транзиткнига, 2006. – 1424 с.
312. Романова, М. А. Потенциал как общенаучное понятие / М. А. Романова // Инновации в образовании. – 2011. – № 2. – С. 113–125.
313. Шевлякова-Борзенко, И. Л. Экологичность образовательной среды как фактор подготовки специалиста инновационного типа в университетах Китая / И. Л. Шевлякова-Борзенко // Университетский педагогический журнал. – 2023. – № 1. – С. 3–9.

314. Моисеева, Л. В. Теоретико-методологические основы экологической педагогики / Л. В. Моисеева // Успехи современного естествознания. – 2004. – № 7. – С. 67–69.

315. Концепции развития национального культурного пространства во всех сферах жизни общества на 2024–2026 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 28 декабря 2023 г. № 961 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300961> (дата обращения: 06.03.2024).

316. Болбас, В. С. Методологические основы научной и практической педагогической деятельности / В. С. Болбас // Педагогика. – 2021. – № 8. – С. 28–35.

317. Орлова, А. П. Преемственность народной и научной педагогики как фактор развития теории нравственного воспитания (на материале русской, украинской и белорусской народной педагогики) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / А. П. Орлова ; Белорус. гос. пед. ун-т. – Мн., 1995. – 35 с.

318. Орлова, А. П. Преемственность народной и научной педагогики в развитии теории нравственного воспитания / А. П. Орлова. – Витебск : Изд-во ВГУ, 2000. – 151 с.

319. Моисеева, Л. В. Стратегия развития экологического образования в регионах Большого Урала / Л. В. Моисеева // Образование и наука. – 2000. – № 1. – С. 101–116.

320. Болбас, В. С. Этнапедагагічныя ідэі продкаў – у сучаснае выхаванне / В. С. Болбас // Народная асвета. – 1995. – № 11. – С. 23–33.

321. Арлова, Г. П. Адраджэнне народнай педагогікі – прыярытэт выхаваўчай работы сучаснай школы: сродкі і метады выхавання і развіцця асобы на этнакультурнай аснове / Г. П. Арлова // Народная асвета. – 2012. – № 12. – С. 3–6.

322. Викторова, Л. П. Методологические основы и методика развития экологической культуры в биологическом образовании школьников : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Л. П. Викторова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2002. – 39 с.

323. Хмеленок, Е. А. Экологические ценности в системе экологического образования / Е. А. Хмеленок // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2011. – № 2. – С. 45–49.

324. Касько, У. К. Палескі дзівасіл : беларус. нар. прыказкі, прымаўкі, выслоўі : са скарбніцы А. К. Сержпудоўскага / У. К. Касько. – Мн. : Выш. шк., 2005. – 383 с.

325. Шаронова, Е. Г. Этнопедагогические основы социально-экологического воспитания учащейся молодежи / Е. Г. Шаронова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2017. – № 2 (94). – С. 189–195.

326. Массова, Г. Ф. Использование традиций народной педагогики в воспитательной системе образовательного учреждения : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Г. Ф. Массова ; Вят. гос. гуманит. ун-т. – Киров, 2006. – 23 с.

327. Шаронова, Е. Г. Народные традиции как фактор формирования экологической культуры личности / Е. Г. Шаронова // Вестник Чувашия государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2010. – № 3, т. 1. – С. 180–184. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnye-traditsii-kak-faktor-formirovaniya-ekologicheskoy-kultury-lichnosti> (дата обращения: 15.08.2023).

328. Аргунова, М. В. Аксиологические и методологические основания экологического образования для устойчивого развития как метапредметного направления образования / М. В. Аргунова, Д. В. Моргун // Наука и Школа. – 2017. – № 6. – С. 9–19.

329. Арлова, Г. П. Народная педагогіка ў выхаваўчай рабоце школы / Г. П. Арлова. – Мн. : ГВЗАТ «Маладняк», 1995. – 157 с.

330. Тугутова, Т. С. Этнопедагогические основы экологического воспитания эвенков / Т. С. Тугутова // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. – 2019. – № 1. – С. 71–76.

331. Куршаева, З. М. Этнопедагогические основы экологического воспитания личности в современных условиях / З. М. Куршаева // Современная наука. – 2010. – № 3. – С. 127–129.

332. Краевский, В. В. Основы обучения. Дидактика и методика : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. В. Краевский, А. В. Хуторской. – М. : Академия, 2007. – 348 с.

333. Кахноўская, А. В. Мадэляванне прасторы этнакультурнага выхавання дзяцей ва ўмовах установаў дашкольнай адукацыі : дыс. ... канд. пед. навук : 13.00.01 / А. В. Кахноўская. – Мінск, 2019. – 222 л.

334. Ушинский, К. Д. Собр. соч. : в 11 т. / К. Д. Ушинский. – М. : Просвещение, 1952. – Т. 1. – 458 с.

335. Кажан Лидия Сергеевна, 1925 г. р., аг. Скрыгалов, Мозырский район, Гомельская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.

336. Сухомлинский, В. А. Избранные педагогические сочинения : в 3 т. Т. 1 / сост. О. С. Богданова, В. З. Смоль. – М. : Педагогика, 1979. – 560 с.

337. Довбаш Ольга Федоровна, 24.10.1928 г. р., д. Валавск, Ельский район, Гомельская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.

338. Иванова, Ю. А. Актуальные проблемы современного экологического права : моногр. / под общ. ред. Ю. А. Ивановой. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022. – 286 с.

339. Ёлкин, С. М. Патриотическое воспитание детей средствами народной педагогики / С. М. Ёлкин // Вестник Новгородского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 39–42.

340. Безрукова, В. С. Основы духовной культуры : (энциклопедический словарь педагога) / В. С. Безрукова. – Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – 937 с.

341. Основы педагогики : учеб. пособие / А. И. Жук, И. И. Казимирская, О. Л. Жук, Е. А. Коновальчик ; под общ. ред. А. И. Жука. – Мн. : Аверсэв, 2003. – 349 с.

342. Тютюкова, И. А. Педагогический тезаурус / И. А. Тютюкова. – М. : Секачев В. Ю., 2016. – 160 с.

343. Новейший энциклопедический словарь : 20000 статей. – М. : Астрель : Транзиткнига, 2006. – 1424 с.

344. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1940. – Т. 4 : С – Ящурный / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков ; сост. В. В. Виноградов [и др.] ; под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – 752 с.

345. Формирование экологической культуры и развитие молодежного движения / Центр экол. политики и культуры, Центр экол. политики России ; сост.: С. Г. Дмитриев, И. Е. Трофимов, Т. Б. Шифрина ; отв. ред. В. М. Захаров. – М. : Центр экол. политики и культуры : Центр экол. политики России, 2008. – 340 с.

346. Асафова, Е. В. Воспитание и диагностика развития экологической культуры студентов / Е. В. Асафова // Приоритетные стратегии мониторинга качества воспитания студентов / под науч. ред. В. И. Андреева. – Казань, 2003. – С. 157–176.

348. Болбас, В. С. Генезіс і пераємнасць развіцця этыка-педагагічнай думкі Беларусі X–XIII стст. / В. С. Болбас. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2019. – 228 с.

349. Балич, Н. Л. Этнокультурные практики – основа воспроизводства культурного кода восточных славян / Н. Л. Балич // Социологический альманах. – 2017. – № 8. – С. 193–207.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Фольклорные материалы, собранные авторами

Давгулевич Мария Филипповна, 01.01.1932 г. р., д. Яжевки, Лунинецкий район, Брестская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.

Казка “Алень – залатыя рожкі”

Жылі дзед і баба. Не было ў ніх нікога, таму было ім сумна. Адноўчы дзед гаворыць бабцы: “Пайду на двор работу зраблю, а ты, старая, бліноў напячы”.

Пайшоў дзед на двор, парабіў работы і стала яму сумна. І рашыў ён дзеля забавы пясчанага хлопчыка зляпіць. Прыходзіць дадому і гаворыць бабцы: “Ідзі, старая, пабач, якога я нам унука зляпіў, назавем яго Пяшчанка. Вось будзе нам пацеха”. А бабка гаворыць: “Кінь, стары, твой пясчаны хлопчык ужэ паваліўся, хадзем лепш снедаць!”. І толькі яны селі за стол, як чуюць моцны стук. Адкрываюцца дзверы, а там стаіць Пяшчанка і гаворыць: “Дзед і баба, я вас з’ем!”. А бабка адказвае: “Хадзі, унучак, лепш з намі за стол”. Пяшчанка сеў, адкрывае рот, а бліны яму самі ў рот залятаюць. Дажэ і не замеціў, як бабку і дзеда праглытнуў. Але і гэтага яму было мала.

Выходзіць на вуліцу, а там мужыкі стаяць. Адкрывае Пяшчанка свой рот і разам усе праглытнуў. Пайшоў далей па вуліцы і рэвэ: “Мала, мала”. Ідзе далей, а насустрач яму дзяўчынкі з лесу, нясуць поўныя кошыкі грыбоў, ягад. Ён і іх праглытнуў. Усё мала.

Вырашыў пайсці ў лес, паесці пашукаць. Ідзе па лесу і бачыць: на ўзгорку алень стаіць. Падышоў Пяшчанка да гары і кажа: “Алень, я хочу цябе з’есці! Зараз толькі паднімусь на гору”. А алень адказвае: “Добра, з’еш, але навошта табе на ўзгорак падымацца? Ты лепш шырэй адкрывай рот, а я табе сам у рот запыргну”.

Разышоўся алень, ды як тыкнуў Пяшчанку у бруха, што той нават раскалоўся. І павыскавалі адтуль усе жывыя людзі і цэлыя, ды давай танцаваць вакол аленя. І празвалі яго “Алень – залатыя рожкі” за тое, што жыццё ім падарыў.

Сазонова Вера Адамовна, 30.10.1934 г. р., г. Бобруйск, Могилевская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.

Песня “Птушка”

Із-за лесу вылятае
Птушачка пушыстая,
Гарманіст сядзіць іграе,
Як сярэнь душыстая.

Загадка

Вось загадка невялічка:
Жывуць брацік і сястрычка. Мірг сястрычка – і тым часам
Брат адкажа гулкім басам.
(Маланка і гром)

Гончарова Тат'яна Сергеевна, 10.02.1941 г. р., г. Наровля, Гомельская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.

Народны выраз

“Прырода была для нас кнігай, а бізун – пяром”.

Прыказка

“Родную спадчыну забыў – усё згубіў”.

Косяк Лидия Николаевна, 20.12.1935 г. р., аг. Липники, Дрогичинский район, Брестская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.

Народны выраз

“Хораша ступай, не мні ягадкі, не вырывавай з корнем, а то ягадкі абідзяцца і на наступны год не вырастуць”.

Народныя прыметы

1. Калі неба хмарнае, грымоты чуваць, а пчолы працуюць, то і дожджа не будзе.
2. Калі вароны раскрычаліся, чарвякі даждлівыя ў сонечны дзень вылазяць на паверхню – чакай дажджу.

Козел Анна Максимовна, 1927 г. р., д. Рыловичи, Ивановский район, Брестская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.

Народны выраз

“Каменем можна касу навастрыць, а можна і затупіць”.

Довбаш Ольга Федоровна, 24.10.1928 г. р., аг. Валавск, Ельский район, Гомельская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.

Прыказкі

“З песняю і конь лягчэй воз цяне”.

“У ўмелага і долата рыбу ловіць”.

Кажан Лидия Сергеевна, 1925 г. р., аг. Скрыгалов, Мозырский район, Гомельская обл. Записала в 2022 г. И. М. Шиманская.

Прыказка

“Чалавек без ведаў, што птушка без крылаў”.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Фольклорные материалы, собранные студентами учреждения образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина»

**Козлова Тамара Фоминична, 08.01.1938 г. р., д. Сидоровка, Краснопольский район, Могилевская обл. Записала в 2011 г. студ. 2 курса 4 гр. биол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Мартинovich Ирина.**

Калыханка

Баю-баюшкі-баю,
Баю, Ганачку, баю!
Прыйдзі, коцік, начаваці,
Маю дзетаньку качаці,
А я табе, кату,
За работу заплачу:
Дам кусочак пірага
І куўшынчык малака.

Ой, люлі-люленькі.
Прыляцелі гуленкі.
Селі гулі на кравась,
Сталі гулі варкаваць.
Сталі гулі варкаваць,
Стала Ганка засыпаць.

Загадка

Ішоў шалду-балду, ўзяў стрыкі-брыкі,
Як загулі ляпетнікі, сталі будзіць гарэтнікі:
“Уставайце, гарэтнікі, даганяйце шалду-балду,
Адбірайце стрыкі-брыкі”.
(Воўк ухапіў у пастуха авечку.
Той будзіў сабак, каб адабралі)

Анучкина Надежда Акимовна, 1933 г. р., д. Тидов, Калинковичский район, Гомельская обл. Записала в 2009 г. студ. 2 курса 3 гр. филол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Савицкая Ольга.

Прыказка

“Не паможа кіў, не дапаможа і кій”

Загадка

Лезу на горы, адчыняю камору,
Каб не дым, сабакі б з’елі.
(Пчолы)

Санцевич Полина Герасимовна, 1925 г. р., д. Протасы, Октябрьский район, Гомельская обл. Записала в 2008 г. студ. 2 курса 1 гр. филол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Акулич Елена.

Прыказка

“Танарліваму котка на грудзі не ўскочыць”.

Виноград (Самайлович) Екатерина Дмитриевна, 07.01.1929 г. р., д. Волевка, Новогрудский район, Гродненская обл. Записала в 2011 г. студ. 2 курса 5 гр. биол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Федасюк Ольга.

Купальская песня

Узыдзі, узыдзі, месячык,
Узыдзі, узыдзі раненька,
Разлажы купалейка
Дзевачкам спяваннейка,
Малайцам гуляннейка.

А мне, узышоўшы, много не трэба
Я звечара неба абайду,
Я з поўначы зоркі палічу,
Тады я к Вам, дзевачкі, прыйду,
Тады Вам купанне разлажу.

Народныя прыметы

1. Калі на Аўдакея (14 сакавіка) ідзе снег ці дождж з цёплым ветрам, то трэба чакаць уражайнага і мокрага лета, калі мароз – лета будзе халодным.
2. Калі пчолы з ранку дружа ідуць у лёт – дзень будзе сонечным.
3. Калі пчолы вуллёў не пакідаюць, гудуць – дзесьці пасля абеду будзе дождж.
4. Дзень сонечны, а пчолы дружна вяртаюцца – чакай навальніцы.

Мовко Ядвига Захаровна, 1931 г. р., д. Адаси, Петриковский район, Гомельская обл. Записала в 2009 г. студ. 2 курса 3 гр. филол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Емельянова Мария.

Народны выраз

“Не зрываў няспелых пладоў: паспеюць – самі ўпадучь”.

Шагаева Анна Федосьевна, 1938 г. р., д. Княжеборье, Ельский район, Гомельская обл. Записала в 2011 г. студ. 2 курса 2 гр. биол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Булавко Анна.

Абрад на добры ўраджай

Перад пачаткам пасева бралі з сабой у поле ручнік, на якое клалі хлеб, соль і свячоную пасху, закручвалі ўсё ў мяшочак, і калі прыходзілі на агарод, клалі гэта ўсё ў зямлю і казалі:

Наша зямелька залатая,
Наша матушка радная,
Мы цябе сустракаем з хлебам
і святою пасхай, с солью,
а таксама з добрай ласкай.

А ты нас добрым ураджаем!

Як казалі, закопвалі мяшочак і пачыналі працу.

Арсенович Тамара Андреевна, 1936 г. р., д. Теребежов, Столинский район, Брестская обл. Записал в 2011 г. студ. 2 курса 3 гр. биол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Пешко Олег.

Калыханка

Люлі, люлі, люлі,
Пайшоў кот на гулі.
Падмарозіў коцік лапкі,
Дайце катку хлеба.
Нехай не варчыць,
Бо дзіцятка спіць.

Загадка

Твой сябар блізкі. Сядзіць высокі, а ўстае нізкі.
(Сабака)

Пунтус Галина Николаевна, 1934 г. р., д. Осташковичи, Светлогорский район, Гомельская обл. Записала в 2011 г. студ. 5 курса 1 гр. филол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Рудницкая Татьяна.

Прыказка

“Колькі чалавек аддае, настолькі ж ён робіцца багачэй”.

Шило Ольга Константиновна, 1932 г. р., д. Б. Викоровичи, Столинский район, Брестская обл. Записала в 2008 г. студ. 5 курса 1 гр. филол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Савошинская Татьяна.

Калыханка

На вуліцы дождж
З вядра палівае,
З вядра палівае,
Зямлю прыбівае,
Зямлю прыбівае.
Брат сястру люляе
Ой, люленькі, люлі,
Брат сястру люляе.
Спі, засні, сястрычка,
Вырастай скарэй,
Вырастай скарэй,

Да будзь разумней.
Вырасцеш вяліка,
Атдадуць цябе замуж
Во страну чужую,
Во сям'ю бальшу.

Леонович Феня Николаевна, 1930 г. р., д. Жаховичи, Мозырский район, Гомельская обл. Записала в 2009 г. студ. 2 курса 3 гр. филол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Леонович Ольга.

Прыказкі

“Ляжы не ляжы, а рабіць трэба”.
“Каб быў розум, трэба вучыцца, а не Богу маліцца”.

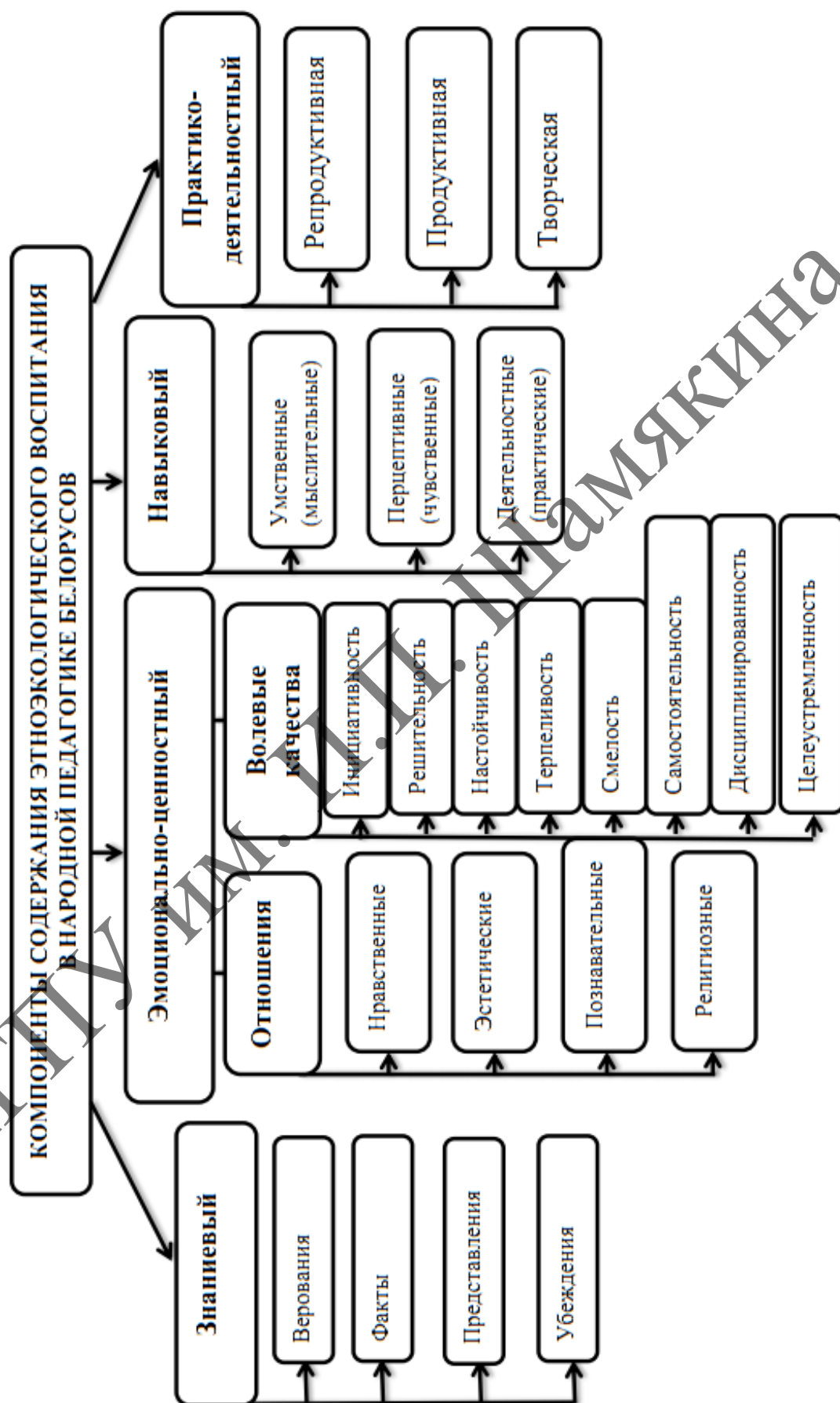
Прохоренко Светлана Васильевна, 1920 г. р., д. Вересница, Житковичский район, Гомельская обл. Записала в 2008 г. студ. 2 курса 3 гр. филол. ф-та заочной формы обуч. УО МГПУ им. И. П. Шамякина Королец Лариса.

Прыказкі і прымаўкі

“Дзе стары гаворыць, то малады не спорыць”.
“Хто прыгожыя думкі мае, той хораша спявае”.
“Без мазоля на руках не будзеш мець хлеба ў руках”.
“Не хваліся ў поле едучы, а хваліся з поля вязучы”.
“Не крычы, а лепш навучы”.

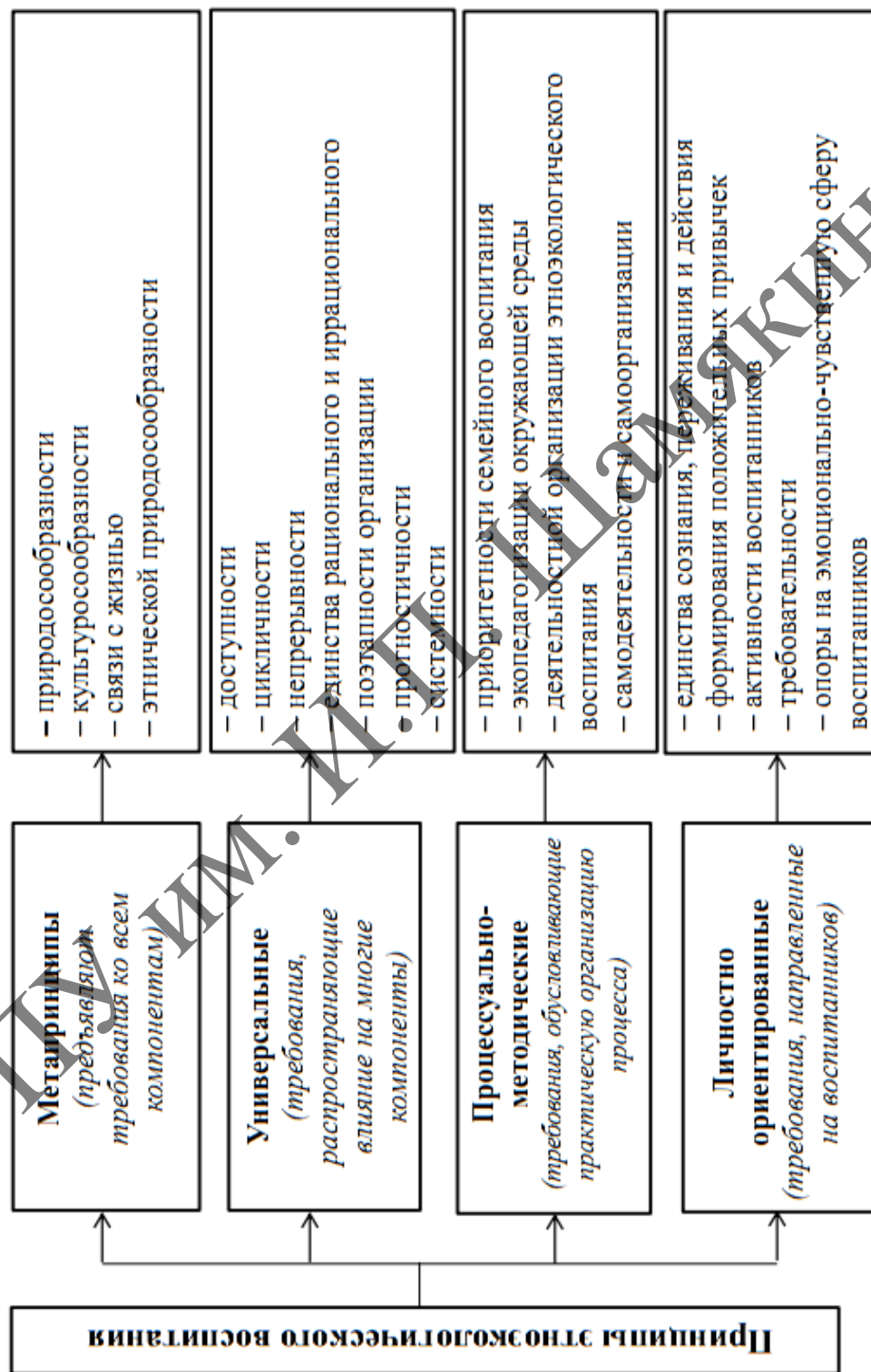
ПРИЛОЖЕНИЕ В

Компоненты содержания этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Классификация принципов этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Классификация методов этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов

Д.1 Методы развития экологического сознания

Группа	Метод	Пример
МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ	Внушения	«Бусел – гэта божжая пціца. Яго нельзя крыўдзіць. Бусел – гэта <i>спасіцель чалавека</i> » <u>Считалка</u> : « <i>Ляцеў сабака // Цераз мост, // Чатыры лапы // Пяты хвост</i> »
	Убеждения	<u>Пословица</u> : « <i>Калі добрая карова, дык і ўся сям’я здарова</i> »
	Беседа	<u>Народные параллели</u> : « <i>Гаспадыня, як мурашачка</i> », « <i>Даўганогі, як бусел</i> »
	Рассказ	<u>Сказка</u> : « <i>Жалезная галава і кот</i> »
	Объяснения	<u>Пословица</u> : « <i>Добрае здароўе лепш за самае вялікае багацце</i> », « <i>Той здароўя не ўважае, хто хваробы не знае</i> »
	Пример	<u>Пословица</u> : « <i>Бацька – рыбац, і дзетку вяду глядзяць</i> » <u>Легенда</u> : « <i>Заросшае возера</i> »
	Наблюдения	<u>Примета</u> : « <i>Гарачае лета звычайна змяняецца мокраю і халоднаю восенню</i> »

Д.2 Методы формирования природоохранного поведения

Группа	Метод	Пример
МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИРОДООХРАННОГО ПОВЕДЕНИЯ	Приучения и упражнения	<u>Пословиці:</u> – «Чалавек без практыкі – пчала без мёду» – «Шануй каця дома, а ён цябе ў дарозе» – «Праз сілу і конь не вязе»
	Ігры	<u>Задавы:</u> – «Сарожа-варона кашу варыла» – «Шоў клон на сцяне» <u>Ігры:</u> «Рэдзька», «Крумкач»
	Труд	<u>Пословиці:</u> – «Трэба нахіліцца, каб з ружай напіцца» – «Пры добрым падыходзе і кот гарчыцу есць»

Д.3 Методы стимулирования и мотивации эколого ориентированной деятельности

Группа	Метод	Пример
МЕТОДЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ И МОТИВАЦИИ ЭКОЛОГО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	Поощрения	Одобрение-клятва: «Як, клянуцца, та зямлю цалуюць, зямлі кляюцца, яе лічаць сьвятою» Похвала-пословица: «Кожны цыган сваю кабылу хваліць»
	Наказания	Народные паремии: «Прырода была для нас кнігай, а бізун – няром» Поверье: «Хто сяжэць дуба, таму здароўя нялюба: ізвирня нн 'тсакетъ и нястоў нн рязядэтъ»
	Общественного мнения	Пословицы: – «Лес і вада – родныя брат і сястра» – «Няма вярнейшага друга за сабаку»
	Требования	Прямые требования: «Хораша ступай, не мні ягадкі, не вырываі з корнем, а то ягадкі абідзяцца і на наступны год не вырастучь» Косвенные требования: «Белая зямля не чаровіць тшана»
	Соревнования	Игры: «Свіння», «У мядзведзя на бару»

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Классификация средств этноэкологического воспитания в народной педагогике белорусов

